

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Гр. А. К. Толстого.

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1895.

ТОМЪ ВТОРОЙ

1866—1875.

ПОЭМЫ, ПОВѢСТИ, ДРАМЫ.

Посадникъ.

ТРИ ПЕРВЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДРАМЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бояринъ Глѣвъ Мироничъ, степенный посадникъ новгородскій.

Посадница, жена его.

Вѣра, дочь ихъ.

Боярыня Мамелфа Дмитревна, вдова прежняго посадника.

Въшафта

Роѳовичъ

Жирохъ

Кривцевичъ

} новгородскіе бѣяре.

Василько, женихъ Вѣры, дочери посадника.

Ставръ

Головня

Радько

} товарищи его.

Бояринъ Ѳома Григорьичъ, бывшій новгородскій воевода.

Бояринъ Андрей Юрьевичъ Чермный, новый новгородскій воевода.

Наталья, полюбовница Чермнаго.

Рагуйло, братъ ея, изъ непріятельскаго стана.

Кондратьевна, няня ея.

Дѣвушка, прислужница ея.

Мечникъ.

Гридень.

Подвойскій.

Одинъ изъ бояръ.

Другой   "   "

Третій   "   "

Четвертый   "   "

Одинъ изъ народа.

Другой   "   "

Третій   "   "

Четвертый   "   "

Пятый   "   "

Шестой   "   "

Седьмой   "   "

Восьмой   "   "

Граждане. Бояре. Гривни. Огнищане.

Дѣйствіе въ Великомъ Новгородѣ, въ XIII столѣтіи.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

УЛИЦА.

Толпа народа возвращается съ площади.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Конецъ вѣчу. Договорились до дѣла!

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

По шеямъ боярина Оому'

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Давно бы такъ! Чтò онъ былъ за воевода! Суздальцамъ хотѣлъ ворота отпереть! Не можемъ-де долѣ держаться!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Къ чорту его! Бояринъ Чермный не отопреть!

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Не таковскій!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А и у Оомы сильна сторона! Я какъ увидѣлъ, что Плотниціе одинъ за другимъ въ доспѣхахъ подсѣдаютъ, ну, думаю, въ топоры пойдутъ!

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

И пошли бы въ топоры, когда бъ не посадникъ! Дай Богъ ему здоровья, Глѣбу Миронычу! Не рѣчисть, да мѣтко его слово: «Не о томъ, говорить, споръ, кому воеводой быть, а о томъ, вольнымъ ли намъ городомъ оставаться! Хотите ли послушаться Оомы? Хотите ли Суздальскимъ пригородкомъ учиться?»—Тутъ мы первые закричали: «Не хотимъ! Долой Оому!»

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

А Плотникіе-то свое несутъ; какъ Оома ихъ училъ, такъ и долбать: «Не можемъ держаться! Приступомъ насъ возьмутъ!»

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

А какъ осерчалъ-это на нихъ Глѣбъ Миронычъ! «Неправда!» говорить, «три дня еще продержимся, пока Псковичи на выручку подойдутъ! Кто смѣлуеетъ мнѣ, посаднику Глѣбу, не вѣрить?»—Такъ и сказалъ: «кто смѣлуеетъ мнѣ, Глѣбу, не вѣрить?»

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Великъ его почетъ въ Новѣгородѣ! Какъ сказалъ: кто смѣлуеетъ мнѣ не вѣрить?—такъ вся Добрынина улица въ одинъ голосъ: «Вѣримъ тебѣ; вѣримъ! Долой Оому! Тебѣ, Глѣбу, воеводой быть!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Нѣтъ, то не Добрынина, а наша Люгоша улица напередъ всѣхъ закричала: «Тебѣ воеводой быть!»

ВТОРОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Объ улицы закричали. Да спасибо-то онъ никому не сказалъ. «Не мнѣ, говорить, а Чермному быть воеводой! Чермный лучше всѣхъ дѣло знаетъ, нѣтъ супротивъ Чермнаго во всемъ въ Новѣгородѣ!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ НАРОДА.

А молодые, молодые-то и обрадовались. Во всѣхъ концахъ заголосили: «Чермнаго! Чермнаго!» Они-то и перекричали Плотницкихъ!

ПЕРВЫЙ ИЗ НАРОДА.

Не они одни, всѣ мы ихъ перекричали. Заставили языкъ прикусить!

ТРЕТИЙ ИЗ НАРОДА.

Куда одному концу противъ всѣхъ!

ПЕРВЫЙ ИЗ НАРОДА.

А въ кольчугахъ, было, подсѣли! Думали Новгородъ на-двое раздѣлить. Тутъ бы они и ударили за Оому, да не удалось, когда посадникъ сказалъ: «кто смѣлуешь мнѣ, Глѣбу, не вѣрить?»

ВТОРОЙ ИЗ НАРОДА.

Даромъ ихъ, значить, Оома угощалъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ НАРОДА.

Ни про что исхарчился!

ПЕРВЫЙ ИЗ НАРОДА.

Ну, не простить же онъ посаднику!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗ НАРОДА.

Не простить!

ПЕРВЫЙ ИЗ НАРОДА.

А тому—какое горе! Когда Глѣбъ смотрѣлъ на кого!

ВТОРОЙ ИЗ НАРОДА.

Тѣмъ-то себѣ и недруговъ нажилъ!

ТРЕТІЙ ИЗЪ НАРОДА.

Правда, шеи гнуть не умѣть! А ужъ что до порядковъ, не приведи Богъ!

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Спуску никому не дать. Говорить: «Я не просился въ посадники, а выбрали меня, такъ ужъ знайте кого выбрали!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

За то ему, видно, и Чермный по нраву. Этотъ также не гнѣтся.

ПЕРВЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Ну, Чермный посаднику рознь. Въ ратномъ-то дѣлѣ нѣтъ супротивъ его, а дома ужъ больно до женскаго пола охочъ; отъ своей отъ Натальи души не чаешь!

ЧЕТВЕРТЫЙ ИЗЪ НАРОДА.

Кому до того нужда, коли онъ въ строю не бабится!

ЯВЛЕНІЕ II.

Другая толпа—(иные въ кольчугахъ).

ПЯТЫЙ—въ кольчугѣ.

Что за оторопь на васъ нашла? Дали смѣнить Оому Григорьича, теперь напляшемся съ Чермнымъ! До осени миру не будетъ, до весны кораблей своихъ не увидимъ!

ШЕСТОЙ ИЗЪ НАРОДА.

Чего жъ вы, кольчужники, сложа руки сидѣли?

ПЯТЫЙ.

Какой сложа руки! Мы кричамши животы насадили! А какъ побожился тотъ чортовъ посадникъ, что Чермный городъ отстоять, тутъ всѣ, какъ шальные, пошли ревѣть: Чермнаго! Чермнаго! Не со всѣмъ же Новымъ-городомъ на драку лѣзть!

сЕДЬМОЙ.

И подлинно шальные. Эка бѣда, что Оома за князя говорилъ! Не все ли равно торговать, что на своей ли, что на княжой ли волѣ? Безъ торгу-то, небось, лучше?

вОСЬМОЙ.

А сталь бы князь опять власть забирать, опять бы ему путь указали! Важно было время выиграть.

пЯТЫЙ.

Разорить насъ этотъ Чермный!.. Не отстоимъ города. Суздальцы на щить возьмутъ!

Первая толпа.

пЕРВЫЙ.

Какъ города не отстоимъ?

вТОРОЙ.

Да развѣ намъ впервой низовыхъ бить?

Вторая толпа.

сЕДЬМОЙ.

Вамъ-то, чай, отъ войны не накладно, такъ вы и горла-нили за Чермнаго!

Первая толпа.

вТОРОЙ.

А вамъ бы мошну набивать, а Новгородъ пропадай!

Вторая толпа.

пЯТЫЙ.

Глѣбъ-то вамъ передъ вѣчемъ, чай, изъ своего погреба по стопѣ поднесъ?

Первая толпа.

тРЕТІЙ.

А много вамъ князь заплатилъ за Оому стоять?

Вторая толпа.

ШЕСТОЙ.

Крысы подпольныя!

Первая толпа.

ВТОРОЙ.

Суздальскія собаки!

Объ толпы бросаются одна на другую. —
Является Чермный въ сопровожденіи бояръ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЧЕРМНЫИ, ВАСИЛЬКО, бояре, СТАВРЪ, ГОЛОВНЯ, РАДЬКО и воины,
потомъ ПОСАДНИКЪ.

ЧЕРМНЫЙ.

Что тутъ за шумъ? Кто смѣлъ затѣять ссору?
Забыли вы, что Новгородъ мнѣ даль
На время облежанія расправу
На жизнь и смерть?

Говоръ въ народѣ.

ВТОРОЙ.

Вишь, этогъ не Оумъ чета!

ТРЕТИЙ.

Съ нимъ не сдобровать!

ПЕРВЫЙ—увидѣвъ Посадника.

А вотъ и посадникъ идетъ.

ВТОРОЙ.

Отъ этого еще хуже будетъ.

ПОСАДНИКЪ—къ Чермному.

Что тутъ опять горланили они?

ЧЕРМНЫЙ.

Повздорили маленько, Глѣбъ Миронычъ,
Да ничего, ужъ я имъ погрозилъ;
Самъ вѣдаешь, народъ вѣдъ вольный!

ПОСАДНИКЪ.

Вольный!

Они вольны на вѣчѣ говорить,
А приговоръ когда постановили,
Онъ долженъ быть, какъ Божье слово, святъ!
Ты не грози тому, кто спорить станеть,
А съ жерновомъ на шеѣ кинуть въ Волховъ
Его вели!

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ имъ и будетъ, если
Опять начнутъ!

Народъ расходится по сценѣ.

ЧЕРМНЫЙ—къ боярамъ.

Великую отъ васъ
Я честь пріялъ сегодня, государи,
А съ ней отвѣтъ великій. Не должны
Мы забывать, какая угрожаетъ
Опасность намъ. Князь не съ одной своей
Дружиной для мщенья къ намъ вернулся;
Его дядьевъ дружины съ нимъ пришли,
Не пошлиной, на древлихъ Ярославлихъ
На грамотахъ, обратно столъ княжой
Онъ требуетъ, но вотчиной своею
Ужъ насъ зоветъ. Всѣ пригородки взялъ,
Посады сжѣгъ. Ужъ турами бьетъ стѣны.
Отъ приступовъ его все болѣ наша
Рѣдѣть рать—и если Псковичи

На помощь къ намъ не подойдутъ, придется
И впрямь княжой намъ вотчиною стать,
Или, за вольность нашу, безъ остатка
Всѣмъ лечь костьюми!

КРИКИ.

Всѣ, всѣ за вольность ляжемъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Но если мы дня три лишь иль четыре
Продержимся, то Псковъ имъ въ тыль ударить,
Мы жъ выльземъ—и правому тогда
Поможетъ Богъ!

Изъ толпы.

ТРЕТИЙ.

Съ тобой намъ Богъ поможетъ!

ВТОРОЙ.

Ты наша брань!

ВСѢ.

Живеть бояринъ Чермный!

ЧЕРМНЫЙ.

А чтобы дать ихъ множеству отпоръ,
Всѣ за-одинъ теперь стоять должны мы.
Не для того вы сами воеводой
Поставили меня, чтобы сидѣнье
Держали мы, какъ было при Өомѣ!
На сонныхъ мухъ подъ нимъ мы походили!
Теперь не такъ! Теперь не оставайся
Никто въ дому! На стѣны старъ и младъ!
Кто годенъ въ строй, тотъ надѣвай кольчугу;
Кто нѣтъ, таскай тотъ землю и песокъ

На новый валъ! Передніе ли люди,
Иль младшіе—бояре или чадь—
Всякъ топоромъ, мечомъ или лопатой
Теперь служи—и еслибъ даже кто
И дьякомъ былъ, и было бъ ужъ гуменцо
Пострижено, всѣ винны за святую
Софію стать!

всѣ.

Всѣ станемъ за Софію!

второй.

Изремъ съ тобой!

первый.

За Новгородъ-Великій!

четвертый.

За грамоты!

третій.

За волю!

всѣ.

Станемъ всѣ

Живой стѣной!

чермный.

Ступайте жъ, государи,
Къ своимъ мѣстамъ—вамъ вѣдомы они.
Всякъ знай свое, въ чужое не мѣшайся,
Перебѣгать не смѣй отъ мѣста къ мѣсту,
Какъ при Омѣ. Не ваша то печаль,
Коль на какой обломъ, иль вежу, приступъ
Услышите. Отвѣтъ за все на мнѣ.
Простите же; сейчасъ приду на валъ
Осматривать работы:

Бояре уходятъ; народъ расходъ

ЯВЛЕНИЕ IV.

ЧЕРМНЫЙ и ПОСАДНИКЪ.

ЧЕРМНЫЙ—къ Посаднику.

Глѣбъ Миронычъ!

ПОСАДНИКЪ.

Что, государь?

ЧЕРМНЫЙ.

Сей ночью, изъ тюрьмы
 Одинъ изъ плѣнныхъ Суздальцевъ ушѣлъ.
 Вели его сыскать, во что бъ ни стало,
 Теперь опасность велика. Нельзя
 Врага оставить въ городѣ. Поджоги
 Онъ учинить, или маякъ, пожалуй,
 Своимъ подасть. Сыскать его вели.

ПОСАДНИКЪ.

Велю сыскать. Еще что мнѣ прикажешь?

ЧЕРМНЫЙ.

Ни въ ворота, ни изъ воротъ чтобъ стража
 Не пропускала никого. Обѣзды
 По улицамъ чините день и ночь.
 Неслушливыхъ хватайте. Только, Глѣбъ
 Мироновичъ, тебѣ не въ укоризну,
 Пожалуй ты ужъ черезъ мѣру крутъ.
 Остерегись, теперь такое время,
 Другъ за друга держаться всѣ должны.
 Не возбудилъ бы строгостью излишней
 Ты ропота. Ино—кто дѣломъ воръ,
 Ино—кто только словомъ провинился:
 Не всяко лыко въ строку!

ПОСАДНИКЪ.

Всяко въ строку!

Когда нашъ врагъ подъ городомъ стоитъ,
 Когда его прихлѣбники безстыдно
 Мутятъ народъ, когда Ома чуть-чуть
 Уже воротъ ему не растворилъ —
 Отъ слова тутъ до дѣла недалѣко
 И никому мирволить намъ нельзя!

ЧЕРМНЫЙ.

Чини жъ, какъ знаешь; вечеромъ тебя
 Прошу къ совѣту; вмѣстѣ потолкуемъ
 И подкрѣпимъ себя, чѣмъ Богъ послалъ.
 Три дня, съ тобой, очей мы не смыкали,
 И голова кружиться начала.
 Пусть также зять придетъ твой нареченный,
 Ему работу на-ночь я задамъ.

ПОСАДНИКЪ.

Придемъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Постой, я было-позабылъ!
 Въ монастырѣ, во Спасскомъ, со двора
 Есть тайный ходъ; ведетъ онъ подъ землю
 За городскую стѣну и выводитъ
 Въ Свенельдовъ врагъ. Ключъ отъ дверцы желѣзной
 Тамъ въ ризницѣ. Пожалуй, у игумна
 Его возьми и принеси ко мнѣ.

ПОСАДНИКЪ.

Не слыхивалъ про этотъ ходъ.

чЕРМНЫЙ.

Да врядъ-ли
Кто и слыхаль. Случайно прошлымъ лѣтомъ,
Охотясь, я на устїе набрель.
Игумень говоритъ, что при Варягахъ
Онъ вырыть былъ.

ПОСАДНИКЪ.

Засыпать бы его.

чЕРМНЫЙ.

Напротивъ, онъ теперь намъ пригодится:
Черезъ него лазутчика пошлю,
Иль самъ пойду, переодѣтый, ночью
Во вражїй станъ.

ПОСАДНИКЪ.

Какъ знаешь. Принесу
Тебѣ тотъ ключъ. Еще чего сказать
Не вспомнишь ли?

чЕРМНЫЙ.

Одно сказать осталось:
Поклонъ тебѣ, бояринъ Глѣбъ Миронычъ,
Что воеводство мнѣ ты уступилъ,
Что, о себѣ не мысля, за меня
Стоялъ на вѣчѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Не-на-чемъ поклонъ.
Не за тебя, за Новгородъ стоялъ я.
Будь кто тебя получше, за того бы
Я и стоялъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Не въ гнѣвъ тебѣ я молвилъ,
Но отъ души. Въ твоихъ рукахъ, бояринъ,
Пусть будетъ городъ. Ты-жь его блюди
По своему по разумѣнью.

ПОСАДНИКЪ.

Буду

Блюсти какъ знаю, государь.

ЧЕРМНЫЙ.

Прости-жь,

Къ вечери до свиданья!

ПОСАДНИКЪ.

До свиданья.

Посадникъ уходитъ. Чермный хочетъ идти.
Наталья бросается ему на встрѣчу.

ЯВЛЕНИЕ V.

ЧЕРМНЫЙ и НАТАЛЬЯ.

НАТАЛЬЯ.

Золотой ты мой! Ненаглядный мой! Насилу-то времячко
вылучила!

ЧЕРМНЫЙ.

Наташа! Ты зачѣмъ здѣсь, сумасшедшая?

НАТАЛЬЯ.

Не втерпѣжь стало, свѣтъ Андрей Юрьичъ! Двое сутокъ
домой не приходишь! Какъ ударили къ вѣчу, я выбѣжала на

площадь; все время позади народу съ бабами стояла. Слышала, какъ тебя въ воеводы поставили. Думаю: Господи! Теперь я того меньше придется видѣть его! Хоть на улицѣ на свѣта моего посмотрю!

ЧЕРМНЫЙ—ласково.

Сумасшедшая, право сумасшедшая!

НАТАЛЬЯ.

Издали все шла за тобой, а тутъ къ воротамъ прижалась, покуда ты съ посадникомъ говорилъ. Насилу-то онъ ушелъ! И что это ты затѣялъ! Одинъ во вражій станъ иди! Я все слышала!

ЧЕРМНЫЙ.

А тебѣ нужно знать! Ступай домой, я о вечерни приду. Приготовь ужинать, Наташа, гости будутъ.

НАТАЛЬЯ.

Да не гони же меня, успѣю приготовить!

ЧЕРМНЫЙ.

Непригоже намъ на улицѣ вмѣстѣ быть.

НАТАЛЬЯ.

Иду, иду. Да вѣдь уже и нѣтъ никого, всѣ разошлись; а мнѣ бы только еще посмотрѣть на тебя; вѣдь двое сутокъ не видѣла!

ЧЕРМНЫЙ.

Увидимся вечеромъ, а теперь ступай; мнѣ самому идти надо.

НАТАЛЬЯ.

Да скажи мнѣ хоть словечко-то ласковое!

ЧЕРМНЫЙ.

Вѣдь знаешь, что люблю тебя. Чего-жъ тебѣ еще?

НАТАЛЬЯ.

Тяжело уходить-то мнѣ нонѣ: вѣдь ты цѣлый день все подѣ стрѣлами! Долго ли до бѣды, до вѣчной разлуки съ тобой. Охъ, ты, болѣзненный мой! Дай же мнѣ хоть обнять тебя—вѣдь кто знаетъ?—можетъ быть, въ послѣдній разъ! Свѣтъ ты мой! Голубчикъ ты мой!

Бросается ему на шею и уходитъ. Чермный идетъ въ другую сторону. Является бояринъ Оома съ Кривцевичемъ и Жирохомъ.

~~~~~

ЯВЛЕНІЕ VI.

ООМА, ЖИРОХЪ и КРИВЦЕВИЧЪ.

ООМА.

Вы видѣли?

ЖИРОХЪ.

Какъ не видать!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Каковъ!

ЖИРОХЪ.

Ай-да бояринъ! Ай-да воевода!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Знай, времени не тратить.

ЖИРОХЪ.

Цѣловаться

Нашель съ своей Наталкой мѣсто!

Ѡома.

Что жь?

Такого, видно, надо воеводу!
 Чай, государь-то Новгородъ-Великій
 На то его и выбралъ. Исполать!
 Мы съ бабами не зналися; о томъ лишь
 Заботились, какъ городъ бы сберечь,
 До грабежа бъ не довести; хотѣли,
 Чѣмъ Суздальцамъ на шить себя отдать,
 Добромъ отдаться князю; такъ вотъ нѣтъ!
 Посаднику, вишь, стали неугодны!
 А что велить посадникъ, то у насъ
 И дѣется, и свято!

жирохъ.

Эхъ, Ѡома

Григорьевичъ! Эхъ, если-бы тебя
 Послушались! Смотри, коль не возьмутъ
 Насъ приступомъ. Вѣдь силы-то такой
 Не видано доселѣ.

Ѡома.

Ничего!

Бояринъ Чермный справится.

кривцевичъ.

Хорошъ!

Еще принять и гридьбы не успѣлъ,
 А съ нимъ ужъ и Наталка!

Ѡома.

Человѣкъ,

Вишь, молодой. Оттоль и порубиться,
 И показать хотѣлось бы себя.

Мы на своемъ рубилися вѣку,
За новыми не гонимся рубцами;
Ну, а ему въ диковину.

жирохъ.

Ужъ будутъ
Ему рубцы! И Новгороду будутъ!
Не скоро мы залечимъ ихъ.

Ѳома.

Поди ты!
А вотъ посадникъ говоритъ, что Чермный
Все отстоятъ; Ѳома-де не умѣлъ,
А мы съумѣемъ съ Чермнымъ; ото Пскова,
Вишь, рать придетъ, осаду сыметъ! Знаемъ
Мы Псковичей! Чай, пьяны напилися
Отъ радости, что плохо намъ пришлось.
Ну, да посадникъ общаетъ—значить,
Оно и такъ. И Новгородъ за нимъ
Твердить: побьемъ, побьемъ низовыхъ! Нутка!
Посмотримъ, какъ побьете ихъ!

кривцевичъ.

Хорошъ
И Новгородъ! Баранье стадо, право!
Давно ли былъ имъ хуже горькой рѣдки
Посадникъ Глѣбъ! Боярамъ не давалъ
Созванивать народъ, помимо вѣча;
А безземельныхъ съ площади гонялъ:
«Не вѣчники вы, дескать!» И стоялъ
Всѣмъ поперекъ. А стоило сказать,
Что грамоты похерятъ—и пошли
Кричать за нимъ. Вотъ приступомъ возьмутъ,
Тогда увидятъ грамоты!

жирохъ.

Смотри,

Когда и тутъ не выйдетъ правъ онъ!

Ѳома.

Выйдетъ,

Коли молчать мы будемъ. Смирны очень
Ужъ стали мы.

кривцевичъ.

Да мы, Ѳома Григорьичъ,
На вѣчѣ не молчали-то!

Ѳома.

Эхъ вы!

Богатыри! Да развѣ въ крикѣ дѣло?
Иное, такъ, словечко, мимоходомъ,
Какъ незначай, проронишь, а оно
И во-сто кратъ сильнѣй, чѣмъ еслибъ горло
Батага цѣлая драла. А вы
Наладили себѣ одно: не можно
Держаться намъ! Не можно да не можно!

жирохъ.

А чтò жъ намъ было говорить?

Ѳома.

Про Глѣба

Про самого сказать вамъ было, вотъ чтò!
Свою-де онъ, Глѣбъ, выгоду блюдетъ!
Догадливъ, чай; онъ знаетъ, что не правятъ
Долговъ въ войну. Вѣдь отъ войны кому
Живеть накладъ? Тѣмъ, у кого въ подвалахъ
Товаръ лежитъ! А много у него
Товару есть? А? много ли товару?

ЖИРОХЪ.

Такъ, такъ, Ома Григорьичъ, всѣ его
Разбило въ морѣ корабли!

ОМА.

Вотъ то-то!

Одной святой Софіи тысячь тридцать
Стоить должднѣ. А съ любскими купцами
И до ста наберется.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Будеть до ста.

ОМА.

Такъ мира-то зачѣмъ ему хотѣть?
Онъ не дуракъ. Теперь, небось, не правятъ
Съ него долговъ; а Новгородъ возьмутъ —
Такъ что ему? Съ него-то взятки гладки!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Вѣстимо такъ.

ОМА.

Вотъ мы—другое дѣло.
Что день, то намъ убытокъ отъ войны.
Ты, напримѣръ: на сколько у тебя
Лежить парчи?

КРИВЦЕВИЧЪ.

На сорокъ будетъ тысячь.

ОМА—къ Жироху.

А у тебя скатного жемчугу?

ЖИРОХЪ.

На столько же, пожалуй.

ОМА.

Такъ смотрите жь:

По малому вамъ счету, по сту въ мѣсяць
 На каждыаго червонецъ изъ кошны!
 А приступомъ коль Новгородъ возьмутъ,
 Такъ ты и вовсе безъ парчи, а ты
 Безъ жемчугу! Въ Софійскіе подвалы,
 Чай, Суздальцы найдутъ дорогу! Какъ
 По вашему?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Что тутъ и говорить!

По нашему, такъ поскорѣй бы дѣло
 Помимо тѣхъ двоихъ поладить. Князь бы
 За то спасибо намъ сказалъ.

ОМА.

Смекнули?

ЖИРОХЪ.

Оно бы можно, еслибъ этотъ Чермный
 Тутъ былъ одинъ, да стараго-то пса
 Не проведешь, глазасть ужъ больно!

ОМА.

Гмъ!

Большой тебѣ пріятель онъ?

ЖИРОХЪ.

Пріятель?

Кто? Глѣбъ? Да я бь туда его послалъ,
 Куда крятунъ костей не заносилъ!

ѲОМА.

Ахъ да, бишь, помню! То никакъ вѣдь онъ
Въ голодный годъ тебѣ нажитья не даль,
Скупилъ весь хлѣбъ?

ЖИРОХЪ.

Когда бъ одно лишь это!
Ужъ перехватъ ему бы я простилъ;
Бери себѣ да подавися—дѣло
Торговое. Но онъ не для себя,
А на-зло мнѣ! Скупилъ запасъ да тотчасъ
За поль-цѣны спустилъ его въ народъ.
Смотрите-моль: Жирохъ хотѣлъ нажитья,
А я, моль, вамъ задаромъ отдаю!

ѲОМА.

Вишь, старый чортъ!

ЖИРОХЪ.

И вѣче созвонилъ:
Тяжелый-де насталь для смердовъ годъ,
Отъ глада мрутъ. Велите, государь
Великій-Новгородъ, чтобы по прошлымъ
У насъ запасъ по цѣнамъ продавался,
А то ужъ вотъ хотѣлъ-было Жирохъ
Повысить хлѣбъ!

ѲОМА.

Эхъ, удружилъ тебѣ!

ЖИРОХЪ.

Проклятый вѣронъ! Такъ меня ославилъ,
Хоть выходи изъ сотни. Ужъ ему бы
Припомнилъ я!

КРИВЦЕВИЧЪ

Да что, не одного
Тебя онъ, чай, ославилъ. Ужъ кому
Досадчикомъ онъ не былъ!

ОМА.

Такъ зачѣмъ же
Его жалѣть?

ЖИРОХЪ.

Да кто жъ его жалѣетъ?

ОМА.

А коли такъ, то слушайте вы оба:
Покуда Глѣбъ посадникомъ, а Чермный
Дѣтинецъ держитъ, нечего о сдачѣ
И думать намъ. А можно это дѣло
Такъ повести, что Новгородъ и самъ
Ихъ отрѣшитъ. Вѣдь если правду молвить,
Не съ-разу князь насъ приступомъ возьметъ;
А до того могли бы мы проруху
На нихъ найти. Старикъ ужъ болѣно крутъ,
Онъ и своихъ не милуетъ; какъ разъ
Обидитъ городъ; ну а молодой —
Вы видѣли каковъ: опричь сидѣнья,
Бабѣ на мысли у него; такъ вотъ
Подвесьте бы ихъ; когда жъ одинъ слетитъ,
Такъ и другой удержится не долго.

ЖИРОХЪ.

Пусть только Глѣбъ слетитъ, а съ Чермнымъ намъ
Полегче сладить будетъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Все едино:

Пусть только промахъ Чермный дастъ, сейчасъ
Начнемъ кричать: кто посадилъ его?
Никто какъ Глѣбъ! Тащить къ отвѣту Глѣба!
На вѣчѣ-то расправа не долга —
Не усидить!

ЖИРОХЪ.

А коль обоихъ ссадимъ,
Кому жъ тогда и воеводой быть,
Коль не тебѣ жъ опять, Ома Григорьичъ!

ОМА.

Ты думаешь? Гмъ! Дай хоть на часокъ
Дѣтинецъ мнѣ, теперь ужъ не на вѣчѣ
Я толковать о мирѣ буду. Настежъ
Всѣ ворота! Князь-батюшка, пожалуй!
Челомъ тебѣ на вотчинѣ твоей!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Держись тогда и Глѣбъ, и Чермный! Праздникъ
На нашей будетъ улицѣ! Услугъ
Князь не забудетъ нашихъ!

ЖИРОХЪ.

И тогда

Съ тобою, Глѣбъ Миронычъ, мы свои
Покончимъ счеты!

ОМА.

Такъ-то, государи.

Ну, а теперь поклонную пока
Намъ голову приходится держать.

Пойдемъ приказъ принять отъ воеводы,
Отъ новаго; авось еще удастся
И на его Наталку поглядѣть!

Уходить

ДОМЪ ПОСАДНИКА.

ПОСАДНИЦА и БОЯРЫНЯ МАМЕЛФА ДМИТРЕВН

БОЯРЫНЯ.

Что жъ это значить, матушка? Чай, вѣче
Ужъ отошло, а Глѣба твоего
Мироныча доселѣ нѣту! Полно,
Ужъ вѣдомо ль ему, что у тебя
Сижу я?

ПОСАДНИЦА.

Какъ же, матушка, Мамелфа
Дмитревна! Передъ его уходомъ
Твой посланный намъ повѣстилъ, что ты
Пожаловать изволишь.

БОЯРЫНЯ.

Дивно мнѣ,
Что онъ не поторопится; чай, знаетъ —
О вѣчевомъ услышать приговорѣ
И мы хотимъ! Ну, а невѣста гдѣ жъ?

ПОСАДНИЦА.

Вишь, у ея кормилицы вчера
Убили мужа; угѣшать вдову
Она пошла, сударыня.

ВОЯРЫНЯ.

Да; много

Теперя есть въ Новѣгородѣ вдовѣ,
Да и сиротъ не мало. И затѣмъ-то
Совѣтоваль Ѳома Григорьичъ миръ
Намъ учинить. Онъ дѣло говорилъ.
Его же вздумали смѣнять. Пустое
Затѣяли!

ПОСАДНИЦА.

Да, говорятъ, онъ городъ
Собирался сдать?

ВОЯРЫНЯ.

Кто это говорить?

Не вѣрь тому! На всей новгородской
На волѣ онъ хотѣлъ мириться съ княземъ!
Отъ самого слыхала.

ПОСАДНИЦА.

Статься можетъ.

Его-то, чай, ты лучше знаешь.

ВОЯРЫНЯ.

Знаю,

Сударыня: благочестивъ и вѣжливъ;
Почтителенъ и скромнень; вхожь ко мнѣ
Не первый годъ; а я вѣдь не со всякимъ
Вожу хлѣбъ-соль.

ПОСАДНИЦА.

Кто жъ этого не знаетъ!

Кого къ себѣ примаешь ты, того
Весь городъ чтить.

БОЯРЫНЯ.

Да, матушка; на деньги
 Да на породу не смотрю. Кто прямъ,
 Бойтся Бога да живетъ по правдѣ,
 Хоть черный будь онъ—милости прошу!
 Кто жъ въ чемъ не чистъ, такъ будь онъ хоть самъ кн
 Не прогнѣвись, ворота на запорѣ!
 Боярину намедни Аввакуму
 Дверь указала.

ПОСАДНИЦА.

Право? А за что?

БОЯРЫНЯ.

Провѣдалъ, вишь, что корабли разбило
 Путятины, да съ долговымъ листомъ
 Кристалъ къ нему; притиснулъ такъ Путятю,
 Что тотъ ему за полъ-цѣны товары
 Свои отдалъ; а Аввакумъ возьми ихъ,
 Перепродай, да ссуду ровно вдвое
 И выручи!

ПОСАДНИЦА.

Ахъ, стыдъ какой!

БОЯРЫНЯ.

И послѣ

Безсовѣстнаго дѣла своего,
 Онъ, скаредный, еще не побоялся
 Ко мнѣ придти; да я ему при всѣхъ:
 Пей, батюшка, свою сегодня чару
 И помни вкусъ—впередъ не поднесуть!

ПОСАДНИЦА.

Что-жъ? И ушелъ?

ВОЯРЫНЯ.

Небось, не засидѣлся.

ПОСАДНИЦА.

Жена-то, бѣдная!

ВОЯРЫНЯ.

Та ни при чемъ;

Я въ тотъ же день сказать велѣла ей:
По прежнему ко мнѣ пускай-де ходить,
Ей рада-де!

ПОСАДНИЦА.

Да какъ же ей теперь-то
Ходить къ тебѣ?

ВОЯРЫНЯ.

А держится за мужа,

Ино вольна и не ходить. Одно
Могу сказать: Варуху моему
Буслаичу покойному жена
Покорная и добрая была я;
Но еслибъ онъ, Господь меня прости,
Что студное бы учинилъ, я съ нимъ бы
Не стала жить, пошла бы въ монастырь!

ПОСАДНИЦА.

Такъ, матушка; но вѣдь сама же ты
Пускать къ себѣ, кажися, перестала —
Какъ бишь ее?.. Что съ мужемъ-то не ходить?

ВОЯРЫНЯ.

Якуниху? Я выгнала ее
За то, что стыдъ и обыкъ позабыла:
Пока Якунъ въ Новѣгородѣ былъ,

Они ни разу съ Чернымъ не видались;
 А только лишь уѣхалъ мужъ въ Торжокъ,
 Что день, то къ ней таскаться началъ Черный!
 По-моему жена по разумѣнью
 Должна предъ мужемъ голову держать
 Поклонную: хранить не только вѣрность,
 Но такъ вести себя, чтобъ про нее
 Никто не смѣлъ худого и подумать.
 Но если мужъ безчестный—брось его,
 Вернись къ роднымъ, не то—вселися въ пустынь,
 Иль постригись!

ПОСАДНИЦА.

Такъ, матушка, вѣстимо...

ВОЯРЫНЯ.

И матерямъ твержу, для дочерей
 Чтобъ жениховъ богатыхъ не искали;
 Напредъ всего, чтобъ зять боялся Бога,
 И правду блюлъ!

ПОСАДНИЦА.

Вѣстимо...

ВОЯРЫНЯ.

А не то
 Пусть лучше въ дѣвкахъ дочери сидятъ!

ПОСАДНИЦА.

Вѣстимо такъ; да гдѣ жъ найти такого,
 Чтобъ не было на немъ укору?

ВОЯРЫНЯ.

Значить,

Есть и на вашемъ?

ПОСАДНИЦА.

Грѣхъ его винить,
А помирнѣй, конечно бы, хотѣлось
Для нашей Вѣры.

ВОЯРЫНЯ.

Значить, сорванецъ?
Зачѣмъ же ты дала согласие?

ПОСАДНИЦА.

Я-то?

И, матушка! Да мнѣ ль со Глѣбомъ спорить
Съ Миронычемъ? Согласья моего
Не спросить онъ. Къ тому жъ и полюбились
Другъ другу молодые...

ВОЯРЫНЯ.

Не причина!
Опричь тебя тутъ некому рѣшать:
Коль матери не по-сердцу женихъ,
Такъ прочь его! Тебѣ, чай, лучше вѣдать,
Что дочери пригодно. Не хочу —
И кончено!

ПОСАДНИЦА.

Да не-за-что его
Корить-то, матушка.

ВОЯРЫНЯ.

Благочестивъ?

ПОСАДНИЦА.

Благочестивъ, сударыня.

воярыня.

И вѣжливъ?

Почтителенъ, какъ слѣдуетъ, къ тебѣ?

посадница.

Ужъ какъ же зятю къ тещѣ нареченной
Почтительну не быть!

воярыня.

Одно мнѣ въ немъ

Не нравится: въ повольникахъ бываль.

посадница.

Что жъ дѣлать, матушка! Мужъ говорить:
Не удержать боярамъ молодежи;
Коль нѣтъ войны, гдѣ жъ удалъ показать?

воярыня.

Да удалъ-то безбожная. На Волгу
Твой, что-ль, ходилъ?

посадница.

На Чудскую, кажись,
Ходилъ на Емь, аль на Студено море.

воярыня.

А то походъ затѣяли на Волгу
Повольники при мужѣ. Въ Костромѣ
Урвали дѣвокъ, отвезли въ Сарай,
Да тамъ и продали татарамъ. Что?
Чай, добрая повольница?

посадница.

Помилуй,

Какіе же повольники тѣ были!
Тѣ воры, матушка!

ВОЯРЫНЯ.

Не велика

Межь ними рознь. Повольнику до вора
 Рукой подать. И Чермный воть, что нонѣ
 Толкается по женамъ по чужимъ,
 Онъ также былъ въ повольникахъ: на Пермь
 Никакъ ходилъ.

Вѣра вбѣгаетъ, испуганная, и бросается на лавку.

ПОСАДНИЦА.

Что, Вѣрушка, съ тобой?

Чего дрожишь ты?

ВОЯРЫНЯ.

Что-те приключилось,

Сударыня? Не видишь, что-ль, меня?

ВѢРА—вставая.

Прости, прости, боярыня Мамелѣфа
 Димитревна! съ испугу я.. прости!
 На улицахъ такая давка, крикъ,
 Бѣгутъ, шумять, толкаются, чуть съ ногъ
 Не сшибли...

ВОЯРЫНЯ.

Только? Больно ты труслива,
 Сударыня. Всегда бываетъ такъ,
 Когда народъ отъ вѣча по домамъ
 Расходится.

ПОСАДНИЦА.

Хлебни водицы, Вѣра,
 Да Расскажи, не слышала ль чего?
 Чѣмъ кончилось?

ВЪРА.

Поставленъ воеводой
Бояринъ Чермный.

ВОЯРЫНЯ.

Чермный? Воевода?
На Омино на мѣсто?

ВЪРА.

Межь собой
Такъ говорили встрѣчные; о томъ-то
У нихъ и споръ.

ВОЯРЫНЯ.

Ну, нечего сказать!
Ну, признаюсь! Не чаяла того!
Еще бь кого другого—пусть бы такъ!
Но Чермнаго!

ПОСАДНИЦА.

Я, матушка, слыхала,
И Глѣбъ Миронычъ также говорить,
Что доблестнѣй нѣтъ Чермнаго во всей
Землѣ Новгородской.

ВОЯРЫНЯ.

Сорванецъ!
Прихвостникъ бабій! Человѣкъ безъ страху
Безъ Божьяго!

ПОСАДНИЦА.

Но, кажется, его
И рать, и городъ любить...

БОЯРЫНЯ.

А за что?

За то, что лихъ вертѣтся на конѣ,
 Да каждый день на площадь въ новомъ корзинѣ
 Выходить къ нимъ! Да медомъ угощаетъ
 Всѣ пять Концовъ! Да уличанъ своихъ,
 Знай, кормить до отвалу! Вотъ за что
 Ему любовь! А чтобъ онъ смогъ сидѣть,
 Когда Оома не можетъ—нѣтъ, не вѣрю!
 Онъ сгубить насъ! То Глѣбъ Миронычъ кашу
 Твой заварилъ! Ужъ не взыщи, а я
 Въ глаза ему скажу!

ПОСАДНИЦА.

Но можетъ статья,
 Оно не такъ, сударыня; быть можетъ,
 Ослышалася Вѣра...

БОЯРЫНЯ.

Чермный! Вотъ ужъ
 Сокровище нашли! И водить имъ
 Всегда не та, другая баба. Нонѣ
 Какая-то Наталья завелась;
 Что вздумаетъ, то и чинить; казну
 Его, пѣвка, высосала всю!
 Прогнать ее, безстыжую, велѣла бѣ
 Я метлами изъ города!

ВѢРА.

Наталью?

Нѣтъ, матушка, боярыня, должно быть,
 Тебѣ не такъ сказали: не такая
 Она совсѣмъ! Неправду про нее
 Тебѣ сказали!

БОЯРЫНЯ.

Что ты, что ты, мать!

Отколѣ знать тебѣ? Да про нее
И говорить тебѣ не слѣдъ, ни даже
Упомянуть! Не дѣвичье то дѣло,
Сударыня!

ВѢРА.

Я видѣла ее...

БОЯРЫНЯ.

Что-о? Ее? Ослышалась никакъ я?

ПОСАДНИЦА.

Гдѣ видѣла ее ты, ВѢра?

ВѢРА.

Въ церкви,

На той недѣлѣ, матушка. Стояла
Она одна, прижавшись въ уголку,
Молилась такъ усердно, и на ней
Была одежда бѣдная, простая;
Когда же служба кончилась, тихонько
И робко такъ къ иконѣ подошла,
Украдкою жемчужное монисто
Повѣсила на вѣнчикъ, и скорѣй
Изъ церкви вонъ. Отца Захарья кто-то
О ней спросилъ; вздохнулъ отецъ Захарій
И говорить: Наталья это, та,
Которую бояринъ Чермный любитъ;
Все, что бъ онъ ей ни подарилъ, на церковь
Она несетъ; казну жъ, какая есть,
Межъ нищихъ дѣлится; духомъ, вишь, сама
Есть нищая, и многое за то
Простится ей!

ПОСАДНИЦА.

Пусть такъ, но все жъ тебѣ
Знать про нее не гоже...

БОЯРЫНЯ.

Что подарки

Она свои на церковь отдаетъ
И нищую жалѣетъ братью—это
Зачтется ей, на томъ свѣту зачтется;
Ты жъ неразумна, дитятко, еще;
Не вѣдаешь, о чемъ бываетъ вмѣстно
Боярышнѣ, о чемъ невмѣстно знать.
Коль при тебѣ впередъ о той Натальѣ
Заговорять, ты, дитятко, молчи.

Звонъ струнъ и пѣсня за сценой.

ГОЛОСЪ.

Какъ ушкуйники по морю
Славить Новгородъ пошли,
Они, славя, проходили
Ажъ до Мурманской земли!

ХОРЪ.

Ай люли, люли, люли,
Ажъ до Мурманской земли.

БОЯРЫНЯ—къ Посадницѣ.

Кто это тамъ въ сѣняхъ твоихъ горланить?

ВАСИЛЬКО—входить съ товарищами.

Опускайте стягъ, мурмане!
Выдавайте корабли...

Увидя боярыню, прерываютъ пѣсню.

Боярыня, прости! Не чаялъ я,
Что здѣсь ты...

БОЯРЫНЯ.

А еслибы меня
И не было, все-жь, государь, не входятъ
Такъ въ честный домъ. На приступъ, что-ль, ты лѣзешъ
Аль думаешь, что съ вражымъ кораблемъ
Ты сбѣгрился?

ВАСИЛЬКО.

Боярыня, прости!
Съ разбѣгу мы, на радости, вошли,
Что по боку спровадили Оому,
А Чермный сталь надъ нами воеводой!

Къ товарищамъ.

Ступайте, братцы! Тестя лишь дождусь
И тотчасъ къ вамъ!

РАДЬКО.

Смотри жъ, не заживайся!

ГОЛОВНЯ.

Заклада не забудь!

ВАСИЛЬКО.

Небось!

СТАВРЪ.

Простите,
Боярыни!

РАДЬКО.

Обычай нашъ веселый
Въ вино намъ не поставьте!

ГОЛОВНЯ.

Бьемъ челомъ!

Всѣ трое уходятъ. За сценой слыш
удаляющаяся пѣсня.

Мы, ушкуйники, съ баграми
Славить Новгородъ пришли...

БОЯРЫНЯ.

Ну, хороши вы, батюшка! И впрямь
Повольницкая шайка!

ВАСИЛЬКО.

Виноваты,

Сударыня!

Подходить къ Вѣрѣ.

Дай на тебя скорѣй
Полюбоваться, радость ты моя,
Безцѣнная!..

БОЯРЫНЯ.

Постой-ка, государь,
Пожалуй-ка сюда! Съ тобой, кажись,
Я говорю, такъ ты сперва постой
Да выслушай меня, а ужъ потомъ,
Когда я кончу да скажу: ступай!
Тогда иди къ невѣстѣ.

ВАСИЛЬКО.

Виновать!

Что, матушка, прикажешь?

БОЯРЫНЯ.

А чтобъ ты
Обычай помнилъ, батюшка. Съ чего

У васъ сегодня головы вскружились?
 Нашли чему обрадоваться! Чермный
 Сталъ воеводой новгородскимъ! Шутъ онъ
 Гороховый, твой Чермный!

ВАСИЛЬКО.

Ужъ на этомъ
 Насъ извини, боярыня! Позволь,
 Тебѣ не въ гнѣвъ...

БОЯРЫНЯ.

Да ты меня, отецъ,
 Перебивать-то не моги! Тебя
 Я разуму учу, такъ стой да слушай;
 Авось умнѣе будешь. И не только
 Тебѣ скажу, безумному повѣсѣ,
 А всѣмъ скажу, и наперво твоему
 Скажу я тестю...

Входитъ Посадникъ.

Лѣгокъ на поминѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Поклонъ тебѣ, боярыня Мамелфа
 Димитревна! Какъ, матушка, живешь?

БОЯРЫНЯ.

Съ находкой поздравляю, Глѣбъ Миронычъ!
 Ну, батюшка, ужъ есть чѣмъ похвалиться!
 Убилъ бобра!

ПОСАДНИКЪ.

Ты это про кого,
 Сударыня? Про Чермнаго? Онъ вѣчемъ
 Поставленъ есть. Объ этомъ толковать
 Ужъ нѣчего.

БОЯРЫНЯ.

А кто мнѣ запретить?

Я съ той поры, какъ помню лишь себя,
 Всѣмъ въ очи правду рѣзала; и нонѣ
 Скажу тебѣ: гдѣ былъ у васъ разсудокъ
 Оному смѣнить?

ПОСАДНИКЪ.

Про то тебѣ отвѣтъ

Я послѣ дамъ, сударыня. Теперь
 Дозволь мнѣ дѣло кончить.

Къ Васильеу.

Тамъ подвойскій

Ждетъ у дверей. Проси его войти.

Василько уходитъ.

БОЯРЫНЯ.

Смотри, пожалуй! Вѣчемъ, вишь, поставленъ!
 Да развѣ все апостолы сидятъ
 На вѣчѣ-то? Чай, сторона твоя
 Перекричала тѣхъ, кто былъ разумнѣй!
 Да, слава Богу, Новгородъ не весь
 По дудкѣ пляшетъ по твоей! Доселѣ,
 Слышь, спорятъ какъ! Опомнятся, дастъ Богъ,
 Еще до завтра!

Входитъ подвойскій.

ПОСАДНИКЪ.

Государь подвойскій!

Дай знать Кончанскимъ старостамъ, что я
 Прошу ихъ всѣхъ пожаловать, приказъ
 По городу услышать, да вели,
 Чтобъ бирючи по улицамъ кричали:
 Боярину-де Чермному дана

Отъ вѣча власть на жизнь и смерть, а онъ
Смерть положилъ отъ нынѣшняго дня
Всѣмъ, кто ему нарушить послушанье.
Коль дѣломъ 'кто, иль словомъ провинится —
Хватать строптивыхъ!

БОЯРЫНЯ.

Отъ часу не легче!
Съ которыхъ поръ въ Новѣгородѣ слово
Ужъ не вольно? Не въ Ироды ль цари
Вы Чермнаго поставили?

ПОСАДНИКЪ—къ подвойскому.

Сей ночью

Бѣжалъ одинъ изъ плѣнныхъ. Повѣстить
По всѣмъ Концамъ, чтобы, во что бъ ни стало,
Его нашли.

БОЯРЫНЯ.

Да долго ли ты будешь
Еще свои приказы раздавать?
Я все ему толкую, онъ же словно
Меня и нѣтъ!

ПОСАДНИКЪ—отпустивъ подвойскаго

Что, матушка, тебѣ
Угодно отъ меня?

БОЯРЫНЯ.

Ушамъ не вѣрю!
На жизнь и смерть судить насъ будетъ Чермный!
Приказано на улицахъ хватать,
Кто Чермнаго не хвалить! Да вѣдь этакъ
Ты, государь, пожалуй и меня
Схватить велишь?

ПОСАДНИКЪ.

Нѣтъ, матушка, мы бабъ
Не трогаемъ. Кричи себѣ, коль хочешь,
Во здравіе!

ВОЯРЫНЯ.

И буду, государы!
Кому вы городъ отдали-то въ руки?
Безпутному, шальному сорванцу!
Да не ему—его Натальѣ городъ
Вы отдали! Не знаемъ развѣ мы,
Кто держитъ верхъ надъ кѣмъ? Не воеводу,
А воеводшу, Господи прости,
Вы надъ собой поставили!

ПОСАДНИКЪ.

Ты все ли,
Сударыня, сказала?

ВОЯРЫНЯ.

Нѣтъ, не все!
За чтó Оому смѣнили вы? За то ли,
Что миръ хотѣлъ онъ учинить? Чай, лучше,
Чтобъ приступомъ насъ взяли? Изъ церквей
Иконы потащили бѣ? Да на щить
Дружиннику бѣ досталась дочь твоя?
Вотъ до чего не допустить хотѣлъ
Оома, а вы его же очернили,
Иудой обозвали! Да пока
Я, батюшка, жива, пока языкъ мой
Еще къ гортани не присохъ, дотоль
Кричать не перестану, что напрасно
Отставленъ онъ! Ужъ не взыщи, а кто

Безвинно терпѣть, да къ тому жѣ мнѣ другъ,
Ужъ за того до самой смерти буду
Горой стоять!

ПОСАДНИКЪ.

Ты кончила ль теперь,
Сударыня?

БОЯРЫНЯ.

Могу еще и болѣ
Тебѣ сказать, отецъ мой...

ПОСАДНИКЪ.

Не трудися.

Хотя Великій-Новгородъ тебѣ
Отвѣта и не держить, но за то,
Что вдовью честь твою онъ уважаетъ
И по дѣломъ тебя за правду чтить,
Я, такъ и быть, тебѣ отвѣчу. Слушай,
Боярыня: Ѳому смѣнили мы
За то, что сдать совѣтоваль онъ городъ,
Когда еще держаться можно намъ.
Который же верховный воевода
Не вѣрять самъ, что онъ побьетъ врага —
Ужъ тотъ побить заранѣ. Чермный вѣрять
Въ себя и въ насъ, въ него же вѣрять рать.
Неправда то, что имъ Наталья водить,
Никто еще досель имъ не водилъ.
А что живетъ онъ въ Новгородѣ весель —
То до поры, пока отвѣта нѣ взялъ
Онъ на себя. Ты, матушка, пойми:
Онъ словно шолкъ блестящій, шамаханскій,
Чтѣ и цвѣтисть, и гибокъ; поглядѣть —
Ужъ ничего нѣтъ мягче; а попробуй
Его порвать — лишь руки натрудишь!

БОЯРЫНЯ.

Хвали, хвали его, отецъ, а я
Скажу тебѣ: нѣтъ Божьяго на томъ
Благословенья, кто не вѣритъ въ Бога!
Не ходитъ въ церковь, батюшка, твой Чермный,
Второе воскресенье не видала
Его въ соборѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Некогда ему
Въ соборѣ быть. Ужъ двѣ недѣли съ валу
Онъ не сходилъ. Подъ прыскомъ вражьихъ стрѣлъ,
Отъ приступовъ спасая городъ, служить
Онъ Господу!

БОЯРЫНЯ.

Что? Некогда быть въ церкви?
Нѣтъ времени молиться? Стало быть,
Намъ не нужна молитва?

ПОСАДНИКЪ.

Не криви
Моихъ рѣчей, боярыня. Молитва
Всегда нужна. Но если волѣ нашей
Грозитъ бѣда, ее одной молитвой
Не изживешь. Защитникъ нуженъ намъ!
И не о томъ мы спрашивать должны:
Онъ часто ли, не часто ль ходитъ въ церковь,
А какъ онъ въ бой полки свои ведетъ!

БОЯРЫНЯ.

Сударыня-посадница, ты слышишь?
О тѣлѣ онъ велитъ лишь помышлять,
А душу ставить ни во чтѣ! Ступай

Въ твою свѣтлицу, Вѣра, уходи!
 Отца не слушай, уходи сейчасъ!
 Безбожницей тебя онъ сдѣлать хочетъ!
 Сударыня-посадница, скорѣй
 Дочь уведи!

ПОСАДНИКЪ.

Боярыня! Тебѣ
 Корить меня, кажися, и порочить
 Я вдоволь даль. Но при себѣ учить
 Мою жену и дочь я не позволю.
 Не прогнѣвись, а въ домѣ я своемъ
 Самъ господинъ!

БОЯРЫНЯ—вставая.

Здѣсь долѣ оставаться
 Невмѣстно мнѣ. Другимъ давать уроки,
 А не себѣ ихъ слышать отъ другихъ
 Привыкла я. Учиться благочестью
 И вѣжеству собирается ко мнѣ
 Весь Новгородъ. Самой же научаться,
 Какъ мнѣ вестись—на это я стара,
 И отвыкать молиться Богу также!
 Я, матушка-посадница, тебя
 За мужнины за рѣчи не виню.
 Одно тебѣ на память только слово
 Еще скажу: дочь отъ него держи
 Подалѣ, матушка, подалѣ—слышишь?
 Теперь прости—прошу не провожать!

Уходить.

ПОСАДНИКЪ—слѣдить за ней глазами.

Тѣфу, взбалмошная баба!!

ПОСАДНИЦА.

Глѣбъ Миронычъ!

Свѣтъ мой, голубчикъ! Чтѣ бъ тебѣ пойти
Догнать ее, предѣ ней бы извиниться?
Намѣ, право, съ нею ссориться не слѣдѣ,
Она въ великомѣ гнѣвѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Какъ? Еще

Предѣ ней мнѣ извиняться?

ПОСАДНИЦА.

Свѣтъ, подумай:

Всѣ на тебя подымутся теперь!

ПОСАДНИКЪ.

А мнѣ какое дѣло?

ПОСАДНИЦА.

И слова

Твои перетолкуютъ!

ПОСАДНИКЪ.

Мнѣ-то что жѣ?

Иль въ самомѣ дѣлѣ я безбожникъ?

ПОСАДНИЦА.

Сила

Святая съ нами! Но тебя, мой свѣтъ,
Осудятъ всѣ! Отъ недруговъ твоихъ
Богъ-вѣсть теперь пойдутъ какіе толки!

ПОСАДНИКЪ.

Бояться толковъ - шагу не ступить!

ПОСАДНИЦА.

Вѣдь читилъ же ты и самъ ее доселѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Я чту ее, но гнуться передъ ней —
Ужъ не взыщи! Нашла коса на камень!

ВАСИЛЬКО.

И подлинно! Такого не встрѣчала
Она отпора!

ПОСАДНИКЪ.

Новгородъ старуху
Избаловаль!

ВАСИЛЬКО.

А выплыла какимъ
Въ дверь кораблемъ!

ПОСАДНИКЪ.

Шабашъ о ней—довольно!
О чемъ вы тутъ шептались межъ собой?

ВАСИЛЬКО.

Мы, государь...

ВЪРА.

Они хотятъ...

ПОСАДНИКЪ.

Въ чемъ дѣло!

ВЪРА.

Вишь, вылазку затѣяли они!

ПОСАДНИКЪ.

Какъ вылазку? Кто вылазку затѣялъ?

ВАСИЛЬКО.

Мы, государь, Словенскіе ребята,
Съ Гончарскими побились объ закладъ.
Тѣ говорятъ: не пустить воевода!
Мы жъ говоримъ: зачѣмъ его спрошать?
Мы вылѣземъ въ полночь о себѣ,
А послѣ скажемъ воеводѣ!

ПОСАДНИКЪ.

Кто

Вамъ отопретъ ворота?

ВАСИЛЬКО.

Не въ ворота —

Мы по веревкамъ, государь. За нами
Ихъ приберутъ; когда жъ вернемся, снова
Намъ выкинуть!

ПОСАДНИКЪ.

Изрядно! И могли

Подумать вы, что я, и съ воеводой,
Позволимъ то?

ВАСИЛЬКО.

Пожалуй, государь,

Намъ не мѣшай; у насъ уже все дѣло
Улажено.

ПОСАДНИКЪ.

Съ ума вы, что-ль, сошли,

Когда нашъ князь готовить новый приступъ —
Тутъ каждый дорогъ человѣкъ, а вы
Ребячиться затѣяли? Брось дурь!

ВАСИЛЬКО.

Не можемъ, Глѣбъ Миронычъ! Объ закладъ
Побились мы!

ПОСАДНИКЪ.

Такъ я перевязать
Васъ прикажу.

ВАСИЛЬКО.

Не въ гнѣвъ тебѣ, а насъ
Вязать не слѣдъ. Въ Новѣгородѣ было
Такъ искони, что молодежь могла
Всегда какъ хочетъ тѣшиться, и воля
У насъ на то отъ прадѣдовъ идетъ!

ПОСАДНИКЪ.

Великое ты выговорилъ слово;
А знаешь ли какой его есть толкъ?
Въ чемъ воля-то? Въ томъ, что чужой мы власти
Не терпимъ надъ собой! Что мы съ князьями
По старинѣ ведемъ свой уговоръ:
Се будь твое, а се будь наше. Въ наше жъ
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тотъ уговоръ забудетъ князь, ему
Мы кажемъ путь, другого жъ промышляемъ
Себѣ на столъ. Вотъ наша воля въ чемъ.
И за нее съ Низовыми мы понѣ
Ведемъ войну, и за нее, коль надо,
Поляжемъ всѣ! И чтобы воля эта
Была крѣпка, и чтобъ никто не могъ
Надъ нами государемъ называться —
Мы Новгородъ Великій государемъ
Поставили, и головы послушно,
Свободныя, склонили передъ нимъ.

Вотъ наша воля! Правъ своихъ держаться,
 Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
 Не прихоти княжія исполнять,
 Но то чинить безропотно и свято,
 Что государь нашъ Новгородъ велить —
 Вотъ воля въ чемъ! А чтобы всякій дѣлать
 Воленъ былъ то, что въ голову взбредеть —
 Нѣтъ, то была бъ не воля—неурядье
 То было бы! Когда бъ такую волю
 Терпѣли мы, давно княжой бы стали
 Мы вотчиной, иль раздѣлили бъ насъ
 Между собой сосѣди! Выкинь дурь
 Изъ головы!

ВАСИЛЬКО.

Самъ вижу, Глѣбъ Миронычъ,
 Что виновать, и если только прежде
 Подумалъ бы, заклада бъ не держалъ.
 Но посуди: Словенскіе меня
 Начнутъ корить; Гончарскіе же нѣ смѣхъ
 Меня подымутъ!

ПОСАДНИКЪ.

Что тебѣ за дѣло?

ВАСИЛЬКО.

Какъ что за дѣло? Трусомъ обзовутъ!
 Стыдъ будетъ мнѣ, безчестье понесу я!

ПОСАДНИКЪ.

Ты развѣ трусь?

ВАСИЛЬКО.

Ты знаешь самъ, что нѣтъ!

ПОСАДНИКЪ.

А коль не трусь, о чемъ твоя забота?
Не предъ людьми—передъ собой будь чистъ.

ВАСИЛЬКО.

Такъ, государь, да не легко же...

ПОСАДНИКЪ.

Что?

Чужіе толки слышать? Своего,
А не чужого бойся нареканья —
Чужое вздоръ!

ВАСИЛЬКО.

Тебѣ-то благо, Глѣбъ
Миронычъ, такъ говоритъ! Высоко
У каждаго стоишь ты въ мысли. Твой
Великъ почётъ. Но что бы сдѣлалъ ты,
Коль на тебя бы студное что-либо
Взвалили люди?

ПОСАДНИКЪ.

Плюнулъ бы на нихъ!
Вотъ что бы сдѣлалъ. Иль ужъ самъ себѣ
Невѣдомъ я? Себя я, благо, знаю,
Самъ чту себя. Довольно мнѣ того.

ПОСАДНИЦА.

Ахъ, свѣтъ мой Глѣбъ! Вотъ этимъ-то и нажилъ
Ты недруговъ! Ни за что никому
Не сдѣлаешь уступки! Ни другихъ,
Ни самого себя, вишь, не жалѣешь!
А такъ нельзя! Живемъ вѣдь не одни,

Съ людьми живемъ. Ужели жъ на людей
И не смотрѣть? Когда бъ ты захотѣлъ,
Иной бы разъ друзей себѣ словечкомъ
Нажить бы могъ!

ПОСАДНИКЪ.

Не въ норовѣ моемъ
За дружбою гоняться. Еслибъ я
Пошелъ на то, чтобъ людямъ угождать,
Не стало бы меня на угожденья,
Все мало бъ имъ казалось. Людей
По шерсти ль гладь, иль противъ шерсти—то же
Тебѣ отъ нихъ спасибо! Я жъ хочу
Не слыть, а быть. Для собственной своей
Чинить хочу для совѣсти, и самъ
Свое себѣ спасибо говорить.
А чтò болтать они про это будутъ,
То для меня равно, какъ если дождь
По крышѣ бьетъ!

Къ Васильку.

Поди къ своимъ, скажи:
Посадникъ Глѣбъ вамъ запретилъ и думать
О вылазкѣ. А къ вечеру вернись;
Съ тобой пойдёмъ мы вмѣстѣ къ воеводѣ,
Укажетъ онъ, какъ удалъ показать!

Идетъ къ двери.

ВАСИЛЬКО—топнувъ ногой.

Хоть утопиться—право въ ту же пору!

ПОСАДНИКЪ—услышавъ его, оборачиваетъ

Топись, когда враговъ отъ нашихъ стѣнъ
Прогонимъ мы,—теперь же и топиться
Ты не воленъ! Ты Новгороду держишь
Теперь отвѣтъ! Какъ смѣешь ты имѣть

Хотѣніе свое, когда я самъ,
Я, Глѣбъ, себя другому подчинилъ,
Изъ рукъ Оомы мной вырванную власть
Тому вручилъ, кто лучше всѣхъ защиту
Умѣетъ вестъ? Какъ смѣешь о стыдѣ
Ты помышлять, когда у насъ свобода
Шатается? Чтò значить честь твоя
Предъ Новгородской честью? Двадцать лѣтъ
Посадничью мою храню я честь —
Но еслибъ только ей спасенье наше
Я могъ купить—какъ святъ Господь, я бъ отдалъ
Ее сейчасъ! Все нынѣ позабудь —
Одну бѣду грозящую намъ помни!
А стыдъ тому, чья подлая душа
Иное бъ чтò, чѣмъ Новгородъ, вмѣщала,
Пока бѣда надъ нимъ не миновала!

Уходить.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ДОМЪ БОЯРИНА ЧЕРМНАГО.

НАТАЛЬЯ прибираетъ горницу и ставитъ посуду на столъ.

НАТАЛЬЯ.

Ужъ эти мнѣ гости! Не дадутъ и часочка съ нимъ посидѣть! Вернется усталый: чѣмъ бы отдохнуть, а тутъ разговоры пойдутъ, а тамъ, глядишь, опять приспѣло время на валъ идти.

ДѢВУШКА.

А много ль будетъ-гостей?

НАТАЛЬЯ.

И сама не знаю.

ДѢВУШКА.

Ты что жъ не спросила?

НАТАЛЬЯ.

До того ли мнѣ было, какъ послѣ двухъ сутокъ его увидала.

КОНДРАТЬЕВНА.

Что жъ ты, государыня, сама-то на столъ ставишь? Дай, мы и безъ тебя соберемъ.

ДѢВУШКА.

Кто же сегодня прислуживать будетъ? Челядь вѣдь вся брони надѣла, на завалы ушла, а намъ съ Кондратьевной въ кухню быть.

НАТАЛЯ.

А я развѣ не съумѣю?

ДѢВУШКА.

Сама, нешто, будешь посуду носить?

НАТАЛЯ.

А почему же не сама? Что я за боярыня такая?

ДѢВУШКА.

Вѣстимо — боярыня! Не сегодня, такъ завтра будешь боярыней. Пора Андрею Юрьичу въ законъ вступить.

НАТАЛЯ.

Просила я тебя не говорить мнѣ о томъ. Сколько разъ просила. Коли опять начнешь, ей-Богу, осерчаю.

ДѢВУШКА.

Ну, да! Таковская.

КОНДРАТЬЕВНА.

Молчи ты, пострѣленокъ! Ей слово, а она тебѣ два! Пошла въ кухню, смотри пирогъ—не пригорѣлъ бы.

ДѢвущка уходитъ.

КОНДРАТЬЕВНА.

Охъ, охъ, дитятко! Избаловала ты насъ, страху-то нѣтъ къ тебѣ, къ государынѣ къ нашей.

НАТАЛЬЯ.

И ты туда же! Этакія вы, право.

КОНДРАТЬЕВНА.

По душѣ говорю, голубонька; по любви своей, не по одному приказу боярскому. Всѣ мы любимъ тебя за милостивость твою.

НАТАЛЬЯ.

А я-то и въ глаза смотрѣть вамъ не смѣю. Сама вѣдь кружевницей въ Новгородъ пришла, думала черезъ годъ домой вернуться, да навсегда и осталась; хожу себѣ въ золотѣ, а какъ подумаю, что и мать, и отецъ плачутъ теперь по мнѣ, такъ иной разъ сама себѣ противна стану, что руки бы на себя наложила. Всѣхъ я васъ хуже, а вы же меня государыней величаете.

КОНДРАТЬЕВНА.

Родимая ты наша! Служить-то тебѣ не въ трудъ, а въ радость. Ужъ кротче тебя и не видывали.

НАТАЛЬЯ.

А иной разъ какъ вспомню, что вѣдь это для него я своихъ бросила, просвѣтлѣетъ у меня снова на сердцѣ и опять все кажется тринь-трава!

КОНДРАТЬЕВНА.

Кто Богу не грѣшень, дитятко! Господь помилуетъ тебя за простоту за твою.

НАТАЛЬЯ.

Вишь, какъ я нарядилась сегодня. Вѣдь это онъ такъ велитъ, а мнѣ и самой совѣстно.

КОНДРАТЬЕВНА.

Ужъ гораздо ты наряжаться, нечего сказать! Лучшія окруты по церквамъ пораздала. Вишь, и повязки-то новой не надѣла.

Надѣнь, дитятко, повязку, — краше будетъ, а я въ кухню сбѣгаю, не то эта егоза, пожалуй, пироги просмотришь.

Уходитъ. Наталья садится къ окну, задумывается и наливаетъ пѣсню.

ГОЛОСЪ—подъ окномъ.

Подайте, Христа-ради! Подайте убогому! Подайте каликѣ переходящему, Христа-ради!

НАТАЛЬЯ—въ окно.

Войди, Божій человекъ! Вотъ тутъ направо, по крылечку! Береть со стола хлѣбъ и наливаетъ кружку. Входитъ нищій.

НАТАЛЬЯ.

На тебѣ, дядюшка, присядь на лавку, отдохни себѣ...

Вглядывается въ него.

Господи! Что это?

НИЩІЙ.

Узнаешь меня, Наталья?

НАТАЛЬЯ—бросаясь къ нему.

Рагуило! Братъ!

РАГУЙЛО—отталкивая ее.

Прочь, негодная! Развѣ ты сестра мнѣ? Развѣ ты не отрелась отъ родни? Развѣ ты не полюбовница воеводы Новгородскаго?

НАТАЛЬЯ.

Братъ, братъ—дай въ себя придти! Послѣ кори меня—скажи скорѣй про отца, про мать... Живы ли они?

РАГУЙЛО.

Такъ вотъ гдѣ ты, безстыдная, отыскалась! Что жъ, хорошо тебѣ жить у боярина?

НАТАЛЬЯ.

Ругай меня, бей меня, но скажи мнѣ про отца, про мать!
Скажи, какъ ты самъ попалъ сюда?

РАГУЙЛО.

Какъ попалъ? На той недѣлѣ въ полонъ твои Новгородцы
взяли меня; сею ночью изъ тюрьмы вылѣзъ, нищимъ наря-
дился, пришелъ на сестру свою посмотрѣть, на честь ея ве-
ликую порадоваться.

НАТАЛЬЯ.

Господи, если увидятъ тебя!

РАГУЙЛО.

Что-жъ, выдай меня своему любовнику.

НАТАЛЬЯ.

Спрячься, спрячься скорѣй! Пойдемъ со мной!

РАГУЙЛО.

Куда?

НАТАЛЬЯ.

Сама не знаю—на сѣноваль, въ кладовую, въ амбаръ!

РАГУЙЛО.

А потомъ?

НАТАЛЬЯ.

Потомъ? Ты ночью изъ города выйдешь.

РАГУЙЛО.

Ай да бабій умъ! Какъ я выйду, когда всѣ ворота заняты?

НАТАЛЬЯ.

Ницаго, можетъ, пропустятъ...

РАГУЙЛО.

Ай да сестрица! При Омѣ еще, пожалуй, пропустили бы, а я слыхаль, каковъ онъ, твой полюбовникъ, есть! И поставленъ въ воеводы за то, что не дремлетъ. Въ тюрьмѣ, чай, спохватилися меня, ищутъ теперь по городу.

НАТАЛЬЯ.

Пресвятая Богородица! Какъ же быть намъ?

РАГУЙЛО.

Выдумай! Найди! Ты стала теперь Новгородской, — чай, знаешь свой городъ. Можно ли гдѣ черезъ стѣну перелѣзть? Нѣтъ ли гдѣ выхода какого мимо сторожей?

НАТАЛЬЯ.

Выхода? Постой—да! есть выходъ! Въ Спасскомъ монастырѣ, со двора, ходъ подземный.

РАГУЙЛО.

Куда ходъ?

НАТАЛЬЯ.

На стѣну, въ оврагъ какой-то...

РАГУЙЛО.

Что жъ тамъ? Дверь? Рѣшетка? Какъ мнѣ найти этотъ ходъ?

НАТАЛЬЯ.

Не знаю, Боже мой! Ничего не знаю, а ключъ сегодня посадникъ принесетъ...

РАГУЙЛО.

Кому принесеть?

НАТАЛЬЯ.

Боярину Чермному...

РАГУЙЛО.

Полюбовнику-то?.. Достаешь мнѣ ключъ.

НАТАЛЬЯ.

Какъ я его достану?

РАГУЙЛО.

Украдь!

НАТАЛЬЯ.

Да я не видала его, не знаю, какой онъ.

РАГУЙЛО.

Узнай! Провѣдай! Напой своего полюбовника. Задуши его. Зарѣжь его, а ключъ достаешь.

НАТАЛЬЯ.

Да еслибъ и достала я, какъ же тотъ выходъ найдешь?

РАГУЙЛО.

Въ монастырь пустятъ нищаго. На погостѣ ночевать останусь, тамъ какъ-нибудь провѣдаю.

НАТАЛЬЯ.

Ну, а онъ-то?

РАГУЙЛО.

Что онъ!

НАТАЛЬЯ.

Коли на него отвѣтъ падеть? Коли неравно... черезъ тотъ ходъ вороги ворвутся?

РАГУЙЛО.

А и въ самомъ дѣлѣ! Вотъ надоумила! Да кого жъ ты это ворогами зовешь? Нашихъ, что-ли!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, я не могу дать тебѣ ключа.

РАГУЙЛО.

Такъ ты хочешь, чтобы меня смертью казнили?

НАТАЛЬЯ.

И тебя иначе спасу—иначе; а этого я не могу—не проси, пожалѣй меня!

РАГУЙЛО.

А развѣ сама ты жалѣла насъ, негодная? Мать свою ты умерила! Съ горя она померла!

НАТАЛЬЯ.

Господи!

РАГУЙЛО.

Проклинаючи тебя, померла. Отецъ твой помѣшанный ходить, сестры твои безъ пристанища, а ты съ Новгородскимъ воеводою заурядной боярыней живешь. Стороняется, чай, отъ тебя, плюютъ на тебя люди. Да тебѣ все равно, миловаль бы тебя воевода Новгородскій.

НАТАЛЬЯ.

Что же мнѣ дѣлать? Боже мой, что мнѣ дѣлать?

РАГУЙЛО.

А какъ надоѣшь ты ему, да прогнать онъ тебя изъ дому, соромъ одинъ на тебѣ останется, блудница, отщепенница! Женище боярское!

НАТАЛЯ.

Да скажи же самъ, что дѣлать мнѣ? Научи самъ меня. Что мнѣ дѣлать?

РАГУЙЛО.

Какъ что дѣлать? Ключъ достать! Брата спасти! Грѣхъ свой искупить передъ Богомъ!

НАТАЛЯ.

Не могу, видить Богъ, не могу! Приказывай, что хочешь, но этого не могу.

РАГУЙЛО.

Такъ будь же ты проклята и въ этомъ свѣтѣ, и въ будущемъ! Погуби еще брата, какъ ты мать и отца погубила! Живи себѣ въ срамѣ и стыдѣ на землѣ, а по смерти ступай на муки вѣчныя, гдѣ блудницы и убійцы въ адовомъ огнѣ горять!

НАТАЛЯ.

Постой... Да не кляни же меня!.. не кляни... Дай духъ поведи...

РАГУЙЛО.

Полюбуйся завтра на мою голову, какъ она будетъ надъ городскими зубцами на копѣ торчать!

НАТАЛЯ.

Да пожалѣй же меня... дай опомниться... голова кругомъ идетъ...

РАГУЙЛО.

Зови свою челядь! Выдай меня, и будь надъ тобой анаеема
Божья!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, братъ, — не кляни! Все, что хочешь, сдѣлаю, все
сдѣлаю—достану тебѣ ключъ!

РАГУЙЛО.

Побожись!

НАТАЛЬЯ.

Божусь, божусь! Только и ты побожись, что Суздальцевъ не
впустишь—побожись и ты!

РАГУЙЛО.

Добро, побожусь!

НАТАЛЬЯ.

Постой!—слышишь?

РАГУЙЛО.

Что?

НАТАЛЬЯ.

Конскій топъ на улицѣ—это онъ!

РАГУЙЛО.

Куда спрятаться?

НАТАЛЬЯ.

Иди за мной!

Подходить къ двери и останавливается, прислушиваясь.

НАТАЛЬЯ.

Нельзя! Онъ ужъ на крыльцѣ!

РАГУЙЛО.

Куда же?

НАТАЛЬЯ.

Сюда! Скорѣй сюда! Отсюда лѣсенка на вышку.

Толкаетъ его въ боковую дверь. Входитъ Черный.

ЧЕРНЫЙ.

Здравствуй, Наташа! Вотъ, теперь поцѣлуемся! Да что съ тобой? Что ты такъ дрожишь? Ты на ногахъ еле держишься.

Наталья, рыдая, бросается къ нему на шею.

ЧЕРНЫЙ.

Что съ тобой? Съ безпокойства ты это, что-ли? Али съ радости, что я не убить?

НАТАЛЬЯ.

Съ радости, съ радости, дорогой мой!

ЧЕРНЫЙ.

Экая ты неразумная! Съ радости плачешь! Да пусти же меня, я изъ силъ выбился; дай мнѣ вина, Наташа, горло засохло.

Садится. Наталья подаетъ ему стопу.

ЧЕРНЫЙ—выпивъ.

Ну, что? Успокоилась?

НАТАЛЬЯ—рыдая.

Не могу! Прости меня, не могу, силы нѣтъ.

ЧЕРНЫЙ.

Экой же ты ребенокъ! Да быть не можетъ, чтобъ ты съ радости такъ плакала. Тутъ что-нибудь другое. Обидѣлъ тебя кто, что-ли?

НАТАЛЬЯ.

Свѣтъ ты мой, развѣ можно меня обидѣть?

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ, стало, горе у тебя?

НАТАЛЬЯ.

Да! Горе, горе! Да чтó я сказала! Сама не знаю, чтó говорю. Неправда, нѣтъ у меня горя! Такъ, по глупости, плачу.

ЧЕРМНЫЙ.

Не вѣрю, Наташа, ты проговорила. Чтó у тебя на душѣ? Скажи мнѣ, авось помочь можно.

НАТАЛЬЯ.

Нѣтъ, мой родимый, нѣтъ! Никто, никто мнѣ не поможетъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ есть же оно у тебя, горе-то! Скажи, не бойся, ты знаешь меня, я ни въ чемъ тебѣ не отказываю.

НАТАЛЬЯ.

Ни въ чемъ, ни въ чемъ, свѣтъ мой, никогда не отказывалъ ты мнѣ! Ты ужъ такъ добръ, такъ жалостливъ ко мнѣ,— а я-то, я-то!

ЧЕРМНЫЙ.

Не о родныхъ же ты плачешь? Вѣдь ты сказала, нѣтъ у тебя родныхъ? Да говори же, Наташа, боленъ ли кто? убить ли кто? Есть у тебя кто близкій въ городѣ?

НАТАЛЬЯ.

Да, свѣтъ мой, прости меня,—я солгала тебѣ—я не одна на свѣтѣ; есть у меня...

ЧЕРМНЫЙ.

Ну, говори же! Кто у тебя? Отецъ? Мать? Братъ?

НАТАЛЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, не думай, нѣтъ! Тетка есть—только тетка одна—при смерти больна!

ЧЕРМНЫЙ.

Ну, выговорила, наконецъ; въ бѣдности она, твоя тетка?

НАТАЛЯ.

Въ бѣдности, государь, да, въ бѣдности!

ЧЕРМНЫЙ.

Что жъ ты сразу не сказала? Глупая жъ ты, глупая! Или не знаешь меня?

Отворяетъ поставецъ.

Нá, возьми, отнеси своей теткѣ, купи для нея все, что надо. Что хочешь въ домъ возьми, отнеси больной, да и сама останься съ ней на ночь, тебѣ спокойнѣе на душѣ будетъ!.. Ну, что опять съ тобою?

НАТАЛЯ.

Государь ты мой! Дорогой мей! Ты какъ Господь-Богъ—какъ Господь-Богъ ко мнѣ,—а я-то, я-то, негодная, окаянная! Да какъ ты меня не убьешь, окаянную, негодную меня!

ЧЕРМНЫЙ.

Съ ума ты сошла, право! Ужъ черезъ-чуръ ты совѣслива! Перестань же плакать, у меня и безъ того голова крúгомъ идетъ. Дай-ка еще вина, надо быть пободрѣе, сейчасъ гости придутъ.

Выпиваетъ стопу. Входитъ посадникъ.

А, вотъ ужъ и одинъ! Оправься, Наташа!

Къ посаднику.

Здорово, Глѣбъ Миронычъ! Милости просимъ!

ПОСАДНИКЪ.

Здравствуй, Андрей Юрьичъ!

Наталья подаетъ ему чару.

Спасибо, матушка. Во здравіе твое, Андрей Юрьичъ. А самъ-то что же ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Дай мнѣ чарку, Наташа. Во твое, Глѣбъ Миронычъ! Все благополучно въ городѣ?

ПОСАДНИКЪ.

Слава Богу. Бѣлаго того только не отыскали, словно сквозь землю провалился.

ЧЕРМНЫЙ.

Вели еще искать. Такъ оставить нельзя. Надо надъ нимъ примѣръ показать.

ПОСАДНИКЪ.

Ужъ велѣлъ. По всѣмъ домамъ ищутъ. Вотъ тебѣ ключъ отъ монастыря, отъ тайнаго хода.

ЧЕРМНЫЙ.

Спасибо.

Вздѣваетъ ключъ на поясъ.

Такъ будетъ вѣрнѣе. Ступай же, Наташа, ступай къ своей больной, завтра увидимся.

Наталья уходитъ.

ПОСАДНИКЪ.

Что съ ней?

ЧЕРМНЫЙ.

Тетка у нея захворала, такъ вотъ и кручинится. А иной разъ и такъ себѣ плачетъ. Чудная такая! То словно пташка— поетъ, заливаеся, то вдругъ плакать начнетъ.

ПОСАДНИКЪ.

Дурь бабья. Избаловаль ты ее.

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ, она не то, что другая; и не просить никогда ни о чемъ, скромная такая.

ПОСАДНИКЪ.

А все-жъ не слѣдь тебѣ няньчиться съ ней. Поискалъ бы себѣ ровни, въ законъ бы вступилъ.

ЧЕРМНЫЙ.

И самъ иной разъ такъ думаю, и сказать ей даже собирался, да посмотришь на нее—жалость беретъ, языкъ не поворотится.

ПОСАДНИКЪ.

Ну, это твое дѣло.

ЧЕРМНЫЙ.

А гдѣ жъ Василько?

ПОСАДНИКЪ.

Сейчасъ придетъ. Чуть-было бѣды не накурилъ, вылазку съ своими затѣялъ. Я пригрозилъ имъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Хорошо сдѣлалъ, Глѣбъ Миронычъ, а то пришлось бы ихъ смертію казнить.

Входитъ Василько и кланяется молча.

ЧЕРМНЫЙ.

Здравствуй, Василько! Съ повинной пришелъ? Благодарю тестя, что блажить не пустилъ, а то бы я васъ въ Волховъ кинуть велѣлъ. Дружба дружбой, а дѣло дѣломъ. Ты знаешь, я съ дѣломъ не шушу.

ВАСИЛЬКО.

Прости нашу дурость, Андрей Юрьичъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Жаль было бы тебя, а не пощадишь бы. На́, выпей чару
не кручинься, безъ дѣла не останешься.

Входятъ Вышата и Роговичъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Поклонъ,

Бояре, вамъ! Чтѣ видно съ валу?

ВЫШАТА.

Смирно

Покаместъ все; съ моей лишь стороны
Огней у нихъ прибавилось какъ будто.

РОГОВИЧЪ.

Съ моей убавилось огней.

ПОСАДНИКЪ.

Должно быть,

Къ Словенскому-Концу хотять стянуться,
Подъ Городище.

ЧЕРМНЫЙ.

Тамъ у нихъ стоятъ
Владимірцы. Туда же перешли
И Костромцы сегодня.

ВЫШАТА.

По всему

Должно смекать, они готовятъ приступъ.

Входитъ Жирохъ.

ЖИРОХЪ.

Боярину Андрею бью челомъ!
 Всѣмъ по поклону! Я никакъ послѣдній?
 Не осудите—пусть мнѣ далѣ всѣхъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Какія вѣсти?

ЖИРОХЪ.

Все благополучно.

ЧЕРМНЫЙ.

Движенья нѣтъ?

ЖИРОХЪ.

Не видно ничего;
 Костры зажгли на старыхъ на мѣстахъ,
 По прежнему.

ЧЕРМНЫЙ.

Садитесь, государи!
 Во здравье вамъ!

Всѣ садятся за столъ.

ВСЪ.

Во здравіе тебѣ!

Пьютъ.

ЖИРОХЪ.

Тобой, Андрей, мы, Юрьевичъ, изъ мертвыхъ
 Воскрешены.

Кондратьевна съ дѣвушкой ставятъ блюда
 на столъ и уходятъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Простите за прислугу,
 Моя вся челядь на валу.

жирохъ.

Да чья же

Теперь въ дому? Вѣдь мы ужъ, слава-Богу,
Не при Оомѣ! Кишитъ какъ муравейникъ
Весь Новгородъ!

посадникъ.

Кажися, ты на вѣчѣ

Быль за Оому? Такъ отчего жъ теперь
Не то ты говоришь?

жирохъ.

Быль—не таюсь;

Да, вижу, обманулся. Видитъ то
И самъ Оома. Когда при немъ бы гридьба
Держалась такъ, какъ держится теперь,
Не говорилъ бы онъ о мирѣ.

посадникъ.

Гридьбу

Винить грѣшно. То не она, а онъ
Отходную намъ затанулъ.

роговичъ.

На комъ

Прорухи не бываетъ, Глѣбъ Миронычъ!
А благо то, что подняли вы насъ
Съ Андреемъ Юрьичемъ.

вышата.

До псковичей

Продержимся, дасть Богъ!

жирохъ.

Я жъ говорю:

Мы и безъ нихъ продержимся. Вѣдь каждый
Десятерыхъ сталъ стоять, словно рубль
Въ ростъ пущенный.

посадникъ.

Ты въ ростѣ знаешь толкъ.

жирохъ.

Куда ужъ мнѣ! Лишь не нажить долговъ бы!
Ни у кого въ долгу мнѣ оставаться
Не по-сердцу.

чермный.

Откуда, государи,
По вашему ждаты приступа?

вышата.

Послѣдній

Отъ Прусскихъ мы воротъ отбили. Вновь
Тамъ не начнутъ. Чай, кинутся къ Торговой,
Затѣмъ они, должно-быть, къ Городищу
Стянулись.

роговичъ.

Глаза хотять отвести.
Тамъ топъ кругомъ; не провезти имъ туровъ.

вышата.

Настелютъ путь. За Волховымъ весь день
Владимірцы рубили лѣсъ. Намъ слышенъ
Стукъ топоровъ былъ и деревъ паденье.

роговичъ.

По мнѣ скорѣй къ Баянимъ воротамъ
Ихъ надо ждаты.

ЖИРОХЪ.

По мнѣ жъ, не будетъ вовсе
И приступа. Чай, колоколь былъ слышенъ
Имъ вѣчевой! Чай, видѣли они,
Какъ закипѣлъ Дѣтинець, и смекнули,
Что новый воевода нонѣ въ руки
Сидѣнье взялъ. Теперь одна осада
Отъ нихъ пойдетъ, морить насъ будутъ голодомъ,
А приступа не будетъ.

ЧЕРМНЫЙ—къ Посаднику.

Глѣбъ Миронычъ,
Какъ мыслишь ты?

. ПОСАДНИКЪ.

Спроси-ка Василька;
Пусть скажетъ онъ, а я отвѣчу послѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ, Василько, по-твоему?

ВАСИЛЬКО.

Когда

Ты, государь, мнѣ говорить велишь,
То мнѣ сдается: вѣдомо имъ вправду,
Что новый избранъ воевода, онъ же
Не кто, какъ ты, котораго нѣтъ лучше;
Но вѣдомо имъ также, что идетъ
На выручку намъ Псковъ; когда жъ dospѣетъ,
Плохая имъ останется надежда
Взять Новгородъ. Теперь, иль никогда!
Затѣмъ они, не дожидаясь Пскова,
На приступъ завтра же полѣзутъ.

ПОСАДНИКЪ—къ Жироху.

Слышалъ?

Не старый то и не бывалый молвить,
А молодой. То ясно есть какъ день,
То всякая понять съумѣетъ баба.
Зачѣмъ же ты, бывалый, говоришь,
Что приступа не будетъ?

ВЫПАТА.

Нѣтъ, теперь-то

Намъ ихъ и ждать.

РОГОВИЧЪ.

Теперь-то и начнутъ.

ЧЕРМНЫЙ.

О томъ и рѣчи нѣтъ!

ЖИРОХЪ.

Пусть, государи,

По вашему. Я чтò же? Я сказалъ:
Коль при Оомѣ нахрапомъ насъ не взяли,
То при Андреѣ Юрьичѣ подавно
Насъ не возьмутъ. Они, чай, сами знаютъ.
А захотятъ попробовать—пожалуй,
Пусть сунутся!

ВЫПАТА.

Вопросъ: откуда намъ
Ихъ ожидать? Урону слишкомъ много
Мы понесли. Не хватить нашей рати
Всѣ стороны успѣшно оборонить.

РОГОВИЧЪ.

Великая была бь намъ льгота, еслибъ
Развѣдчика послать.

ЖИРОХЪ.

Ужъ сколько было

Посылано! Перехватали всѣхъ.

Небось, они не дремлютъ: днемъ и ночью

Объѣзды ихъ кругъ города кружатъ:

Что ни увидятъ, все хватаютъ; пса бы

Не пропустили. Гдѣ жъ тутъ посылать

Развѣдчика.

ЧЕРМНЫЙ.

Авось намъ Богъ поможетъ

Объѣзды ихъ сей ночью миновать.

ВЫПАТА.

Какъ такъ, бояринъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Есть подземный ходъ

Ко самому ихъ стану...

Прислужницы вносить блюда.

ПОСАДНИКЪ—къ Чермному.

Отошли-ка,

Ты лучше бабъ: что слушать имъ!

ЧЕРМНЫЙ.

И то!

Къ прислужницамъ.

Возьмите по корзинѣ, отнесите

Вина и хлѣба челяди. Безъ васъ

Мы справимся.

КОНДРАТЬЕВНА.

Кто жъ, батюшка-то, въ домѣ

Останется? Окромѣ насъ двоихъ,

Всѣ на валу; и бабы наши землю

Таскаютъ, вишь!

ЧЕРМНЫЙ.

Не бойтесь, не украдутъ
Меня безъ васъ. Ступайте!

Прислужницы ухот

РОГОВИЧЪ.

О какомъ

Ты это ходъ говорилъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Въ оврагъ

Свенельдовъ онъ, подъ городской стѣною,
Изъ Спасскаго ведетъ монастыря;
Кустарникомъ густымъ обросъ вокругъ устья,
И непримѣтенъ даже днемъ. А стань ихъ
Стоить къ оврагу тыломъ.

ВЫШАТА, РОГОВИЧЪ И ЖИРОХЪ.

Не слыхали

Про этотъ ходъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Я самъ узналъ случайно.

ВЫШАТА.

Его бъ засыпать лучше. Неравно
Провѣдаютъ они.

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ имъ провѣдать?

Искать его нарочно — и тогда
Дня три оврагъ обшаривать бы надо;
А еслибъ кто случайно и набрелъ,
То все-жъ ему пройти не можно въ городъ:
Ключъ у меня — вотъ онъ!

ЖИРОХЪ.

Позволь спросить:
Давно ль тебѣ тотъ ходъ, бояринъ, вѣдомъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Съ той осени. А что?

ЖИРОХЪ.

Да такъ; я только
Подумалъ: жаль, прежде не сказалъ ты.

ЧЕРМНЫЙ.

Изъ головы онъ вышелъ у меня:
То было до войны.

ЖИРОХЪ.

Оно и лучше,
Что ты въ свое лишъ вспомнилъ воеводство.
А то Тома, пожалуй, только дѣло
Испортилъ бы.

РОГОВИЧЪ.

Кого жъ послать ты хочешь
Развѣдчикомъ сей ночью?

ЧЕРМНЫЙ.

Самъ пойду,
Дождуся только, чтобъ темнѣе стало.

ВЫШАТА.

Часъ неровѣнъ; пошли другого лучше.

ЧЕРМНЫЙ.

Нельзя! Себѣ могу лишъ одному
Довѣриться.

РОГОВИЧЪ.

Но вотъ ужъ третьи сутки
Ты на ногахъ; ты отдохнуть бы долженъ;
Хоть на часокъ прилягъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Избави Богъ!

Когда теперь прилягу, то мертвецки
Сейчасъ засну; а надо до зари
Навѣрно звать, откуда будетъ приступъ,
Чтобъ силы всѣ въ ту сторону собрать;
У насъ и впрямь осталось мало рати.

ВЫШАТА.

Самъ о себѣ пойдешь?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ, одного бы
Товарища взять надо.

Къ Васильку.

Василько!

Что дѣлаетъ твоя сей ночью сотня?

ВАСИЛЬКО.

Наряжены къ дозору, государь.

ЧЕРМНЫЙ.

Поставь надъ ней другого, напередъ же
Всѣмъ сдѣлай переключку; обойди
Сперва свои притины, а потомъ
Ко Спасскому ступай монастырю.
Тамъ жди меня. Тебя беру съ собой
Ко вражьему я стану.

ВАСИЛЬКО.

Государь,
Воздай Господь тебѣ за эту честь!

Уходить.

ЧЕРМНЫЙ.

Послѣднюю теперь, бояре, чару —
И по мѣстамъ! За Новгородъ Великій!

Всѣ встаютъ и пьют

ЖИРОХЪ.

За Новгородъ—и добраго успѣха
Тебѣ, Андрею Юрьевичу! Любо
Смотрѣть, какъ все кипить въ твоихъ рукахъ!
Вездѣ ты самъ, на все тебя хватаетъ!

ВЫПАТА И РОГОВИЧЪ.

Прости, бояринъ,—добраго успѣха!

ЧЕРМНЫЙ.

Простите всѣ— и помните приказъ:
Очередной никто чтобъ не помыслилъ
Очей сомкнуть; чтобы глядѣли въ оба,
О каждомъ бы движеніи во станѣ
Сказали мнѣ, какъ только я вернусь —
Мы на валу увидимся зарею.

ВЫПАТА, РОГОВИЧЪ И ЖИРОХЪ.

Спокоенъ будь, мы знаемъ наше дѣло.

Направляются къ двери.

ВЫПАТА—уходя, къ посаднику.

Ты что же, Глѣбъ Мироновичъ?

ПОСАДНИКЪ.

Идите.

Я догоню васъ.

Вышата, Роговичъ и Жирохъ уходятъ.

ПОСАДНИКЪ—проводивъ ихъ глазами.

Надо бы Жироха

Смѣнить.

ЧЕРМНЫЙ.

А что?

ПОСАДНИКЪ.

Сдается, ненадеженъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Мнѣ самому сдается.

ПОСАДНИКЪ.

Злобы онъ

Не можетъ скрыть — съ Оомою за-одно.

ЧЕРМНЫЙ.

Перемѣстить его могу я завтра.

ПОСАДНИКЪ.

Перемѣсти; поставь его туда,
Гдѣ приступа не будетъ; ты замѣтилъ,
Какъ онъ искалъ, какую бъ на тебѣ
Найти вину? Они съ Оомой бы рады
Тебя подвести.

ЧЕРМНЫЙ.

Беречься буду ихъ.

ПОСАДНИКЪ.

Еще одинъ совѣтъ: бояринъ Чермный!
 На волоскѣ повисла воля наша.
 Тобой однимъ лишь Новгородъ стоитъ:
 Когда тебя убьютъ или захватятъ —
 Въ разбродъ какъ разъ сидѣніе пойдетъ,
 И легкая добыча будетъ князю!
 Не зыбывай, что ты святой Софіи
 И щить, и стягъ, и что друзья княжіе
 Въ самихъ стѣнахъ новгородскихъ ищутъ
 Тебя избыть. Въ опасность не хоти
 Соваться даромъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Милостивъ Господь!
 Но не идти въ развѣдку не могу я
 Отъ этого отпоръ успѣшный завтра
 Зависитъ нашъ.

ПОСАДНИКЪ.

Не лучше ль Василька
 Отправить одного?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ. Молодъ слишкомъ;
 Удерживать приходится его;
 Мнѣ жъ не впервые: Суздальцемъ одѣнусь
 И, отъ костра переходя къ костру,
 Узнаю все.

ПОСАДНИКЪ.

Блуди жъ тебя Господь!

ЧЕРМНЫЙ.

Ты самъ куда?

ПОСАДНИКЪ.

Прилягу до разсвѣта,
А то совсѣмъ не чую ногъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Прости жъ,
Чѣмъ свѣтъ съ тобою свидимся.

ПОСАДНИКЪ.

Блюди

Тебя Господь!

Уходить.

ЧЕРМНЫЙ—одинъ.

Да, надобно Жироха
Перемѣстить. Предвидѣть надо все!
Ему съ Оомой я какъ бѣльмо на око.
Правъ старый Глѣбъ! Проклятая дремота!
Вино, и то сегодня не бодрить.
Сейчасъ пойду...

Задумывается, потомъ подходитъ къ столу
и выпиваетъ чару.

Что, бишь, ему сказалъ я?

Да! Суздальцемъ одѣнусь... а Жироха
Перемѣщу... не надо позабыть
Перемѣстить Жироха... надо помнить...
Двѣ вещи помнить... Суздальцемъ одѣться...
И что еще? Вотъ такъ ко сну и клонить...
Смѣнить Жироха... Суздальцемъ одѣться...
Сейчасъ пойду... На мигъ присяду только...
Сейчасъ пойду...

Садится за столъ; голова его опускается
на руки, онъ засыпаетъ. Двѣ двери мед-
ленно отворяются: изъ одной показывается
Наталя, изъ другой Рагуйло. Разговоръ
ихъ идетъ шопотомъ.

РАГУЙЛО.

Ну что-жъ ты?

НАТАЛЬЯ.

Не могу!

РАГУЙЛО.

Бери же ключъ. Отвязывай!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, руки

Мои дрожать!...

РАГУЙЛО—внимая ножъ и дѣлая шагъ впередъ.

Иль мнѣ ужъ самому?

НАТАЛЬЯ.

Сейчасъ, сейчасъ!

Подходить осторожно къ Черному и снимаетъ съ его пояса ключъ.

РАГУЙЛО.

Давай.

Наталья подаетъ ему ключъ, падаетъ на колѣни и закрываетъ лицо руками.

РАГУЙЛО.

Нѣтъ, шутишь! Встань!

Остаться съ нимъ тебѣ не дамъ—разбудишь.

Пускай онъ спитъ! Ты проводи меня—

Поднимаетъ ее насильно.

Иди со мной!

Къ Черному.

А ты—спокойной ночи!

Уходитъ, уводя за собой сестру.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

ДОМЪ БОЯРИНА ѲОМЫ.

Ночь. ѲОМА, ЖИРОХЪ и КРИВЦЕВИЧЪ разговариваютъ

ѲОМА—ходить по комнатѣ.

Подземный ходъ! И этого не зналъ я!
Какъ онъ его провѣдалъ?

ЖИРОХЪ.

Говорить,

Случайно будто.

ѲОМА.

А съ которыхъ поръ?

ЖИРОХЪ.

Съ той осени; и будто онъ о немъ
Совсѣмъ забылъ, сегодня только вспомнилъ

ѲОМА.

Повѣрю я!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хитерь! Молчалъ, небось,
Да про свое припасъ про воеводство.

ӨОМА.

Хотя бъ однимъ денькомъ мнѣ ранѣ знать!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хоть утромъ бы намъ знать, Өома Григорьичъ,
Успѣли бъ князю вѣсточку подать,
Какъ приступъ вестъ.

ӨОМА—къ Жироху.

И на развѣдку хочеть

Онъ самъ идти?

ЖИРОХЪ.

Такъ намъ сказалъ.

ӨОМА.

Одинъ?

ЖИРОХЪ.

Нѣтъ, съ Василькомъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Кабы на той развѣдкѣ
Ухлопали его!

ЖИРОХЪ.

Не уповаю:
Вернется здравъ!

ӨОМА.

О чемъ еще шла рѣчь?

ЖИРОХЪ.

Все объ одномъ: откуда князя ждать?
 Кто говорить: поидеть на Городище,
 Кто — къ воротамъ Баянимъ. Я пытался
 Ихъ съ толку сбить, да срѣзалъ старый чортъ!
 Я, правда, тожь ввернулъ загвоздку:
 Его долгами здѣрово кольнулъ.

ӨОМА.

Съ ума сошелъ? Какія тутъ загвоздки!
 Ты долженъ былъ поддакивать ему,
 Ласкать его, быть мягче шолка съ нимъ,
 Кадить ему!

ЖИРОХЪ.

Что жъ дѣлать — сорвалось,
 Не вытерпѣлъ. Когда бъ ты только видѣлъ,
 Какъ на меня смотрѣлъ онъ! Вспомнишь — сердце
 Такъ и вскипитъ!

ӨОМА.

А ты его разсудкомъ
 Придерживай. Взгляни хоть на меня:
 Ко Глѣбу развѣ менѣ сердце злобой
 Во мнѣ кипитъ? А развѣ волю я
 Даю ему? Нѣтъ, злобу приглушать
 Умѣю я! Боярыня Мамелѣ
 Сегодня вотъ мнѣ говорить про Глѣба:
 Онъ то и то! И въ Бога-то не вѣритъ,
 И въ церковь то заказывалъ ходить,
 И даромъ-то безвиннаго меня
 Оклеветалъ! Я что жъ? Небось помогъ ей
 Чернить его? Нѣтъ, я не такъ-то простъ!
 Горою всталъ за Глѣба! Онъ-де мнѣ

Хотя и врагъ, хотъ вправду благочестья
 Немного въ немъ, а все-жъ его я чту
 За то, что онъ душою не кривить,
 По-своему, вишь, Новгородъ онъ любитъ,
 Невѣдѣньемъ меня лишь оскорбилъ,
 И прочее, и прочее! Старуху
 Такъ умилилъ — чуть-чуть не прослезилась,
 А Глѣбъ чрезъ то и вдвое сталь чернѣй!
 Вотъ надо какъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Съ тобой кому тягаться,
 Оома Григорьичъ! Богъ тебя сподобилъ,
 А мы себѣ по простотѣ!

ООМА.

Вотъ то-то,

По простотѣ!

Къ Жироху.

Ругаль ли ты меня,
 Какъ я тебѣ наказываль?

ЖИРОХЪ.

Ругать-то

Неловко было; за тебя на вѣчѣ
 Вѣдь я стоялъ; а я сказалъ: Оома, молъ,
 И самъ смекнулъ, что былъ неправъ.

ООМА.

Не то!

Ругать меня ты долженъ былъ; звать бабой,
 Звать дуракомъ, звать воромъ, трусомъ звать!
 Оома, молъ, трусь! Оома — княжой прихлѣбникъ.
 Оома, молъ, воръ! Оома — хриstopродавецъ!
 Онъ и меня лукавствомъ обошелъ!

жирохъ.

Пересолилъ бы такъ, Ѳома Григорьичъ,
Замѣтили бь расчеты!

Ѳома.

Эхъ, простота!

Пересолишь, когда щепотку соли
Ты передашь; когда же опрокинешь
Солонку всю, тогда ошеломишь.
Что нужно намъ? Что бь мнили бы они,
Что сторону мою ты бросилъ. Такъ ли?
А изъ чего ты имъ передался —
Вопроса нѣтъ—вѣстимо изъ расчета!
Своимъ ты ихъ усердьемъ не обманешь,
Ни у кого святымъ не прослывешь;
Не чистотой ты въ Новгородѣ вѣдомъ,
Такъ чистаго не корчи изъ себя.
Всякъ долженъ знать, о немъ что мыслятъ люди,
Въ чемъ можно ихъ увѣрить, въ чемъ нельзя.
А съ Чернымъ Глѣбъ тебѣ лишь въ томъ повѣрять,
Что ты меня изъ выгодъ продаешь.
Такъ продавай! И чѣмъ наглѣй, тѣмъ лучше!
Не очищай—черни меня предъ ними,
Черни сплеча.

жирохъ.

Я думалъ понемногу
Въ ихъ мнѣнїи отречься отъ тебя.

Ѳома.

Нѣтъ времени намъ дѣлать понемногу —
Желѣзо куй, пока красно! У насъ
Псковъ на носу! Мы пень черезъ колоду
Валить должны! Мы Чернаго подсебь

Должны теперь, покуда Псковичи
 Не подошли, и для того теперь же
 Намъ за-одинъ работать, а наружно
 Врозь надо быть.

Къ Кривцевичу.

Такъ, иль не такъ?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Өома

Григорьевичъ! царь Соломонъ глаголетъ
 Изъ устъ твоихъ; придай же намъ ума:
 Какъ Чермнаго подѣчь!

Өома.

Рыбакъ, закинувъ

Свою уду, глядитъ на поплавокъ;
 А не клюетъ его наживы щука —
 За лодкою волочить онъ лесу,
 Иль съ берега нахлесткой дразнить рыбу.
 Такъ или такъ—подъ промахъ подведемъ
 Мы Чермнаго; иль улучу я случай,
 Иль самъ рожу́. Вы жъ помните одно:
 Наружно врозь, на дѣлѣ жъ тѣсно вмѣстѣ;
 Чтò ни скажу—навстрѣчу говорить;
 А между тѣмъ смекать изъ полуслова,
 Куда я гну, и спорить такъ, чтобъ я
 Всегда былъ правъ...

Звонъ въ колоколь.

ЖИРОХЪ.

Позволь—никакъ набать!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Набать и есть!

ЖИРОХЪ—отворяя окно.

И зарево пожара!

Крики на улицѣ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Съ оружіемъ по улицѣ бѣгутъ!

Не ворвались ли Суздальцы?

ЖИРОХЪ.

Безъ боя?

Не можетъ быть!

ОМА.

Пойдемте посмотрѣть!

Нежданное намъ что-то приключилось —

Пригодное, пожалуй, что-нибудь!

Всѣ трое послѣшно уходятъ.

~~~~~

ПЛОЩАДЬ СЪ ЛОВНЫМЪ МѢСТОМЪ.

Ночь. Зарево пожара. Набатъ и стукъ сѣчи. Граждане съ оружіемъ бѣгутъ черезъ сцену.

КРИКИ.

Суздальцы! Суздальцы! Измѣна! Новгородъ взяли! Рѣжутъ!
Гдѣ Суздальцы? Бей ихъ!

Пробѣгаютъ. Изъ боковой улицы выходитъ Василько, въ схваткѣ съ Рагуйломъ, одѣтымъ въ кольчугу. Набатъ умолкаетъ, зарево гаснетъ.

ВАСИЛЬКО—наступая на Рагуйло.

Сдайся! Всѣ твои перебиты!

РАГУЙЛО.

Не таковскій чтобъ сдаться! Кому Богъ поможетъ!

Дерутся. Рагуйло падаетъ. Изъ той же
улицы выбѣгаютъ Ставръ и Головня.

СТАВРЪ.

Ай да Василько! Послѣдняго растянулъ!

ВАСИЛЬКО.

Гдѣ наши?

ГОЛОВНЯ.

Пожаръ гасятъ.

РАДЬКО—подходя.

Уже погасили.

Указываетъ на нѣсколькихъ людей, вы-
ходящихъ изъ той же улицы.

Вотъ эти намъ помогли!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Да что это за притча была? Откуда они взялись?

ДРУГОЙ.

Словно съ неба упали!

ГОЛОВНЯ.

Изъ земли словно выросли.

СТАВРЪ.

Нѣтъ, они изъ монастыря выскочили, какъ разъ когда мы
дозоромъ шли.

ВАСИЛЬКО.

Да точно ли всѣ перебиты?

РАДЬКО.

Всѣхъ положили! Немного ихъ и было, человѣкъ пятьдесятъ!

ТРЕТІЙ.

А поджечь-таки успѣли!

СТАВРЪ.

Кабы не нашъ доворъ, они съ разныхъ концовъ подождли бы: у каждаго связка смоленого хворосту была.

ГОЛОВНЯ.

А тѣмъ часомъ и приступъ начался бы. Внутри пожаръ гаси, а снаружи враговъ отбивай!

РАДЬКО—къ Васильку, указывая на Рагуйло.

Смотри, твой живъ еще!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пришибить его, что-ли?

РАГУЙЛО—приподнимаясь.

Православные... Дайте по-христіански умереть.. Отнесите въ церковь, али попа позовите...

ПЯТЫЙ—замахиваясь.

Я тебѣ попъ! Благословлю какъ разъ!

ВАСИЛЬКО—отталкивая его.

Прочь, звѣрь! Лежачаго не бьютъ! Спросимъ его, какъ они въ городъ вошли?

Къ Рагуйло.

Эй, молодець!

СТАВРЪ.

Обмеръ, должно быть, али ужъ кончился?

ВАСИЛЬКО.

Нѣтъ, живъ еще, да говорить не можетъ! Отнесите его въ монастырь.

Радько и Головня уносятъ Рагуйло. Народъ шумно собирается на площадь. Съ одной стороны входитъ посадникъ, съ другой—Оома съ Жирохомъ и Кривцевичемъ.

ПОСАДНИКЪ.

Что это было? Что случилось!

ВАСИЛЬКО.

Толпа Суздальцевъ ворвалась, государь. Да уже всѣ перебиты.

ПОСАДНИКЪ.

Ты какъ здѣсь? Отчего не съ воеводой?

ВАСИЛЬКО.

Я по его указу сдѣлалъ: послѣ переклички, сотню по дорогамъ раздѣлилъ, а самъ пришелъ къ монастырю дожидаться его. Часа три у воротъ стоялъ, какъ изъ нихъ ратники показались; я ихъ окликнулъ, а они на меня съ мечами бросились. Тутъ нашъ дозоръ подошелъ, и мы вмѣстѣ перебили ихъ.

ПОСАДНИКЪ.

А воевода? Воевода?

ВАСИЛЬКО.

Не видали его, не приходилъ.

ООМА—къ Жироху и Кривцевичу.

Смекайте! Тутъ что-нибудь для насъ! Вѣдь это его ходомъ Суздальцы пролѣзли.

Черный вбѣгаетъ съ мечомъ въ рукѣ.

ЧЕРНЫЙ.

Не можетъ быть! Не вѣрю! Гдѣ они? Гдѣ Суздальцы?

ГОЛОСА.

Безъ тебя справились!

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ они вошли? Быть не можетъ!

Радько и Головня, отнесшіе Рагуйло, возвращаются.

РАДЬКО.

Ходъ подземный въ монастырѣ есть. Мы видѣли — монахи его заваливаютъ.

ОМА.

Ходъ подземный? Какой это ходъ?

ЖИРОХЪ.

Да не тотъ ли, про который воевода вчера говорилъ? Отъ котораго ключъ у него?

Чермный хватается за поясъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ловко прикинулся!

ГОЛОВНЯ.

Вотъ ключъ! Онъ въ дверцѣ снутри торчалъ.

Ропотъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Господи!—что это? Онъ у меня на поясѣ былъ!

ОМА.

А теперь въ дверцѣ очутился? Гмъ! Странное дѣло!

ЖИРОХЪ.

Что странное дѣло? Уже ты, прости Господи, не держишь ли подозрѣнія на воеводу?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ты, чай, золь на него за то, что онъ на твое мѣсто сѣлъ?

ЖИРОХЪ.

Радъ безвиннаго чернить!

ЮМА.

Что вы, что вы, побойтесь Бога, съ чего вы накинулись? Я не черню его, а надо бы спросить, какъ съ его пояса ключъ въ дверцу попалъ и вороговъ въ городъ впустилъ?

КРИКИ.

Къ отвѣту воеводу! Къ отвѣту!

ПОСАДНИКЪ.

Постойте, люди! Развѣ можно такъ спрашивать? Подождемъ утра, соберемъ вѣче; воевода Новугороду отвѣтъ дать.

ГОЛОСА.

Дѣло, дѣло! Подождемъ утра, на вѣчѣ спросимъ.

ПОСАДНИКЪ—къ Чермному.

Кто это учинилъ? На кого ты мыслишь?

ЧЕРМНЫЙ.

Ума не приложу!

ПОСАДНИКЪ.

Голову отдамъ, чтобъ вора найти!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Да зачѣмъ же воеводу къ отвѣту ставить? Воевода никому не держитъ отвѣта. Это не простой воевода; онъ и смертную казнь наложилъ всѣмъ, кто не слушаетъ его: какой же на немъ отвѣтъ?

КРИКИ ВЪ НАРОДЪ.

Что жъ онъ князь надъ нами, что-ли? Мы и князей судимъ, а его и подавно! Говори! Отвѣчай!—У тебя былъ ключъ?—Кому ключъ отдалъ?—Зачѣмъ враговъ впустилъ?—Къ отвѣту! Къ отвѣту!

ПОСАДНИКЪ.

Молчите, смерды! Воевода одному вѣчу повиненъ!

КРИКИ.

Такъ соберемъ вѣче! Чего тутъ ждять! Бѣгите на колокольню!—Ударьте въ колоколъ!—Вѣче! Вѣче!

Крики и возрастающее смятеніе. Разсвѣтаетъ.

ЕОМА—къ Кривцевичу.

На ловцовъ звѣрь набѣжалъ! Станемъ въ разбивку, чтобъ не сказали: стачка! И держать ухо востро!

Расходятся.

Ударъ въ колоколъ. Площадь наполняется все болѣе. Впереди чернаго народа становятся бояре и огнищане. Каждая улица подъ своимъ стягомъ. Колоколъ умолкаетъ. Посадникъ всходитъ на лобное мѣсто. Молчаніе.

ПОСАДНИКЪ.

Государь Великій Новгородъ! Повелите ли вѣчу быть?

ОВЩІЙ КРИКЪ.

Вѣче! вѣче! вѣче!

ПОСАДНИКЪ.

Великій Новгородъ! Открыто вѣче!
Горсть Суздальцевъ сей ночью ворвалась
Черезъ тайный ходъ подземный, отъ него же
У воеводы Чернаго былъ ключъ.

Тотъ ходъ уже заваленъ, и враги
 Побиты всѣ. А кто у воеводы
 Похитилъ ключъ—не вѣдаемъ. Велите ль
 Ему отвѣтъ держать?

КРИКИ.

Пусть говорить!

ПОСАДНИКЪ.

Кому вести прикажете допросъ?
 По грамотамъ держалъ по Ярославлимъ
 Доселѣ князь въ Новѣгородѣ судъ;
 Въ безкняжіе жъ и въ смутныя години
 Всегда судилъ посадникъ.

КРИКИ.

И теперь

По старинѣ! По пошинѣ! Посадникъ,
 Допрашивай

ЖИРОХЪ.

Кому же, государи,
 Какъ не ему? И кто же лучше Глѣба
 Мироныча очистить воеводу?
 Ему онъ другъ; его жъ на воеводство
 Онъ посадилъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Такъ какъ же правду мы
 Черезъ него узнаемъ? Онъ не можетъ
 Допрашивать—онъ будетъ выручать!

КРИКИ.

Нельзя ему! Нельзя! Ома пусть будетъ
 Допрашивать!

еома.

Увольте, государи!

Когда посадникъ Черному есть другъ —
Я не таюсь: ему я другомъ не былъ;
Я говорилъ, что молодъ слишкомъ онъ,
И довѣрять нельзя ему сидѣнье.
Коль онъ себя, не дай Богъ, не очиститъ,
Подумають, пожалуй, на меня:
Нарочно-де я недруга запуталъ.
Кривцевичу вы лучше прикажите —
Онъ сторона!

посадникъ.

Придумалъ бы хитрѣ!

Съ Кривцевичемъ вы словно два перста.
Онъ или ты—едино! Государь
Великій Новгородъ! Коли не мнѣ —
Вышатѣ прикажите—этотъ чистъ!

общій крикъ.

Вышатѣ! Да! Вышатѣ вѣсть допросъ!
Сойди долой, а Черный станъ къ отвѣту!

Посадникъ сходить со ступеней. Черный
всходить.

вышата.

Бояринъ Черный! Новгородъ знать хочеть:
Какъ Суздальцы сей ночью вошли
Черезъ тайный ходъ, отъ коего былъ ключъ
Въ твоихъ рукахъ?

черный.

Какъ святъ Господь, не знаю!

вышата.

Кого-нибудь подозрѣваешь ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ,—никого!

ВЫПАТА.

Черезъ этотъ самый ходъ
Вчера идти хотѣлъ ты на развѣдку —
Ходилъ ли ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ.

ВЫПАТА.

Отчего?

ЧЕРМНЫЙ.

Судите,
Какъ знаете меня! Не помню самъ,
Что сдѣлалось со мной, когда ушли вы;
Стыдъ вѣчный мнѣ! Одинъ на лавкѣ сидя,
Забылся я,—забылся и заснулъ; —
Очнулся лишь, когда набатъ услышалъ!

Сильный ропотъ

ВЫПАТА.

И не нашель на поясѣ ключа?..

ЧЕРМНЫЙ.

Я, не глядя, бѣжать сюда пустился —
Лишь здѣсь увидѣлъ, что съ меня онъ снять.

ВЫПАТА.

Съ кѣмъ видѣлся по нашемъ ты уходи?

ЧЕРМНЫЙ.

Ни съ кѣмъ.

ВЫПАТА.

Кто былъ изъ челяди въ дому?

ЧЕРМНЫЙ.

Никто. При васъ я отослалъ прислужницъ,
А прочіе съ утра ушли на валъ.

ВЫПАТА.

Бояринъ Чермный—дома ли Наталья
Твоя была, когда ты намъ тотъ ключъ
Показывалъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ. Къ теткѣ ночевать
Предъ тѣмъ ушла. Посадникъ слышалъ, какъ
Я самъ ее отправилъ.

ПОСАДНИКЪ.

Слышалъ, точно —
Но вправду ли она ушла—Богъ-вѣсть!
Никто ее не видѣлъ.

ГОЛОСЪ.

Видѣлъ я!

ВЫПАТА.

Кто говорить? Коль послухъ—выступай!

Выходить изъ толпы мечникъ.

Повѣдай все, что знаешь о Натальѣ!

МЕЧНИКЪ.

Отъ смѣны я во Спасскій монастырь
Вчера пришелъ ко всенощной. Тамъ, вижу,
Стоитъ она межъ нищихъ, горько плачетъ
И молится. И говорю я ей:

О чемъ ты, горемычная душа,
Такъ горько плачешь?—Къ теткѣ, говоритъ
Иду къ больной, путемъ же помолиться
Сюда зашла.

ѦОМА.

Ну, значить, не Наталья!

ВЫПАТА.

Кого другого не было ль въ дому?

ЧЕРМНЫЙ.

Я былъ одинъ.

ѦОМА.

Одинъ, въ пустыхъ покояхъ —
На поясѣ съ ключомъ! Ключъ, стало, самъ
Съ него снялся и отперъ супостату
Тотъ самый ходъ, о коемъ ни душа,
Опречь его, не вѣдала!

Возрастающій ролоть.

ЖИРОХЪ.

Постой,

Не радуйся, Ѧома Григорьичъ! Было
Насъ пятеро вчера у воеводы;
Намъ пятерымъ показывалъ онъ ключъ.
Когда судить доводится измѣну,
Въ допросѣ нѣтъ обиды никому.
Пусть спросятъ насъ: всѣ ль вмѣстѣ мы ушли,
Иль съ Чермнымъ кто послѣдній оставался?

ПОСАДНИКЪ.

Послѣдній я остался. Что жъ съ того?

ЖИРОХЪ.

Гмъ! Ничего! Я только такъ!

КРИКИ.

На Глѣба

Онъ говоритъ! Каменьями его!
Воръ! Клеветникъ!

ПОСАДНИКЪ.

Оставьте, государи!

Я не изъ тѣхъ, до коихъ клевета
Могла бѣ достигъ!

СОМА.

Еще бѣ! Иль мы не знаемъ

Посадника? На Черномъ на одномъ
Лежитъ отвѣтъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Тогда измѣнникъ Черный!

КРИКИ.

Измѣнникъ онъ! Измѣнникъ! Смерть ему!

ПОСАДНИКЪ.

Въ умѣ ли вы! Когда бѣ онъ замышлялъ
Намъ измѣнить, не сталъ бы намъ онъ ключъ
Показывать. Онъ не сказалъ бы намъ
О ходѣ томъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Зачѣмъ о немъ онъ прежде
Намъ не сказалъ? Онъ зналъ его давно.

ВЫПАТА.

Бояринъ Черный!—отвѣчай на это!

ЧЕРМНЫЙ.

Что вамъ отвѣтить? Лѣтомъ, на охотѣ,
Я на него набрелъ случайно; было
То до войны; не показался важнымъ
Онъ мнѣ тогда—и я о немъ забылъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Въ свое жъ опять припомнилъ воеводство?

ЧЕРМНЫЙ.

Когда отвѣтъ я принялъ на себя,
Къ сидѣнью все пригодное мнѣ ясно
Представилось.

БОМА.

Свидѣтельствуюсь Богомъ,
Когда бы я объ этомъ ходѣ зналъ —
Все, что враги на насъ ни замыслили бѣ,
Я бѣ вѣдалъ все! Мнѣ бѣ не было нужды
Со княземъ миръ для нашего спасенья
Совѣтовать.

ЖИРОХЪ.

Вишь, хвастается чѣмъ!
Да развѣ самъ не собирался Чермный
Сей ночью на развѣдку?

КРИВЦЕВИЧЪ.

И заснулъ!

И кстати жъ сонъ попалъ на воеводу:
Какъ разъ когда всѣ изъ дому ушли!
И кстати воръ нашелся въ самый мигъ,
Какъ онъ заснулъ! И кто же этотъ воръ?
Какъ онъ о томъ о потаенномъ ходѣ
Провѣдать могъ, когда никто изъ насъ

О немъ не зналъ? И какъ онъ догадался,
 Что самый ключъ на поясѣ виситъ
 У воеводы? Новгородъ Великій!
 Боярина Этому вы отрѣшили
 За то, что мира съ княземъ онъ хотѣлъ —
 Что жъ Чермному вы за его измѣну
 Положите?

ВЗРЫВЪ КРИКОВЪ.

Смерть за измѣну! Смерть!

ПОСАДНИКЪ—входитъ на ступени.

По грамотамъ! По пошлинѣ! Во имя
 Святой Софіи! Дайте, государи,
 Посаднику къ вамъ слово молвить!

ГОВОРЪ.

Тише!

Глѣбъ говоритъ! Молчите! Слушать Глѣба!

ПОСАДНИКЪ.

Великій Новгородъ! Нельзя казнить
 Безъ обыска! Намъ надо сдѣлать обыскъ,
 Его домашнихъ надо допросить.
 Воръ сыщется! Какъ вору не сыскаться?
 За Чермнаго жъ я головой стою.
 Я за него ручаюсь честью! Я,
 Посадникъ Глѣбъ! Коль смѣните его —
 Все пропадетъ! Одинъ онъ держитъ городъ.
 Лишь одному ему послушна рать!
 Лишь имъ однимъ—лишь имъ свобода наша
 Теперь жива!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Вишь, голосъ какъ трясется

У старика!

ДРУГОЙ.

Слеза на бородѣ
Скатилася! Диковина! Никто
Не видываль, чтобъ плакаль старый Глѣбъ!

ПОСАДНИКЪ.

Хоть на два дня оставьте воеводство
Вы Чермному! Хоть до прихода Пскова!
Когда жъ дотоль мы вора не найдемъ —
Казните насъ обоихъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

А межъ тѣмъ
Онъ насъ продасть? Какой еще тутъ обыскъ?
Оконченъ судъ!

ѲОМА—тихо къ Жироху, который къ
нему непримѣтно подошелъ.

Шепни скорѣе нашимъ,
Чтобъ за меня кричали!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Пусть онъ вора
Намъ назоветъ—не то на казнь его!

КРИКИ.

Пусть назоветъ! Пусть назоветъ! Не то
Смерть Чермному!

КРИКИ СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Ѳому на воеводство!
Ѳому! Ѳому! Хотимъ Ѳому опять!

КРИКИ СЪ РАЗНЫХЪ СТОРОНЪ.

Живеть Ѳома! Ѳому на воеводство!

ПОСАДНИКЪ.

Дозвольте слово, Новгородъ Великій,
Послѣднее!

КРИКИ.

Ну, что еще? Скажи!

ПОСАДНИКЪ.

Я Господомъ Спасителемъ Христомъ
Молю того, кто ключъ у воеводы
Увороваль—святой молю Софіей—
И собственной души его спасеньемъ
Его молю—и страхомъ вѣчныхъ мукъ
Грожу ему—пусть самъ онъ назовется!

Молчаніе.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Не такъ-то простъ, чай, воевода Черный,
Самъ на себя не скажетъ!

КРИКЪ.

Смерть ему!
Смятеніе и шумъ; черный народъ
протѣсняется сквозь бояръ.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Что долго съ нимъ чиниться? Въ Волховъ пса!

ДРУГОЙ—стаскиваетъ Чернаго со ступеней.

Веревку, братцы! И на шею камень!

ТРЕТІЙ.

Во дворъ къ нему! Разграбимъ домъ его!

КРИКИ.

Живеть Оома! Оому на воеводство!

ООМА—торжествуя, къ посаднику.

Что взялъ теперь? Мой городъ!

ПОСАДНИКЪ.

Нѣтъ еще!

Къ толпѣ.

Вамъ нуженъ воръ? Вы вора знать хотите!

Добро жь! Такъ я вамъ вора назову!

ОБЩІЕ КРИКИ.

Кто? Назови! Скажи, кто воръ?

ПОСАДНИКЪ.

Я воръ!

Молчаніе. Потомъ продолжительный ропотъ

ЖИРОХЪ.

Такъ вотъ оно! Вѣдь говорилъ же я!

Вѣдь изъ всѣхъ вчера послѣдній съ Чернымъ

Остался онъ.

ООМА—тихо къ Жироху.

Молчи! Его сгубить —

То Чермнаго очистить! Городъ этакъ

Въ его рукахъ останется!

Къ толпѣ.

Вы, вящшіе, и вы, простые люди!

Ужели вы повѣрите ему?

Вы видите, онъ на себя клевететь.

Измѣнникомъ ужели можетъ быть

Посадникъ Глѣбъ?

Ропотъ.

ОТДѢЛЬНЫЕ ГОЛОСА.

Нѣтъ, нѣтъ! То быть не можетъ!
Не вѣримъ! Нѣтъ!

ВЫПАТА—къ посаднику.

Что вводишь, Глѣбъ Миронычъ,
Ты на себя? Никто изъ насъ тебѣ
Не хочетъ въ томъ, не можетъ вѣры дать.

ПОСАДНИКЪ.

Съ которыхъ поръ мнѣ Новгородъ не вѣрить?

ЧЕРМНЫЙ.

Бояринъ Глѣбъ, не дамъ тебѣ губиться,
Твою я правду докажу!

ПОСАДНИКЪ—тихо.

Не смѣй!

Не за тебя, за Новгородъ гублюсь!

Къ собранію.

Великій Новгородъ! Я--Глѣбъ Миронычъ!—
У соннаго вчера у воеводы
Ключъ отвязалъ отъ пояса.

ЧЕРМНЫЙ.

Неправда!

Лишь по его уходѣ я заснулъ.

ПОСАДНИКЪ.

А развѣ я не могъ вернуться?

ВАСИЛЬКО.

Люди!

Бояре! Братцы! не дадимъ ему
Себя сгубить! Кричите, что неправда!

ОМА.

Злодѣй! Дай срокъ, съ тобою мы сочтемся!
 Бояре! Земцы! Гриди! Огнищане!
 Ужели тотъ, чья доблесть, правда, честь —
 Всѣмъ вѣдомы—на комъ никто не могъ бы
 Ни пятнышка одинаго найти —
 Ужели бы тотъ самый человекъ
 Могъ Новгородъ продать?

ЖИРОХЪ.

Еще бъ не могъ,
 Коль дорого ему за это дали.

ОМА.

Типунъ тебѣ на лживый твой языкъ!
 На свой погонъ посадника ты мѣришь!

ЖИРОХЪ.

А что жъ? Съ тобой высчитывали мы
 Его долги: довольно есть на немъ.
 Неужто жъ онъ продешевилъ Софію?
 Нѣтъ, онъ не глупъ! Ему досталось чѣмъ
 И Новгородцамъ, и Любчанамъ все
 Отдать сполна.

ВЫШАТА.

Бояринъ Глѣбъ! Зачѣмъ бы
 Ты продалъ насъ?

ПОСАДНИКЪ.

Жиروهъ ужъ вамъ сказалъ:
 Чтобъ заплатить долги.

ВЫШАТА.

Тогда зачѣмъ бы
 Ты признавался въ томъ *теперь*?

ПОСАДНИКЪ.

Затѣмъ,

Что съ княземъ торгъ не удался—придется
Мнѣ въ кабалу идти; такъ пусть одинъ
Я пропаду, безвиннаго жъ очищу.

ОМА.

Нѣтъ, въ этомъ насъ ты не увѣришь! Нѣтъ,
Бояринъ Глѣбъ! Изъ насъ бы кто охотно
Твоихъ долговъ не заплатилъ? Не нужно
Тебѣ отъ князя было брать. Нѣтъ, нѣтъ!
Я самъ моихъ достатковъ половину
Тебѣ бы съ радостію далъ. Тяжелѣ,
Я чай, врагу продаться, чѣмъ услугу
Отъ своего въ бѣдѣ принять.

ПОСАДНИКЪ.

Отъ чорта

Скорѣе бы услугу принялъ я,
Чѣмъ отъ мерзвющей гадины такой,
Отъ гнуснаго такого подлеца,
Продажнаго предателя и вора,
Каковъ есть ты!

ЖИРОХЪ.

Вы слышите его?

Вы слышите? Во истину, къ лицу
Ему еще предателемъ ругаться!

ГОВОРЪ МЕЖДУ БОЯРАМИ.

— Черезъ мѣру гордѣ!—Таковъ онъ былъ всегда!
— А совѣсть въ немъ таки-заговорила!
— Самъ назвался!—Что вы, побойтесь Бога,
Онъ чистъ какъ день! Не онъ, не онъ насъ продалъ!

- Не можетъ быть!—А почему жь и вѣтъ?
 — Долги кого на грѣхъ не наводили?
 — Чѣмъ чортъ не шутить!

ЧЕРМНЫЙ.

Новгородъ-Великій!

Когда вы мнѣ не вѣрите, когда
 Вы вашими не видите глазами,
 Что на себя наклѣпъ посадникъ держить —
 Велите крестъ ему поцѣловать
 Въ своихъ словахъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ну, что-жь, и поцѣлуешь!

Что крестъ ему? Чтобъ выручить тебя,
 Побочнаго, что-ль, сына своего,
 Не морщася, онъ поцѣлуешь крестъ.
 Извѣстно намъ, не вѣруеть онъ въ Бога!
 Вчера еще боярынѣ Мамелѣ
 Онъ говорилъ...

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЪ.

То правда—отъ нея
 Я слышалъ самъ.

ДРУГОЙ.

Я также.

ТРЕТІЙ.

То жь и я!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Слышь, братцы? Глѣбъ не вѣрять въ Бога!

ДРУГОЙ.

Стало,

Измѣнщикъ онъ?

ТРЕТІЙ.

Измѣнщикъ, стало быть!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Такъ, значить, намъ не Чермнаго, а Глѣба
Теперь топить?

ПЯТЫЙ.

А то кого жь еще?

Хватай его—иди!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ступай ты прежде,

Я за тобой!

ПЯТЫЙ.

Что-жь ты? Небось, полѣзь
На Чермнаго?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Тò Чермный былъ, а этотъ,
Вишь, какъ глядитъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ кинемся все вмѣстѣ!
Ребята! Глѣбъ не вѣрять въ Бога! Глѣбъ
У воеводы ключъ стащилъ! Низовымъ
За деньги продалъ Новгородъ! Пойдемъ
Его топить!

КРИКИ.

Да! Въ Волховъ, въ Волховъ Глѣба!

Топить его! А послѣ грабить домъ!
Ну, навались!

Народъ бросается къ лобному мѣсту; боаре
его отгѣсняють.

КРИКИ ВЪ ГЛУВИНѢ ПЛОЩАДИ.

Свѣтъ, Глѣбъ Миронычъ!

Небось! Тебя въ обиду не дадимъ!
Твои мы уличане! За тебя
Одни на цѣлый Новгородъ полѣземъ
Отецъ ты нашъ!

ЖИРОХЪ.

Гоните этихъ прочь!

То уличане подошли его,
Редятинцы, которыхъ онъ кормилъ;
То улица одна кричить, а мы
Всѣ говоримъ: онъ воръ!

Народъ вторично напираетъ.

ВЫПАТА.

Назадъ! не вамъ, а вѣчу

Его судить.

ЖИРОХЪ.

Такъ что-жъ не судить вѣче?
Грѣхъ на лицо! Умора, право. Онъ
Самъ говорить: я воръ. Они жъ ему:
Не вѣримъ, да нэ вѣримъ. Еслибъ я
То на себя сказалъ, небось, вѣдь мнѣ бы
Повѣрили.

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЪ—ПОДХОДИТЬ ИЗЪ ГЛУ-
бины сцены.

Не удержатъ намъ черныхъ.
Вотъ такъ и пруть. Хотятъ суда надъ Глѣбомъ.
Сбиваютъ съ ногъ. Пойдемъ на голоса.

ДРУГОЙ.

Начнется судъ, тогда они уймутся.
По улицамъ, бояре, по концамъ!

ТРЕТИЙ.

На голоса!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

На голоса!

Раздѣляются на кучи. Шумъ утихаетъ.
Чермный и Василько ходятъ отъ одного
стыга къ другому и увѣщаютъ каждый.
То же дѣлаетъ и Жирохъ.

ГОВОРЪ ВЪ РАЗНЫХЪ КУЧАХЪ.

За это

Одинъ отвѣтъ.—Когда онъ продалъ насъ.
Такъ смерть ему.—Самъ никого на свѣтѣ
Онъ не жалѣлъ.—Въ падежный годъ меня
Въ пухъ разорилъ! Гурты остановилъ
За Волховомъ; скотъ даромъ передохъ!
— Съ меня три виры взялъ!—Меня два раза
Послалъ въ тюрьму!—А сборы-то какъ правиль?
— Въ срокъ не отдашь—опишетъ животы!
Нѣтъ; жалости въ немъ не было!

ЧЕРМНЫЙ—въ одномъ концѣ площади.

Бояре!

За волю онъ себя не пожалѣлъ,
Чужой взялъ грѣхъ, чтобъ не достался городъ
Измѣнникамъ!

ВАСИЛЬКО—въ другомъ концѣ.

Коль обѣлить его

Не сможемъ мы—бѣгите поскорѣй
За гридьбою!

ГОВОРЪ.

— Одно изъ двухъ: иль воръ —
 Иль Чермнаго онъ ложно очищаетъ!
 — Посадникомъ его уже намъ долѣ
 Не слѣдъ держать! Напрасно на себя
 Показывать никто не станетъ!—Онъ же
 Не вѣрять въ Бога!—Отъ такого ждать
 Чего нельзя?—Безбожникъ, такъ и воръ!
 — А коль не воръ, то все же намъ досадчикъ!
 — Досадчикъ всѣмъ!—Пора его долой!
 — Давно пора!—Пусть онъ и чистъ, пожалуй,
 Да намъ онъ не угоденъ!—Благо, случай
 Самъ подаетъ! Не мы его чернимъ,
 Не нашъ и грѣхъ то будетъ.

ЧЕРМНЫЙ—подходить къ посаднику.

Еще пора—мы все поправить можемъ —
 Скажи имъ, что не ты.

ПОСАДНИКЪ.

Иди на валъ,
 Новгородскій воевода! Приступъ
 Въ сей самый мигъ, быть можетъ, не далекъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Послушай насъ...

ПОСАДНИКЪ.

О Новгородѣ думай,
 Не обо мнѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Бояринъ Глѣбъ Миронычъ,
 Молю тебя!...

ПОСАДНИКЪ.

Ну, что же, государи?
Я все сказалъ — кончайте приговоръ!

Волненіе. Изъ среды бояръ выступаетъ
Вышата и подходитъ къ лобному мѣсту.

ВЫШАТА.

Бояринъ Глѣбъ Миронычъ! — тяжело
Мнѣ говорить и больно...

ПОСАДНИКЪ.

Къ дѣлу!
Обиняковъ не нужно! Говори,
Какъ велѣно тебѣ отъ вѣча!

ВЫШАТА.

Бывшій

Посадникъ Глѣбъ! На явную измѣну,
Въ которой ты сейчасъ сознался самъ, —
Кладется смерть. Но Новгородъ-Великій,
Прошедшія твои заслуги помня,
Тебя отъ казни милуетъ, и только
Изъ города и волости своей
По жизнь тебѣ указываетъ путь.
Съ закатомъ солнца Новгородъ оставить
Сегодня жъ долженъ ты.

ЧЕРМНЫЙ.

Не признаю
Такого приговора! Я со гридьбой
Его заставлю отмѣнить!

ПОСАДНИКЪ.

Не смѣй!
Святъ приговоръ! Чти вѣчевое слово,
Какъ Божіе!

ЧЕРМНЫЙ.

Не чту неправды я!
Гей, Василько! Бѣги скорѣй съ своими —
Зовите раты!

ГРИДЕНЬ—вбѣгаетъ.

Гдѣ воевода Чермный?
Враги идутъ на приступъ съ двухъ сторонъ!

ПОСАДНИКЪ.

Ты слышишь? Прочь! Твое въ раскатахъ мѣсто!

ЧЕРМНЫЙ.

Иду—но правду покажу твою —
Иль въ Божью правду вѣрить перестану!
За мной, на валъ!

Уходитъ.

ПОСАДНИКЪ—съ поклономъ.

Я Новгородъ-Великій
Благодарю за милостивый судъ!
Сходитъ съ лобнаго мѣста. Толпа передъ
нимъ раздается.—Занавѣсъ опускается.

. . . . .
. . . . .
. . . . .

ПОРТРЕТЪ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ.

1.

Воспоминаній рой, какъ мошекъ туча,
Вокругъ меня снуеть съ недавнихъ поръ.
Изъ нихъ толпы, цвѣтистой и летучей,
Составить могъ бы цѣлый я обзоръ,
Но приведу пока одинъ лишь случай;
Разсудку онъ имѣлъ наперекоръ
На жизнь мою немалое вліянье —
Такъ пусть другимъ послужить въ назиданье...

2.

Извѣстно, нѣтъ событій безъ слѣда:
Прошедшее, прискорбно или мило,
Ни личностямъ доселѣ никогда,
Ни націямъ съ рукъ даромъ не сходило.
Тому теперь,—но вычислять года
Я не гораздъ—я думаю, мнѣ было
Одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ —
Съ тѣхъ поръ успѣлъ перемѣниться свѣтъ.

3.

Подумать можно: протекло лѣтъ сѣ-сто,
 Такъ повернулось старое вверхъ дномъ;
 А въ сущности все совершилось просто,
 Такъ просто, что—но дѣло не о томъ!
 У самаго Аничковскаго моста
 Большой тогда мы занимали домъ:
 Онъ былъ—никто не усомнится въ этомъ —
 Какъ прочіе, окрашенъ желтымъ цвѣтомъ.

4.

Замѣтилъ я, что желтый этотъ цвѣтъ
 Особенно льститъ сердцу патріота;
 Обмазать вохрой домъ, иль лазаретъ,
 Неодолима русскаго охота;
 Начальство также въ этомъ съ давнихъ лѣтъ
 Благонамѣренное видить что-то,
 И вохрятся въ губерніяхъ сплеча
 Палаты, храмъ, острогъ и каланча.

5.

Ревенный цвѣтъ и линія прямая —
 Вотъ идеаль изящества для насъ.
 Наслѣдники Батгя и Мамаю,
 Командовать мы приучили глазъ,
 И площади за степи принимая,
 Хотимъ глядѣть изъ Тулы въ Арзамасъ.
 Прекрасное искать мы любимъ въ пошломъ —
 Не такъ о томъ судили въ вѣкѣ прошломъ.

6.

Въ своемъ дому любилъ аристократъ
 Капризные изгибы и уступы,
 Убранный медальонами фасадъ,
 Съ гирляндами колоннъ ненужныхъ купы,

На крышѣ вазъ или амуровъ рядъ,
 На воротахъ причудливыя группы.
 Перенимать съ недавнихъ стали поръ
 У дѣдовъ мы весь этотъ милый вздоръ.

7.

Въ мои жъ года хорошимъ было тономъ
 Казарменному вкусу подражать,
 И четыремъ или восьми колоннамъ
 Вмѣнялось въ долгъ шеренгою торчать
 Подъ неизбѣжнымъ греческимъ фронтономъ.
 Во Франціи такую благодать
 Завелъ, въ свой вѣкъ воинственныхъ плебеевъ.
 Наполеонъ,—въ Россіи жъ Аракчеевъ.

8.

Таковъ и нашъ фасадъ былъ; но внутри
 Характеръ свой прошедшаго столѣтя
 Домъ сохранилъ. Покоя два иль три
 Могли бъ восторга вызвать междометье
 У знатока. Изъ бронзы фонари
 Въ сѣняхъ висѣли, и любилъ смотрѣть я,
 Хоть былъ тогда въ искусствѣ не толковъ,
 На лѣпку стѣнъ и форму потолоковъ.

9.

Родителей своихъ я видѣлъ мало;
 Отецъ былъ занятъ; братьевъ и сестёръ
 Я не знавалъ; мать много выѣзжала;
 Ворчали вѣчно тѣтки; съ раннихъ поръ
 Привыкъ одинъ бродить я въ залъ изъ зала
 И населять мечтами ихъ просторъ.
 Такъ подвиги, достойные романа,
 Воображать себѣ я началъ рано.

10.

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
 Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна;
 Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
 Все въ той же прозѣ движась непрерывно,
 Все, что зовутъ серьёзныя дѣла —
 Я ненавиждѣлъ съ дѣтства инстинктивно.
 Не говорю, чтобъ въ этомъ былъ я правъ,
 Но, видно, такъ ужъ мой сложился нравъ.

11.

Цвѣты у насъ стояли въ разныхъ залахъ:
 Желтофіолей много золотыхъ,
 И много гіацинтовъ, синихъ, алыхъ,
 И палевыхъ, и блѣдно-голубыхъ;
 И я, міровъ искатель небывалыхъ,
 Любилъ вникать въ благоуханье ихъ,
 И въ каждомъ запахъ индивидуальный
 Мнѣ музыкой какъ будто вѣялъ дальной.

12.

Въ иные жъ дни, прервавъ мечтаній сонъ,
 Случалось мнѣ очнуться въ удивленьи,
 Съ цвѣткомъ въ рукѣ. Какъ мной былъ сорванъ онъ —
 Не помнилъ я; но въ чудныя видѣнья
 Былъ запахомъ его я погружёнъ,
 Такъ превращало мнѣ воображенье
 Въ волшебный міръ нашъ скучный старый домъ —
 А жизнь межъ тѣмъ шла прежнимъ чередомъ.

13.

Предметы тѣ-жь, зимою какъ и лѣтомъ,
 Реальный міръ являлъ моимъ глазамъ:
 Учители ходили по билетамъ
 Все тѣ-жь ко мнѣ; порхалъ по четвергамъ

Танцмейстеръ, весь пропитанный балетомъ,
 Со скрипкою пискливой, и мнѣ самъ
 Мой гувернёръ, въ назначенные сроки,
 Преподавалъ латинскіе уроки.

14.

Онъ нѣмецъ былъ отъ головы до ногъ,
 Ученъ, серьёзенъ, очень аккуратенъ,
 Всегда къ себѣ неумолимо-строгъ,
 И не терпѣлъ на мнѣ чернильныхъ пятенъ.
 Но, признаюсь, его глубокой слогъ
 Былъ для меня отчасти непонятенъ,
 Особенно когда онъ объяснялъ,
 Что разумѣть подъ словомъ «идеаль».

15.

Любезенъ былъ ему Страбонъ и Плиній,
 Горація онъ зналъ до тошноты,
 И, что у насъ такъ рѣдко видишь нынѣ,
 Высоко чтить художества цвѣты,
 Причемъ законъ волнообразныхъ линій
 Мнѣ поставлялъ условьемъ красоты;
 А чтобъ система не пропала праздно,
 Онъ самъ и ѣлъ, и пилъ волнообразно.

16.

Достоинствомъ проникнутый всегда,
 Онъ формою былъ много озабоченъ.
 «Das Formlose»—о, это есть бѣда!»
 Онъ повторялъ, и обижался очень,
 Когда себѣ кто не давалъ труда
 Иль не умѣлъ въ формальностяхъ быть точенъ;
 А красоты классической печать
 Наглядно мнѣ давалъ онъ изучать.

17.

Онъ говорилъ:—Смотрите, для примѣра,
 Я нѣсколько приму античныхъ позъ:
 Вотъ такъ стоитъ Милосская Венера;
 Такъ очертанье Вакха создалось;
 Вотъ этакъ Зевсъ описанъ у Гомера;
 Вотъ понять какъ Праксителемъ Эросъ.
 А вотъ теперь я Аполлономъ стану!—
 И походилъ тогда на обезьяну.

18.

Я думаю, поймешь, читатель, ты,
 Что врядъ ли могъ я этимъ быть доволенъ,
 Тѣмъ болѣе, что чувствомъ красоты
 Я отъ природы нѣ былъ обездоленъ;
 Но у кого всѣ средства отняты,
 Тотъ слышитъ звонъ, не видя колоколенъ;
 А слѣва я хотя не понималъ,
 Но чуялся иной мнѣ «идеаль».

19.

И я душой искалъ его пытливо —
 Но что найти вокругъ себя я могъ?
 Старухи-тѣтки нѣ были красивы,
 Величественъ мой нѣ былъ педагогъ —
 И потому, мнѣ кажется, не диво,
 Что типами ихъ лицъ я пренебрѣгъ,
 И на одной изъ стѣнъ большого зала
 Типъ красоты мечта моя сыскала:

20.

То молодой былъ женщины портретъ,
 Въ граціозной позѣ. Нѣсколько поблѣкъ онъ,
 Иль, можетъ быть, показывалъ такъ свѣтъ
 Сквозь кружевные занавѣсы оконъ.

Грудь украшалъ ей розовый букетъ,
 Напудренный на плечи падалъ локонь,
 И, полный розъ, передникъ изъ тафты
 За кончики несли ея персты.

21.

Иные скажутъ: живопись упадка!
 Условная, пустая красота!
 Быть можетъ, такъ; но каждая въ ней складка
 Мнѣ нравилась, а тонкая черта
 Мой юный умъ дразнила какъ загадка.
 Казалось мнѣ: лукавыя уста,
 На зло глазамъ, исполненнымъ печали,
 Свои края чуть-чуть приподымали.

22.

И странно то, что было въ каждый часъ
 Въ ея лицѣ иное выраженье;
 Такихъ оттѣнковъ множество не разъ
 Подсматривалъ въ одинъ и тотъ же день я.
 Мѣнялся цвѣтъ неуловимый глазъ,
 Мѣнялось устъ неясное значенье,
 И выражалъ поочередно взоръ:
 Кокетство, ласку, просьбу иль укоръ.

23.

Ея судьбы не знаю я понынѣ:
 Была ль маркиза юная она,
 Погибшая, увы, на гильотинѣ?
 Иль въ Питерѣ блестящемъ рождена,
 При матушкѣ цвѣла Екатеринѣ,
 Играла въ ломбръ, привѣтна и умна,
 И средь огней Потемкинскаго бала
 Какъ солнце всѣхъ красую побѣждала?

24.

Объ этомъ я не спрашивалъ тогда,
 И важную на то имѣлъ причину:
 Преодолѣть я тайнаго стыда
 Никакъ не могъ—теперь его откину;
 Могу, увы, признаться безъ труда,
 Что по-уши влюбился я въ картину,
 Такъ, что страдала нѣсколько латынь;
 Ужъ кто влюбленъ, тотъ мудрость лучше кивы!

25.

Наставникъ мой былъ мною недоволенъ,
 Его чело сталъ омрачать туманъ;
 Онъ говорилъ, что я ничѣмъ не боленъ.
 Что это лѣнь, и что—«*weg will, der kann!*»
 На этотъ счетъ онъ былъ многоглаголенъ
 И повторялъ, что намъ разумокъ данъ,
 Дабы собой мы все владѣли болѣ
 И управлять учились нашей волей.

26.

Былъ, кажется, поклонникъ Канта онъ.
 Но этотъ разъ забылъ его ученье,
 Что «*Ding an sich*», лишь только воплощенъ,
 Лишается свободнаго хотѣнья;
 Я жъ скоро былъ къ той вѣрѣ приведенъ,
 Что наша воля—плодъ предназначенья,
 Зане я тщетно, сколько ни потѣлъ,
 Хотѣлъ хотѣть иное, чѣмъ хотѣлъ.

27.

Въ грамматикѣ, на мѣсто скучныхъ правилъ,
 Мнѣ видѣлся все тотъ же милый ликъ;
 Безъ счету мнѣ нули наставникъ ставилъ,—
 Ихъ получать я наконецъ привыкъ,

Прилежностью себя я не прославилъ,
И лишь позднѣй добился и постигъ,
Въ чемъ состоятъ спряженія красоты.
О, классицизмъ, даешься не легко ты!

28.

Все-жъ изъ меня не вышель реалистъ —
Да извинить мнѣ Стасюлевичъ это!
Не даромъ свой мнѣ посвящала свистъ
Ужъ не одна реальная газета.
Я жъ не злобѣвъ: пусть виноградный листъ
Прикроетъ имъ небрежность туалета,
И пусть Зевесъ, чья сила велика,
Ихъ русскаго сподобитъ языка!

29.

Да, классикъ я—но до извѣстной мѣры:
Я бъ не хотѣлъ, чтобъ почеркомъ пера
Присуждены всѣ были землемѣры,
Механики, купцы, кондуктора
Виргилия долбить или Гомера —
Избави Богъ! Не та теперь пора!
Для разныхъ нуждъ и выгодъ матерьяльныхъ,
Желаю намъ поболѣ школъ реальныхъ.

30.

Но я скажу: не паровозовъ дымъ
И не реторты движуть просвѣщенье:
Свою къ нему способность изопримъ
Лишь строгой мы гимнастикой мышленья;
И мнѣ сдается: правъ мой омонимъ,
Что классицизму далъ онъ предпочтенье,
Котораго такъ прочно тяжкій плугъ
Взрываетъ новъ подъ сѣмена наукъ.

31.

Все дѣло въ мѣрѣ... Впрочемъ, отъ предмета
 Отвлёкся я—вернусь къ нему опять:
 Тѣ колебанья въ линияхъ портрета
 Потребностью мнѣ стало изучать.
 Ребячество, конечно, было это,
 Но всякій вечеръ я, ложася спать,
 Все думалъ: какъ, по минованьи ночи,
 Мой встрѣтятъ взоръ измѣнчивыя очи!

32.

Меня влекла ихъ странная краса,
 Какъ путника студѣный ключъ въ пустынь.
 Вставалъ я въ семь, а ровно въ два часа,
 Отдавъ сполна дань скукѣ и латынѣ,
 Благословлялъ усердно небеса.
 Обѣдали въ то время въ половинѣ
 Четвертаго. Въ часъ этотъ, въ январѣ,
 Ужъ сумерки бываютъ на дворѣ.

33.

И всякій день, собравъ мои тетради,
 Умывши руки, пыль съ воротничка
 Смахнувъ платкомъ, вихры свои пригляда
 И совершивъ два или три прыжка,
 Я шелъ къ портрету наблюдений ради;
 Само собой, я шелъ исподтишка,
 Какъ будто вовсе не было мнѣ дѣла,
 Какъ на меня красавица глядѣла.

34.

Тогда пустой, почти былъ тѣмень залъ
 Но бѣглый свѣтъ горящаго камина
 На потолокъ расписанномъ дрожалъ
 И на стѣнѣ, гдѣ видѣлась картина;

Ручной органъ на улицѣ игралъ;
 Тѣ, кажется, Моцарта каватина
 Всегда въ ту пору пѣла свой мотивъ,
 И слушалъ я, взоръ въ живопись вперивъ.

35.

Мнѣ чудилось въ тѣхъ звукахъ толкованье
 И тайный ключъ къ загадочнымъ чертамъ;
 Росло души неясное желанье,
 Со счастьемъ грусть мѣшалась пополамъ;
 То юности платилъ, должно быть, дань я;
 Чего хотѣлъ, не понималъ я самъ,
 Но что-то вслухъ уста мои шептали,
 Пока меня къ столу не призывали.

36.

И впечатлѣнья думъ моихъ храня,
 Я нѣ-хотя глоталъ тарелку супа;
 Съ усмѣшкой всѣ глядѣли на меня,
 Мое лицо, должно быть, было глупо.
 Застѣнчивѣй сталъ день я ото-дня,
 Смотрѣлъ на всѣхъ разсѣянно и тупо,
 И на себя родителей упрѣкъ
 Не разъ своей неловкостью навлѣкъ.

37.

Но было мнѣ страшнѣй всего на свѣтѣ,
 Чтобъ изъ большихъ случайно кто-нибудь
 Заговорить не вздумалъ о портретѣ,
 Иль, хоть слегка, при мнѣ упомянуть.
 Отъ мысли той (смѣшны бываютъ дѣти!)
 Ужъ я краснѣлъ, моя сжималась грудь,
 И казни бъ я подвергся уголовной,
 Чтобъ не открыть любви моей грѣховной.

38.

Мнѣ памятно еще до этихъ поръ,
 Какія я выдумывалъ уловки,
 Чтобъ измѣнить искусно разговоръ,
 Когда предметы дѣлались неловки;
 А прошлый вѣкъ, Екатерининъ дворъ,
 Роброны, пудра, фижмы иль шнуровки,
 И даже самъ Державинъ, авторъ одъ,
 Ужъ издали меня бросали въ потъ.

39.

Читатель мой, скажи, ты былъ ли молодецъ?
 Не всякому извѣстенъ сей недугъ.
 Пора, когда любви насъ мучить голодъ,
 Для многихъ есть не болѣе какъ звукъ!
 Намъ на Руси любить мѣшаетъ холодъ,
 И, сверхъ того, за службой недосугъ:
 Не многіе у насъ родятся наги —
 Большая часть въ мундирѣ и при шпагѣ.

40.

Но если, свѣтъ увидя между насъ,
 Ты рѣдкое являешь исключенье,
 И не совсѣмъ огонь въ тебѣ погасъ
 Тѣхъ дней, когда намъ новы впечатлѣнья,
 Быть можетъ, ты поймешь, какъ въ первый разъ
 Онъ озарилъ мое уединенье,
 Какъ съ каждымъ днѣмъ онъ разгорался вновь,
 И какъ свою лелѣялъ я любовь.

41.

Была пора то дерзостныхъ догадокъ,
 Когда кипить вопросами нашъ умъ;
 Когда для насъ мучителенъ и сладокъ
 Бываетъ платья шолковаго шумъ;

Когда души смущенной безпорядокъ
 Намъ не дастъ смирить прибое думъ,
 И безъ руля волнами ихъ несомы,
 Мы взоромъ ищемъ берегъ незнакомый.

42.

О, чудное мерцанье тѣхъ времёнъ,
 Гдѣ мы себя еще не понимаемъ!
 О, дни, когда, раскрывши лексиконъ,
 Мы отъ иного слова замираемъ!
 О, трепеть чувствъ, случайностью рождёнъ,
 Душистый цвѣтъ, плодомъ незамѣняемъ,
 Тревожной жизни первая вѣха:
 Бредъ чистоты съ предвкусіемъ грѣха!

43.

Внималъ его я голосу послушно,
 Какъ лепетанью вѣющаго сна...
 Въ средѣ сухой, придиричливой и душевной,
 Мнѣ стало вдругъ казаться, что *она*
 Къ моей любви не вовсе равнодушна
 И безъ насмѣшки смотритъ съ полотна;
 И вскорѣ я въ томъ новомъ выраженіи
 Участіе прочелъ и ободренье.

44.

Мнѣ взоръ ея, казалось, говорилъ:
 — Не унывай, крѣпись, настало время —
 У насъ съ тобой теперь довольно силъ,
 Чтобъ нашихъ путь обоимъ скинуть бремя;
 Меня къ холсту художникъ пригвоздилъ.
 Ты жъ за ребенка почитаемъ всѣми,
 Тебя гнетутъ—но ты уже большой,
 Давно тебя постигла я душой;

45.

Тебѣ дано мнѣ оказать услугу,
 Пойми меня—на помощь я зову!
 Хочу тебѣ довѣриться какъ другу:
 Я не портретъ, я мыслю и живу!
 Въ своихъ ты снахъ искалъ во мнѣ подругу -
 Ее найти ты можешь на-яву!
 Меня добыть тебѣ не трудно съ бою —
 Лишь доверши начатое тобою!

46.

Два цѣлыхъ дня ходилъ я какъ въ чадѣ
 И спрашивалъ себя въ недоумѣннѣ:
 — Какъ средство я спасти ее найду?
 Откуда взять возможность и умѣнье?
 Такъ иногда лежащаго въ бредѣ
 Задачи тѣмной мучить разрѣшенье.
 Я повторялъ:—спасу ее—но какъ?
 О, если бъ дать она могла мнѣ знакъ!

47.

И въ сумерки, въ тотъ самый часъ завѣтный,
 Когда шарманка пѣла подь окномъ,
 Я въ залъ пустой прокрался непримѣтно,
 Чтобы мечтать о подвигѣ моёмъ.
 Но голову ломалъ себѣ я тщетно,
 И былъ готовъ ударить въ стѣну лбомъ,
 Какъ юнаго воображенья сила
 Нежданно мнѣ задачу разрѣшила:

48.

При отблескѣ каминнаго огня,
 Картина какъ-то задрожала въ рамѣ,
 Сперва взглянула словно на меня
 Молящими и влажными глазами,

Потомъ, рѣсницы медленно склоня,
 Свой взоръ на шкафъ съ узорными часами
 Направила. Взоръ говорилъ: смотри!
 Часы тогда показывали: три.

49.

Я понялъ все. Средь шума дня не смѣла
 Одѣться въ плоть и кровь ея краса,
 Но ночью—о, тогда другое дѣло!
 Въ ночной тѣни возможны чудеса!
 И на часы затѣмъ она глядѣла,
 Чтобъ этой ночью, ровно въ три часа,
 Когда весь домъ покоится въ молчаньи,
 Я къ ней пришелъ на тайное свиданье.

50.

— Да, это такъ, сомнѣннй болѣ нѣтъ!
 Моей любви могущество безъ грани!
 Коль захочу, я вызову на свѣтъ,
 Что такъ давно мнѣ видится въ туманѣ!
 Но только ночью оживетъ портретъ —
 Какъ я о томъ не догадался ранѣ!?
 И сладостно, и жутко стало мнѣ,
 И бѣгали мурашки по спинѣ.

51.

Остатокъ дня провелъ я благоправно,
 Приготовлялъ глаголы, не тужа,
 Долбилъ предлоги и зубрилъ исправно,
 Какого каждый просить падежа;
 Когда ходилъ, ступалъ легко и плавно,
 Расположеньемъ старшихъ дорожа,
 И вообще старался въ этотъ день я
 Не возбудить чѣмъ-либо подозрѣнья.

52.

Сидѣли гости вечеромъ у насъ;
 Я долженъ былъ, по принятой системѣ,
 Быть на-лицо. Прескучная велась
 Межъ нихъ бесѣда, и меня какъ бремя
 Она гнела. Насталъ насилу часъ
 Идти мнѣ спать. Простившись со всѣми,
 Я радостно отправился домой —
 Мой педагогъ послѣдовалъ за мной.

53.

Я тотчасъ легъ и, будто утомлённый,
 Закрывъ глаза, но долго онъ ходилъ
 Предъ зеркаломъ, наморща лобъ учёный,
 И свой вакштафъ торжественно курилъ;
 Но наконецъ снялъ фракъ и панталоны,
 Въ постелю влѣзъ и свѣчку погасилъ.
 Должно быть, онъ заснулъ довольно сладко,
 Меня жъ трясла и била лихорадка.

54.

Но время шло, и вотъ гостямъ пора
 Настала разѣзжаться. Понялъ это
 Я изъ того, что стали кучера
 Возиться у подъѣзда; струйки свѣта
 На потолокъ забѣгали; съ двора
 Послѣдняя отѣхала карета,
 И въ домѣ стихло все. Свиданья жъ срокъ
 Читатель помнитъ—былъ еще далёкъ.

55.

Теперь я долженъ—но не знаю, право,
 Какъ оправдать себя во мнѣньи дамъ?
 На ихъ участие потерялъ я право,
 На милость ихъ судьбу свою отдамъ!

Да, добрая моя страдает слава:
 Какъ вышло то—не понимаю самъ —
 Но, въ ожиданьи сладостнаго срока,
 Я вдругъ заснулъ постыдно и глубоко...

56.

Что видѣлъ я въ томъ недостойномъ снѣ,
 Моя лишь смутно память сохранила,
 Но что жъ могло иное сниться мнѣ,
 Какъ не она, къмъ сердце полно было?
 Уставшая скучать на полотнѣ,
 Она меня забвеніемъ корила,
 И стала совѣсть такъ моя тяжка,
 Что я проснулся, словно отъ толчка.

57.

Въ раскаяньи, въ испугѣ и въ смятеньи,
 Рукой невѣрной спичку я зажгѣтъ:
 Предметовъ вдругъ зашевелились тѣни,
 Но, къ счастью, спалъ мой крѣпко педагогъ;
 Я въ радостномъ увидѣлъ удивленьи,
 Что не прошелъ назначенный мнѣ срокъ:
 До трехъ часовъ—оно, конечно, мало —
 Пяти минутъ еще недоставало.

58.

И поспѣшилъ скорѣй одѣться я,
 Чтобъ искупить поступокъ непохвальный;
 Держа свѣчу, дыханье притая,
 Тихонько вышелъ я изъ нашей спальной,
 Но голова кружилася моя,
 И сердца стукъ мнѣ слышался буквально,
 Пока я шелъ чрезъ длинный комматъ рядъ,
 На зеркала бояся бросить взглядъ.

59.

Зналъ хорошо я всѣ покои дома,
 Но въ непривычной тишинѣ ночной
 Мнѣ все теперь казалось незнакомо;
 Мой шагъ звучалъ какъ будто бы чужой
 И странно такъ отъ тѣни переломы,
 По сторонамъ и прямо надо мной,
 То стлалися, то на-стѣну вползали —
 Стараясь ихъ не видѣть, шелъ я далѣ.

60.

И вотъ уже та роковая дверь —
 Единый шагъ—судьба моя рѣшится —
 Но что-то вдругъ неожиданное теперь
 Заставило меня остановиться.
 Читатель—другъ!—ты вѣрь или не вѣрь —
 Мнѣ слышалось: не лучше ль воротиться?
 Ты не такимъ изъ двери выйдешь той,
 Какимъ войдешь съ невинной простотой!

61.

Тó ангела ль хранителя былъ голосъ?
 Иль тайный страхъ мнѣ на-ухо шепталъ?
 Но съ опасеньемъ страсть моя боролась,
 А ложный стыдъ желанье подстрекалъ.
 — Нѣтъ! я рѣшилъ—и на затылкѣ волосъ
 Мой поднялся—придти я обѣщалъ.
 Какое тамъ ни встрѣчу испытанье,
 Мнѣ честь велить исполнить обѣщанье!

62.

И повернулъ невѣрною рукою
 Замковую я ручку. Отворилась
 Безъ шума дверь: былъ сумраченъ покой,
 Но блѣдное сіянье въ немъ струилось;

Хрустальной люстры отблескъ голубой
 Мерцалъ въ тѣни, и тихо шевелилась
 Подвѣсокъ цѣпь, напоминая мнѣ
 Игру росы на листьяхъ при лунѣ.

63.

И былъ ли то обманъ воображенья,
 Иль истина—по залу пронеслось
 Какъ свѣжести какой-то дуновенье,
 И запахъ мнѣ почувствовался розъ.
 Чудеснаго я понялъ приближенье,
 По тѣлу легкій пробѣжалъ морозъ,
 Но превозмогъ я скоро слабость эту,
 И подошелъ съ рѣшимостью къ портрету.

64.

Онъ весь сіялъ, какъ будто отъ луны,
 Малѣйшія подробности одежды,
 Черты лица всѣ были мнѣ видны,
 И томно такъ приподымались вѣжды,
 И такъ глаза казались полны
 Любви и слезъ, и грусти, и надежды,
 Такимъ горѣли сдержаннымъ огнѣмъ,
 Какъ я еще не видывалъ ихъ днѣмъ.

65.

Мой страхъ исчезъ. Мучительно пріятно
 Съ томящей нѣгой жгучая тоска
 Во мнѣ въ одинъ отгѣнокъ непонятный
 Смѣшались. Нѣтъ въ мірѣ языка
 То ощущение передать; невнятно
 Мнѣ слышался какъ зовъ издадека,
 Мнѣ словно міръ провидѣлся надзвѣздный —
 И чуялась какъ будто близость бездны.

66.

И думалъ я: нѣтъ, то была не ложь,
 Когда любить меня ты обѣщала!
 Ты для меня сегодня оживѣшь —
 Я здѣсь—я жду—зачѣмъ же дѣло стало?
 Я взоръ ея ловилъ—и снова дрожь,
 Но дрожь любви по жиламъ пробѣгала,
 И ревности огонь, Богъ вѣсть къ кому,
 Понятенъ сталъ безумью моему.

67.

Возможно ль? какъ? Недвижна ты доселѣ?
 Иль взоровъ я твоихъ не понималъ?
 Иль, чтобы мнѣ довѣриться на дѣлѣ,
 Тебѣ кажусь ничтоженъ я и малъ?
 Иль я ребенокъ? Боже! Иль ужели
 Твою любовь другой себѣ стяжалъ?
 Кто онъ? когда? и по какому праву?
 Пускай придетъ со мною на расправу!

68.

Такъ проходилъ, средь явственнаго сна,
 Всѣ муки я сердечнаго пожара...
 О, богъ любви! Ты молодъ, какъ весна,
 Твои жъ пути какъ мірозданье стары!
 Но вотъ какъ будто дрогнула стѣна,
 Раздался шипъ—и мѣрныхъ три удара,
 Въ ночной тиши отчетисто звеня,
 Взглянуть назадъ заставили меня.

69.

И ихъ еще не замерло дрожанье,
 Какъ измѣнился вдругъ покоя видъ:
 Исчезли ночь и лунное сіянье,
 Зажглися люстры; блескомъ весь облить

Казалось, вновь, для бала или собрания,
 Старинный залъ сверкаетъ и горитъ,
 И было въ немъ—я видѣть могъ свободно —
 Все такъ свѣжо и вмѣстѣ старомодно.

70.

Воскресшія убранство и красу
 Минувшихъ дней узналъ я предъ собою;
 Мой пульсъ стучалъ, какъ будто бы несу
 Я кузницу въ груди; въ ухахъ, съ прибою,
 Шумѣла кровь; такъ въ молодомъ лѣсу
 Пернатыхъ гамъ намъ слышится весною;
 Такъ пчелъ рой, шмелямъ гудящимъ въ ладъ,
 Въ іюльскій зной надъ гречкою жужжать.

71.

Что-жъ это? Сонъ? и я лежу въ постели?
 Но нѣтъ, вотъ руку щупаетъ рука —
 Я точно здѣсь—вотъ ясно проскрипѣли
 На улицѣ полозья... Съ потолка
 Посыпалася известь; вотъ въ панели
 Какъ будто что-то треснуло слегка...
 Вотъ словно полкомъ вдругъ запелестило...
 Я поднялъ взоръ—и духъ мнѣ захватило.

72.

Все въ томъ же положеніи, она
 Теперь почти отъ грунта отдѣлялась;
 Ужь грудь ея, свѣчьи озарена,
 По временамъ замѣтно подымалась;
 Но отрѣшить себя отъ полотна
 Она вотще какъ будто бы старалась,
 И ясно мнѣ все говорило въ ней:
 О, захоти, о, захоти сильнѣй!

73.

Все, что я могъ сосредоточить воли,
 Все на нее теперь я устремилъ,
 Мой странный взоръ живилъ ее все болѣ,
 И видимо ей прибавлялось силъ;
 Уже одежда зыблилась, какъ въ полѣ
 Подъ легкимъ вѣтромъ зыблется ковыль,
 И все слышнѣй ея шуршали волны,
 И вздрагивалъ цвѣтовъ передникъ полный.

74.

— Еще, еще! хоти еще сильнѣй!
 Такъ влажные глаза мнѣ говорили;
 И я хотѣлъ всей страстию моею —
 И отъ моихъ, казалось, усилий
 Свободнѣе все дѣлалось ей —
 И вдругъ персты передникъ упустили —
 И ворохъ розъ, покоившійся въ немъ,
 Къ моимъ ногамъ посыпался дождѣмъ.

75.

Движеньемъ плавнымъ платью расправляя,
 Она сошла изъ рамы на паркетъ;
 Съ террасы въ садъ, дышать цвѣтами мая —
 Такъ дѣвушка въ шестнадцать сходитъ лѣтъ;
 Но я стоялъ, еще не понимая,
 Она ли тѣ передо мной, иль нѣтъ,
 Стоялъ, нѣмой отъ счастья и испуга, —
 И, молча, мы смотрѣли другъ на друга.

76.

Когда бы я гвардейскій былъ гусаръ,
 Или хотя полковникъ инженерный,
 Искусно бъ мой я выразилъ ей жаръ,
 И комплиментъ сказалъ бы ей примѣрный;

Но нѣ данъ былъ развязности мнѣ даръ,
И стало такъ неловко мнѣ и скверно,
Что я не зналъ, стоять или шагнуть,
А долгъ велѣлъ мнѣ сдѣлать что-нибудь.

77.

И мой урокъ припомня танцевальный,
Я для поклона сдѣлалъ два шага,
Потомъ взялъ въ бокъ; легко и натурально
Примкнулась къ лѣвой правая нога,
Отвисли обѣ руки вертикально,
И я предъ ней согнулся какъ дуга.
Она жъ, какъ скоро выпрямилъ я тѣло,
Насмѣшливо мнѣ до-полу присѣла.

78.

Но между насъ, теперь я убѣждёнъ,
Происходило недоразумѣнье,
И мой она классическій поклонъ,
Какъ видно, приняла за приглашенье
Съ ней танцовать. Я былъ тѣмъ удивлёнъ,
Но вывести ее изъ заблужденья
Мѣшала мнѣ застѣнчивость моя —
И руку ей, конфузясь, подаль я.

79.

Тутъ тихо, тихо, словно изъ далѣка,
Послышался старинный менуэтъ:
Подъ говоръ струй такъ шелестить осока,
Или, когда вечерній меркнетъ свѣтъ,
Хрущи, кружась надъ липами высоко,
Поютъ веснѣ немолчный свой привѣтъ,
И чудятся намъ въ шумѣ ихъ полета
И вьолончеля звуки, и фѣгота.

80.

И вотъ, держася за-руки едва,
 Въ приличномъ другъ отъ друга разстояньи,
 Подъ музыку мы двинулись сперва,
 На цыпочкахъ, въ торжественномъ молчаньи.
 Но, сдѣлавши со мною тура два,
 Она вдругъ стала, словно въ ожиданьи,
 И вырвался изъ свѣжихъ устъ ея
 Веселый смѣхъ, какъ рокоть соловья.

81.

Поступкомъ симъ обиженный не мало,
 Я взоръ склонилъ, достоинство храня.
 — О, не сердись, мой другъ, она сказала,
 И не кори за вѣтренность меня:
 Мнѣ такъ смѣшно! Повѣрь, я не встрѣчала
 Такихъ, какъ ты, до нынѣшняго дня!
 Уже ль пылалъ ты страстью неземною
 Лишь для того, чтобъ танцовать со мною?

82.

Что отвѣчать на это—я не зналъ,
 Но стало мнѣ невыразимо больно:
 Чего жъ ей надо? Въ чѣмъ я оплошалъ?
 И отчего она мной недовольна?
 Не по ея ль я волѣ танцовалъ?
 Такъ что же тутъ смѣшного? И невольно
 Заплакалъ я, ища напрасно словъ,
 И ненавидѣть былъ ее готовъ.

83.

Вся кровь во мнѣ кипѣла, негодуя,
 Но вотъ, неожиданно, въ этотъ самый мигъ,
 Меня коснулось пламя поцѣлуя,
 Къ моей щекѣ ея примкнулся ликъ;

Мнѣ слышалось:—Не плачь, тебя люблю я!
 Невѣдомый восторгъ меня проникъ,
 Я обмеръ весь—она же, съ лаской нѣжной,
 Меня къ груди прижала бѣлоснѣжной.

84.

Мои смѣшались мысли. Но не вдругъ
 Лишился я разсудка и сознанья:
 Я ощущалъ объятья нѣжныхъ рукъ
 И юныхъ плечъ живое прикосанье;
 Мнѣ сладостенъ казался мой недугъ,
 Приятно было жизни замиранье,
 И медленно, блаженствомъ опьяненъ,
 Я погрузился въ обморокъ иль сонъ...

85.

Не помню какъ я, въ этомъ самомъ залѣ,
 Пришелъ въ себя—но было ужъ свѣтло;
 Лежалъ я на диванѣ; хлопотали
 Вокругъ меня родные; тяжело
 Дышалось мнѣ; безсвязныя блуждали
 Понятія врозь; меня то жаромъ жгло,
 То вздрагивалъ я, словно отъ морозу —
 Поблѣкшую рука сжимала розу...

86.

Свиданья былъ то несомнѣнный слѣдъ —
 Я вспомнилъ ночь—забилось сердце шибко,
 Украдкою взглянулъ я на портретъ:
 Вдругъ устъ какъ будто зыблилась улыбка,
 Казался смятъ слегка ея букетъ,
 Но станъ уже не шевелился гибкой,
 И, полный розъ, передникъ изъ тафты
 Держали вновь недвижные персты.

Межъ тѣмъ родные—слышу ихъ какъ нынѣ—
Вопросъ рѣшали: чѣмъ я занемогъ?
Мать думала—тò корь. На скарлатинѣ
Настаивали тѣтки. Педагогъ
Съ врачомъ упорно спорилъ по-латынѣ,
И въ толкахъ ихъ, какъ я слышать могъ,
Два выраженья часто повторялись:
Somnambulus и febris cerebrealis.

ДРАКОНЪ.

ИТАЛЬЯНСКІЙ РАЗСЪАЗЪ XII-ГО ВѢКА.

Посвящается Я. П. Полонскому.

[1875 г.]

1.

Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣздье Пса
Глядитъ враждебно съ высоты зенита,
И сводъ небесъ какъ тяжесть оперся

2.

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжетъ безъ лучей, и бѣгаютъ стада
Съ мычаніемъ, ища отъ мухъ защиты,

3.

Въ тѣ дни любилъ съ друзьями я всегда
Собора тѣнь и вѣчную прохладу,
Гдѣ въ самый зной дышалось безъ труда,

4.

И гдѣ намъ былъ, средь отдыха, отрадой
Разнообразной живописи видъ
И полусвѣтъ, не утомлявшій взгляда.

5.

Одна купель близъ входа тамъ стоитъ,
Старинная, изъ камня изсѣчена:
Крылатымъ столбъ чудовищемъ обвить.

6.

Разъ, отдыхомъ и тѣнью освѣжѣны,
Друзья купель разсматривали ту
И чудный столбъ съ изгибами дракона.

7.

Хвалили всѣ размѣровъ красоту
И мастера затѣйную работу;
Но я сказалъ:—Я вымысловъ не чту;

8.

Меня смѣшить ваятеля забота
Такую ложь передавать рѣзцомъ,—
И потрунить взяла меня охота.

9.

Тутъ нѣкій мужъ, отмѣченный рубцомъ,
Дотоль стоявшій, молча, возлѣ двери,
Ко мнѣ со строгимъ подошелъ лицомъ:

10.

— Смѣешься ты, художнику не вѣря, —
Такъ онъ сказалъ;—но еслибы, какъ я,
Подобнаго ты въ жизни встрѣтилъ звѣря,

11.

Клянусь, прошла веселость бы твоя!
Я жъ отвѣчалъ:—Тебѣ я не въ досаду
Сказалъ, что думалъ, мысли не тая;

12.

Но если впрямь такого въ жизни гада
Ты повстрѣчалъ, то (коль тебѣ не въ трудъ),
Пожалуй, намъ все расскажи по ряду!

13.

И началъ онъ:—Въ Ломбардіи зовуть
Меня Арнольфо. Я изъ Монцы родомъ,
И оружейникъ былъ до нашихъ смуть;

14.

Когда жъ совѣтъ въ союзъ вошелъ съ народомъ,
Изъ первыхъ я на Гибелиновъ всталъ,
И не однимъ горжусь на нихъ походомъ.

15.

Гиберто Канъ стягъ вольности держалъ;
То кондотьеръ былъ въ битвахъ знаменитый,
Но близъ Лугано, раненый, онъ палъ.

16.

Враги, нашъ полкъ преслѣдуя разбитый,
Промчались мимо; и съ вождемъ лишь я
Для помощи остался и защиты.

17.

— Арнольфо,—мнѣ сказалъ онъ,—смерть моя
Сейчасъ придетъ,—тебя жъ надеждой рай
Молю: спѣши въ Кьявенну; пусть друзья

18.

Ведутъ войска, минуты не теряя;
Они врасплохъ застанутъ вражью рать,—
И перстень свой въ залогъ онъ, умирая,

19.

Мнѣ передалъ. Я времени терять
Не много могъ, чтобы исполнить дѣло.
И въ помощь взять Господню благодать,

20.

А мертвое плащемъ покрывши тѣло,
Провѣдать шель, гдѣ отдохнуть враги
И много ли изъ нашихъ уцѣлѣло.

21.

Шумъ сѣчи смолкъ, и вѣроны круги
Надъ трупами уже чертили съ крикомъ —
Какъ за собой слышалъ я шаги.

22.

То Гвидо былъ. Ко мнѣ, съ безпечнымъ ликомъ
За поводъ вель онъ сильнаго коня,
Имъ взятаго въ смятеньи томъ великомъ.

23.

Ученикомъ жилъ прежде у меня
Онъ въ мастерской, и нынѣ, послѣ боя,
Меня нашель, любовь ко мнѣ храня.

24.

Когда жъ узналъ, посланіе какое
Вождемъ убитымъ мнѣ поручено,
Идти къ друзьямъ онъ вызвался со мною.

25.

Я, преданность цѣня его давно,
Тому былъ радъ, и думалъ: вмѣстѣ оба
Вѣрнѣе мы достигнемъ цѣли,—но,

26.

Когда бы зналъ, какъ близко насъ ко гробу
Онъ подведетъ отвагой молодой,
Его любви я предпочелъ бы злобу.

27.

Я былъ верхомъ; онъ слѣдовалъ пѣшой,
Не радостенъ былъ путь, и не веселье
Моей владѣло сумрачной душой.

28.

Въ странѣ кыявеннской не бывалъ досель я.
Но Гвидо былъ. И вѣдомыхъ путей
Съ нимъ избѣгая, въ тѣсное ущелье

29.

Свернули мы, гдѣ солнечныхъ лучей
Не пропускали тѣни вѣковья,
На встрѣчу жъ намъ, шумя, бѣжалъ ручей.

30.

Лишь тутъ снялъ шлемъ съ усталой головы я,
И въ отдаленьи ясно услыхалъ,
Какъ колоколъ звонилъ къ Ave Maria.

31.

И тяжело средь этихъ мрачныхъ скалъ,
И душно такъ, какъ бы въ свинцовомъ скринѣ,
Мнѣ сдѣлалось.—О, Гвидо,—я сказалъ, —

32.

Недоброе предчувствіе мнѣ нынѣ
Сжимаетъ грудь: боюсь, что съ пути
Собьемся мы тутъ, въ каменной пустынѣ!

33.

— Маэстро, — мнѣ отвѣтилъ онъ, — прости:
Сюда свернувъ, ошибся я немного,
Инымъ ущельемъ было намъ идти!

34.

И прежнюю отыскивать дорогу
Пустились мы; но, видно, взять у насъ
Разсудокъ нашъ угодно было Богу:

35.

Куда ни направлялись, каждый разъ
Ущелье мы, казалось, видимъ то же,
Ихъ различать отказывался глазъ,

36.

Такъ межъ собой они всё были схожи:
Такая жъ темь; такой же въ ней ручей
На встрѣчу намъ шумѣлъ въ гранитномъ ложѣ;

37.

И чѣмъ мы путь искали горячѣй,
Тѣмъ болѣ мы теряли направленье:
Безъ отдыха, и не сомкнувъ очей,

38.

Бродили мы всю ночь въ недоумѣнны;
Когда жъ для насъ незримая заря
На высотахъ явила отраженье,

39.

— Довольно намъ, — сказалъ я, — рыскать зря!
Взойдемъ сперва на ближнюю вершину,
Чтобъ мѣстность обзрѣть. Такъ говоря,

40.

Сошелъ съ коня я. Къ дикому ямину
Его за поводъ Гвидо привязалъ,
И брони снявъ, мы темную долину

41.

Покинули. Держась за ребра скалъ,
Мы лѣзли вверхъ, и лишь на поль-дорогѣ,
Среди уступа, сдѣлали привалъ.

42.

Отъ устали мои дрожали ноги;
Межь тѣмъ густой, поднявшися, туманъ
Долину скрылъ и горные отроги.

43.

И сталъ я думать, грустью обуянъ:
— Нѣтъ, не поспѣть мнѣ въ-время въ Кьявенну
И не повестъ друзей на вражій станъ;

44.

Въ туманѣ тутъ, мнѣ показалось, стѣну
Зубчатую увидѣлъ я. Она,
Согнутая во многія колѣна,

45.

Съ крутой скалы спускалася до дна
Ущелія, наполненнаго мглою,
И имъ была отъ насъ отдѣлена.

46.

— Другъ,—я сказалъ,—ты съ этою страной
Давно знакомъ! взглядишь и распознай:
Какой я замокъ вижу предо мною?

47.

А онъ въ отвѣтъ:—Мнѣ вѣдомъ этотъ край,
Но замка нѣтъ отсюда до Кьявенны
Ни одного. Обмануты мы, чай,

48.

Игрой тумана. Часто перемѣны
Онъ странныя являетъ между горъ,
И создаетъ то башни въ нихъ, то стѣны.

49.

Такъ онъ ко мнѣ. Но устремивъ мой взоръ
Передъ собой, я напрягалъ вниманье,
Туманъ же все рѣдѣлъ съ недавнихъ поръ,

50.

И только онъ разсѣялся—не зданье
Намъ показалъ свободный солнца свѣтъ,
Но чудное въ утесѣ изваянье:

51.

Что я стѣной считалъ, то былъ хребетъ
Чудовища, какому и примѣра,
Я полагалъ, среди живущихъ нѣтъ.

52.

И я, глазамъ едва давая вѣру,
Ко Гвидо обратился:—Долженъ быть
Сей памятникъ, столь дивнаго размѣра,

53.

Тебѣ извѣстенъ; онъ, конечно, нить
Намъ въ руки дать, чтобъ выбратъся отсюда,
Спѣши жъ по немъ нашъ путь сообразить!

54.

Но онъ въ отвѣтъ:—Клянусь, сего я чуда
 Не зналъ досель, и никогда о немъ
 Не слыхивалъ отъ здѣшняго я люда.

55.

Не христіанскимъ, думаю, рѣзцомъ
 Звѣрь вытесанъ. Мы древняго народа
 Узнаемъ трудъ, коль ближе подойдемъ.

56.

— А не могла ль,—замѣтилъ я,—природа
 Подобіе чудовища создать,
 Какъ создаетъ она иного рода

57.

Диковины?—Но только лишь сказать
 Я то успѣлъ, самъ понялъ, сколь напрасна
 Такая мысль. Не случая печать

58.

Являли члены гадины ужасной,
 Но каждая отчетливо въ ней часть
 Изваяна рукой, казалось, властной:

59.

Сомкнутая, поднявшись, щучья пасть
 Ждала какъ будто жертвы терпѣливо,
 Чтобъ на нее, отверзшиися, напасть;

60.

Глаза глядѣли тускло и сонливо:
 На вытянутой шеѣ поднята,
 Костлявая въ зубахъ торчала грива;

61.

Скращенныя вдоль длиннаго хребта,
 Лежали, въ складкахъ, кожаныя крылья;
 Подъ брюхомъ лапъ видѣлася чета.

62.

Спинныхъ чешуй казалось изобиліе
 Нескладной кучей раковинъ морскихъ
 Иль старой черепичей, мхомъ и пылью

63.

Покрытою. А хвостъ, въ углахъ кривыхъ,
 Терялся въ темной безднѣ. И когда бы
 Я долженъ былъ рѣшить: къ числу какихъ

64.

Тотъ звѣрь породъ принадлежитъ,—то я бы
 Его крылатой щукою назвалъ
 Иль помѣсью отъ ящера и жабы.

65.

И самъ себя еще я вопрошалъ:
 Къ чему могъ быть тотъ памятникъ воздвигнуть?
 Какъ вдругъ отъ страшной мысли задрожалъ:

66.

Внезапнымъ опасеніемъ постигнуть,
 — А что—сказалъ я,—если этотъ звѣрь
 Не каменный, но адомъ былъ изрыгнуть,

67.

Чтобъ за грѣхи насъ наказать? Повѣрь,
 Коль Гвельфовъ онъ, имперцамъ на потѣху,
 Присланъ терзать—онъ съ насъ начнетъ теперь!

68.

Но вѣтрено предавшись Гвидо смѣху,
— Не много же,—сказаль,—получить адъ
Отъ своего созданія успѣху!

69.

Смотри, какъ смирно ласточки сидятъ
На головѣ недвижимой, а на гривѣ
Чирикаетъ веселыхъ пташекъ рядъ —

70.

Ужели ихъ мы будемъ боязливѣй?
Смотри еще: со цвѣтомъ этихъ скалъ
Цвѣтъ илола одинъ; не схожѣй въ нивѣ

71.

Двѣ полосы! И громко продолжалъ
Смѣяться онъ, какъ вдругъ, внизу, тревожно
Нашъ конь, къ кусту привязанный, заржалъ;

72.

И видѣть намъ съ уступа было можно,
Какъ бился онъ на привязи своей,
Подковами взметая прахъ подножный.

73.

Я не сводилъ съ чудовища очей,
Но жизни въ немъ не замѣчалъ ни мало —
Когда внезапно, молніи быстрѣй,

74.

Изъ сжатыхъ усть, крутятся, явилось жало,
Подобное мечу о двухъ концахъ,
На воздухѣ мелькая, задрожало —

75.

И спряталось. Невыразимый страх
Мной овладѣлъ.—Бѣжимъ,—сказалъ я,—Гвидо,
Бѣжимъ, пока мы не въ когтяхъ!

76.

Но робости не показавъ и вида,
— Ты знаешь самъ, маэстро,—молвилъ онъ, --
Какая то для ратника обида

77.

Была бы, еслибъ, куклой устрaшенъ,
Онъ убѣждалъ. Я жъ объ закладъ побьюся,
Что на яву тебѣ приснился сонъ;

78.

Вгляни еще на идола, не труся:
Изваянный то звѣрь, а не живой,
И доказать я то тебѣ беруся!

79.

Тутъ камень взявъ, онъ сильною рукою
Съ размаха имъ пустилъ повыше уха
Въ чудовище. Раздался звукъ такой,

80.

Такъ рѣзко брякнулъ камень и такъ сухо,
Какъ еслибы о кожаный ты щитъ
Хватилъ мечомъ. Тутъ втягиваться брюхо

81.

Его какъ будто стало. Новый видъ
Глаза пріяли, тусклые дотолѣ:
Казалось, огонь зеленый въ нихъ горить.

82.

Межъ тѣмъ, сжимаясь медленно все болѣ,
 Сталь подбираться къ туловищу хвостъ,
 Тащась изъ бездны словно по неволѣ.

83.

Крутой хребеть, какъ черезъ рѣку мость,
 Такъ выгнулся, и мерзостнаго гада
 Еще страшнѣй явился страшный ростъ.

84.

И вотъ, глаза зардѣли какъ лампы, --
 Подъ тяжестью ожившею утѣсь
 Затрепеталъ, — и сдвинулась громада,

85.

И поползла... Мохъ, травы, корни лозъ,
 Все, что сростить съ корой успѣло змѣя,
 Все выдернувъ, съ собою онъ понесъ.

86.

Сырой землей запахло; мы жъ, не смѣя
 Дохнуть, лежали ницъ, покуда онъ
 Сползаль съ высотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрее;

87.

И слышался подъ нимъ такой же стонъ,
 Какъ если съ горъ, на тормазѣ желѣзномъ,
 Съѣзжалъ бы возъ, камнемъ нагруженъ.

88.

Отвѣтный гулъ по всѣмъ пронесся безднамъ.
 И не могло намъ въ мысль уже придти
 Искать спасенья въ бѣгствѣ бесполезномъ.

89.

Равно жъ какъ тормазъ, на своемъ пути,
 Все болѣ накаляется отъ тренья,
 Такъ, гдѣ драконъ лишь начиналъ ползти,

90.

Мгновенно сохли травы и коренья,
 И дымный тамъ за нимъ тащился слѣдъ,
 И сыпался гранить отъ сотрясенья.

91.

— О, Гвидо, Гвидо, сколько новыхъ бѣдъ
 Навлекъ на край невѣрьемъ ты упорнымъ! —
 Такъ я къ нему; а Гвидо мнѣ въ отвѣтъ:

92.

— Винюся я въ моемъ поступкѣ вздорномъ,
 Но вонъ, смотри: тамъ конь внизу бѣжитъ,
 За нимъ же змѣй ущельемъ вьется горнымъ

93.

Плачевный тутъ представился намъ видъ:
 Сорвавшійся съ поводьевъ, уstraшенный,
 Предсмертной пѣной бѣлою покрытъ,

94.

Нашъ конь скакалъ, спасаясь отъ дракона,
 Скакалъ во всю отчаянную прыть,
 И бились о бока его стремѣна.

95.

Но чудище, растянутое въ нить,
 Разинутою пастью норовило
 Какъ бы ловчѣй бѣгущаго схватить;

96.

И вотъ оно, нагнавъ его, схватило
 За самую за холку поперекъ,
 И со сѣдломъ и сбруей проглотило,

97.

Какъ жаба муху. Судороги ногъ
 Лишь видѣли мы въ пасти на мгновенье,
 И конь исчезъ. Едва дышать я могъ,

98.

Столь сильное на сердце впечатлѣнье
 То зрѣлище мнѣ сдѣлало. А тамъ,
 Въ ущельи, виться продолжали звенья

99.

Змѣинаго хребта, и долго намъ
 Онъ виденъ былъ, съ своею гривой странной,
 Влекущійся по камнямъ и кустамъ,

100.

Свое мѣняя мѣсто безпрестанно,
 То исчезая въ темной глубинѣ,
 То вновь являясь гдѣ-нибудь неожиданно.

101.

И Гвидо, обращая ко мнѣ,
 Сказалъ:—Когда бъ я, столько виноватый,
 Но столь въ своей раскаянный винѣ,

102.

Смѣлъ дать совѣтъ: мы, времени безъ траты,
 Должны уйти туда, на выси горъ,
 Гдѣ дружелюбно будемъ мы пріяты

103.

Отъ камнетесовъ, что съ недавнихъ поръ
 Выламываютъ мраморъ, изъ него же
 Въ Къявеннѣ новый строится соборъ;

104.

А змѣй, по мнѣ, не на вершинахъ ложе,
 Но близъ долинъ скорѣе изберетъ,
 Гдѣ можетъ жить, вседневно жертвы множа.

105.

Я юношѣ довѣрился, и вотъ
 Карабкаться мы кверху стали снова,
 И въ полдень лишь достигли до высотъ.

106.

Нигдѣ кругомъ жилища никакого
 Не видно было. Нѣсколько озёръ
 Свѣтилося, одно возлѣ другого;

107.

Ближайшее на полускатѣ горъ
 Раскинулось, предъ нами недалеко;
 Когда же внизъ отвѣсно палъ нашъ взоръ,

108.

У нашихъ ногъ, какъ въ ендовѣ глубокой,
 Узнали мы поляну, гдѣ вчера
 Нашъ жеребій войны постигъ жестокий;

109.

И поняли мы тутъ, что до утра
 Всю ночь мы вокругъ побоища плутали,
 Пока насъ тьмы морочила пара.

110.

Разбросаны, внизу еще лежали
Тѣла друзей, и кони между нихъ
Убитые. Мѣстами отблескъ стали

111.

Отсвѣчивалъ межъ злаковъ полевыхъ
И сытыя сидѣли птицы праздно
На кучахъ тѣлъ и броней боевыхъ.

112.

Вдругъ крикъ межъ нихъ поднялся несуразный.
И началось маханье черныхъ крылъ,
И перелетъ тревожный. Безобразный

113.

То змѣй отъ горъ извивы къ нимъ влачили
И къ полю ползъ, кровь издали почуя.
Тутъ жалости мнѣ передать нѣтъ силъ,

114.

Объявшей насъ, и словъ не нахожу я
Сказать, какой намъ холодъ сердце сжалъ,
Когда пришлось, безсильно негодуя,

115.

Смотрѣть, какъ онъ немилосердно жралъ
Товарищей, и съ ними, безъ разбора;
Тѣла коней издохшихъ поглощаль.

116.

Иль, вскинувъ пасть, стремительно и скоро
Хваталъ воронъ крикливыхъ на лету,
За трупы съ нимъ не прерывавшихъ спора.

117.

Картину я когда припомню ту,
 Набросить на нее хотѣлъ бы тѣнь я,
 Но въ прежнемъ все стоитъ она свѣту!

118.

Въ насъ съ ужасомъ мѣшалось омерзѣнье
 Когда надъ кровью скорчившійся змѣй,
 Жуя тѣла, кривился въ наслажденъ;

119.

И съ чавканьемъ зубастыхъ челюстей
 Въ безвѣтріи къ намъ ясно долетали
 Доспѣховъ звякъ и хрупанье костей.

120.

Между людьми на свѣтѣ есть едва-ли,
 Кто бы такое горе ощутилъ,
 Какъ въ этотъ часъ мы съ Гвидо ощущали.

121.

И долго ль звѣрь безчестье наносилъ
 Тѣламъ, иного ждавшимъ погребенья —
 Не вѣдаю. Съ утра лишенный силъ,

122.

На землю я упалъ въ изнеможенъѣ,
 И осѣнилъ меня глубокой сонъ,
 И низошло мнѣ на душу забвенъе.

123.

Когда, рукою Гвидо разбуженъ,
 Я поднялся, въ долинахъ ужь стемнѣло,
 На западѣ жъ багровый небосклонъ

124.

Пылалъ пожаромъ. Озеро горѣло
 Въ полу-горѣ, какъ въ золотомъ огнѣ,
 И обратился къ другу я несмѣло:

125.

— Въ какой, скажи, о Гвидо, мы странѣ?
 Какое съ нами горе иль обида
 Случилися? Скажи мнѣ все, зане́

126.

Въ моей душѣ звучить какъ панихида,
 Но въ памяти нѣтъ мысли ни одной! —
 И прежде чѣмъ успѣлъ отвѣтить Гвидо,

127.

Я' вспомнилъ все: съ имперцами нашъ бой,
 И смерть вождя, и бѣгство отъ дракона.
 — Гдѣ онъ?—вскричалъ я:—гдѣ нашъ недругъ злой?

128.

Намъ отъ него возможна ль оборона?
 Иль намъ бѣжать въ ущелій тѣсноту,
 И спрятаться во глубь земного лона? —

129.

Но Гвидо, палець приложя ко рту,
 — Смотри,—шепнулъ мнѣ съ видомъ опасенья,—
 Смотри сюда, на эту высоту! —

130.

И, слѣдуя руки его движенью,
 Страшилище я снова увидалъ,
 Какъ, медленно свои вращая звенья,

131.

Оно всползало, межъ померкшихъ скалъ,
На верхъ одной, отъ прочихъ отдѣлённой,
Что солнца лучъ послѣдній освѣщаль.

132.

Свой гордо зѣвъ поднявъ окровавленный,
На острый верхъ взобравшійся драконъ,
Какъ нѣкій царь съ зубчатою короной

133.

Явился тамъ. Закатомъ озарёнъ,
Какъ выкованъ изъ яркой красной мѣди,
На небѣ такъ вырѣзывался онъ.

134.

Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медвѣди,
Столь не страшны! Никто бъ не изобрѣлъ
Такую тварь, хотя бъ въ горячкѣ бреда!

135.

Когда жъ совсѣмъ исчезъ во мракѣ долъ,
А ночь вверху лишь только наступала,
Свой онъ крылья по вѣтру развѣлъ,

136.

И кожа ихъ, треща, затрепетала,
Подобно какъ въ рукахъ у нашихъ жёнъ,
Раскрывшись, трепещуть опахала.

137.

Его хребетъ казался напряжёнъ,
И, на когтяхъ все подымаясь выше,
Пуститься въ лѣтъ готовился драконъ.

138.

Межъ тѣмъ кругомъ все становилось тише
И все темнѣй. И вотъ онъ взвизгнулъ вдругъ,
Летучія какъ взвизгиваютъ мыши,

139.

И сорвался. Насъ охватилъ испугъ,
Когда, носясь у насъ надъ головами,
Онъ въ сумеркахъ чертилъ за кругомъ кругъ

140.

И воздухъ билъ угластыми крылами,
Не какъ орелъ, въ поднебесьи паря,
Но вверхъ и внизъ метаяся зубцами,

141.

Неровный лѣтъ являлъ нетопыря,
И виденъ былъ отчетисто для ока
На полосѣ, гдѣ скрылася заря.

142.

Насъ поражалъ, то близко, то далеко,
То возлѣ насъ, то гдѣ-нибудь съ высотъ,
Зловѣщій визгъ, пронзительно-жестокій.

143.

Такъ не одинъ свершалъ онъ поворотъ,
Иль крылья вдругъ поджавъ, какъ камень вѣскій,
Бросался внизъ, и возмущенныхъ водъ

144.

Средь озера намъ слышались всплески;
И онъ опять взлеталъ, и каждый разъ
Пускалъ опять свой визгъ зловѣще-рѣзкій.

145.

Проклятый звѣрь чутьемъ искалъ ли насъ,
Или леталъ по воздуху безъ цѣли —
Не знали мы; но, не смыкая глазъ,

146.

На сторожѣ всю ночь мы просидѣли,
Усталостью совсѣмъ изнурены
(Вторья сутки мы уже не ѣли!).

147.

Съ разсвѣтомъ дня спуститься съ вышины
Рѣшились мы, лишь голоду послушны;
А чудище исчезло ль изъ страны,

148.

Иль нѣтъ—къ тому мы стали равнодушны,
Завидя ужъ нищимъ и слѣпцамъ,
Что по міру собираютъ хлѣбъ насущный...

149.

И долго такъ влачилися мы тамъ,
Молясь:—Спаси, пречистая Марія!
Она же, внявъ, послала пищу намъ.

150.

Мы ягоды увидѣли лѣсныя,
Алѣвшія по берегу ручья,
Что воды мчалъ въ долину снѣговья.

151.

И рѣчь того не выразить ничья,
Какъ укрѣпилъ насъ этотъ даръ неожиданный,
А съ нимъ воды холодная струя!

152.

Сбиваяся съ дороги безпрестанно,
По солнцу нашъ отыскивая путь,
Достигли поздно цѣли мы желанной;

153.

Но что за видъ стѣснилъ тогда намъ грудь!
Въ Къявеннскія воткнуты были стѣны
Знамена Гибеллиновъ! Проклятъ будь

154.

Раздора духъ, рождающій измѣны!
Не въ приступѣ отчаянномъ взята
Врагомъ упорнымъ крѣпкая Къявенна —

155.

Безъ боя Гибеллинамъ ворота
Отверзли ихъ сторонники! Безъ боя
Италія Германцу отперта!

156.

И зрѣлище увидя мы такое,
Заплакали, и показалось намъ
Предъ нимъ ничтожно все страданье злое,

157.

Что мы доселѣ испытали.—Срамъ
И жажда мести овладѣли нами.
Такъ въ городъ мы пробралися къ друзьямъ;

158.

Но ужъ друзья теперь во страхѣ сами
Спасалися отъ мщенія враговъ,
И вольности поднять не смѣли знамя.

159.

Они родной сбирались бросить кровь,
И гдѣ-нибудь сокрыться въ подземельи,
Чтобы уйти отъ казни иль оковъ.

160.

Узнавъ отъ насъ, что горныя ущелья
Чудовищемъ ужаснымъ заняты,
Подумали они, что мы съ похмелья

161.

То говоримъ, и наши тѣсноты,
И все, что мы недавно испытали,
За выдумки сочли иль за мечты.

162.

Въ неслыханной рѣшились мы печали
Направиться обратно на Миланъ,
Но не прямой мы путь къ нему держали:

163.

Захваченныхъ врагомъ минуя странъ,
На Кюлико мы шли, на Лепьончино,
На Лекко и на Бѣргамо, гдѣ станъ

164.

Немногихъ отъ разсѣянной дружины
Оставшихся товарищей нашли
(Убито было болѣ половины,

165.

Другіе же, вблизи или вдали,
Невѣдомо скитались). Бергамаски,
Чьи консулы совѣтъ еще вели:

166.

Къ кому пристать? не оказали ласки
Разбитымъ Гвельфамъ, ихъ же въ городъ свой
Не приняли; однако безъ огласки,

167.

Отправили отъ думы городской
Имъ хлѣба и вина, изъ состраданья,
Не требуя съ нихъ платы никакой.

168.

И тяжело и радостно свиданье
Межъ нами было; а когда слезамъ,
Разспросамъ и отвѣтамъ отдалъ дань я,

169.

— Товарищи,—сказалъ я,—стыдно намъ
Врозь дѣйствовать, иль ждать, сложивши руки,
Чтобъ врагъ прошелъ по нашимъ головамъ!

170.

Ломбардіи невзгоды всѣ и муки
Лишь отъ раздоровъ нашихъ рождены
И отъ измѣны круговой порукѣ!

171.

Хоть мало насъ, поклястесь мы должны,
Что гвельфскому мы не измѣнимъ стягу
И не примкнемъ къ тѣснителямъ страны! —

172.

Такъ, прежнюю въ нихъ возбудивъ отвагу,
Я ихъ въ Миланъ съ собой и съ Гвидо звалъ,
Они жъ клялись не отставать ни шагу.

173.

Тутъ случай мнѣ ихъ испытать предсталъ:
Гдѣ черезъ Ольо вбродъ есть переправа,
На супротивномъ берегу стоялъ

174.

Маркеше Монферрато, намъ кровавый
Приемъ готова: Бога въ помощь взявъ
И вынувъ мечъ, я бросился на славу

175.

Въ средину волнъ. За мной, кто вбродъ, кто вплави
Пустились всѣ, пересѣкая воду,
И берега достигли. Но стремглавъ

176.

На насъ враги, вплоть подступя ко броду,
Ударили, и прежде, чѣмъ я могъ
На сушу стать, ихъ вождь, не давъ мнѣ ходу,

177.

Лобъ топоромъ разсѣкъ мнѣ поперѣкъ,
И навзничъ я, ударомъ опрокинуть,
Безъ памяти обратно палъ въ потокъ.

178.

Пятнадцать лѣтъ весною ровно мѣнуть,
Что свѣтъ дневной я снова увидалъ.
Но, Боже мой! доселѣ жилы стынутъ,

179.

Какъ вспомню, что, очнувшись, я узналъ
Отъ благодущныхъ иноковъ аббатства,
Меня которымъ Гвидо передалъ,

180.

Самъ раненый, когда онъ отъ злорадства
Имперцевъ жизнь мою чудесно спасъ
И самъ искалъ убѣжища у братства!

181.

Италіи насталь послѣдній часъ!
Миланъ былъ взятъ! Сдалась безъ обороны
Германцамъ Брешья; Крема имъ сдалась!

182.

Съ привѣтствіемъ къ нимъ консулы Кремоны
Пошли на встрѣчу, лишь къ ея стѣнамъ
Германскіе приблизились бароны!

183.

Павія ликовала. Горе намъ!
Не чуждыми—ломбардскими руками
Миланъ разрушенъ! Вѣчный стыдъ и срамъ!

184.

Мы поняли теперь, зачѣмъ предъ нами
Явился тотъ прожорливый драконъ,
Когда мы шли Къявеннскими горами:

185.

Ужасное былъ знаменіе онъ,
Рядъ страшныхъ бѣдъ съ нимъ предвѣщала встрѣча,
Начало долгихъ, горестныхъ времёнъ!

186.

Тотъ змѣй, что, все глотая иль увѣча,
Отъ нашей крови самъ жирѣлъ и росъ,
Былъ Кесаря свирѣпаго предтеча!

187.

Миланъ палъ въ прахъ—надъ нимъ же вознеслось
 Все низкое, что пресмыкалось въ прахѣ,
 Все доброе низвержено. Пришлось,

188.

Въ комъ честь была, тому скрываться въ страхѣ,
 Иль дни влачить въ изгнаніи, какъ я,
 Иль погибать, какъ многіе, на плахѣ.

189.

Проклятье жъ вамъ, поддѣльные друзья,
 Что языкомъ клялись служить свободѣ,
 Внутри сердецъ измѣну ей тая!

190.

Изъ вѣка въ вѣкъ васъ да клянутъ въ народѣ,
 И да звучать позоромъ вѣковымъ
 Названья ваши: Асти, Реджьо, Лоди!

191.

Вы, чрезъ кого во прахѣ мы лежимъ,
 Пяченца, Комо, Мантуа, Кремона!
 Вы, чьи уста, изъ злобы ко своимъ,

192.

Призвали въ край германскаго дракона! —
 Ломбардець такъ разсказъ окончилъ свой
 И отошелъ. Имъ сильно потрясены,

193.

Молчали мы. Межъ тѣмъ палящій зной
 Успѣлъ свалить, и, вышедъ изъ собора,
 На площади смѣшались мы съ толпой,
 Обычные тамъ ведшей разговоры.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

—
1.

Кто весломъ такъ ловко править
Черезъ аиръ и купырь?
Это тотъ Поповичъ славный,
Тотъ Алёша-богатырь.

2.

За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червлёный щить;
Супротивъ его царевна
Полонённая сидить.

3.

Подъ себя поджала ножки,
Лётникъ свой подобрала,
И считаетъ робко взмахи
Богатырскаго весла.

4.

— Ты почто меня, Алёша,
Въ лодку пёсней заманилъ?
У меня женихъ есть дома,
Ты жъ, похитчикъ, мнѣ не милъ!

5.

Но, смѣясь, Поповичъ молвить:
 — Не похитчикъ я тебѣ,
 Ты вошла своею волей,
 Покорись своей судьбѣ!

6.

Ты не первая попалась
 Въ лодку, дѣвица, мою;
 Знаменитымъ птицеловомъ
 Я слыву въ моемъ краю;

7.

Безъ силковъ и безъ приманокъ
 Я не разъ межъ камышей
 Голубыхъ очеретянокъ
 Пѣсней лавливалъ моей;

8.

Но въ плѣну, кого поймаю,
 Безъ нужды я не морю —
 Покорися же, царевна,
 Сдайся мнѣ, богатырю! —

9.

Но она къ нему:—Алѣша,
 Тѣсно въ лодкѣ намъ вдвоемъ,
 Тяжела ей будетъ ноша,
 Вмѣстѣ къ-дну мы пойдёмъ! —

10.

Онъ же къ ней:—Смотри, царевна,
 Видишь, тамъ, гдѣ тотъ откосъ,
 Какъ на солнцѣ быстро блещутъ
 Стаи лёгкія стрекозъ?

11.

На лозу когда бы сѣли,
 Не погнули бы лозы,
 Ты же въ лодкѣ не тяжелѣ
 Легкокрылой стрекозы! —

12.

И душистый гнѣтъ онъ аирь,
 И, скользя очеретомъ,
 Стебли длинные купавокъ
 Рвѣтъ сверкающимъ весломъ.

13.

Много гѣвниковъ нарядныхъ
 Въ лодку съ берега глядитъ,
 Но Поповичу царевна,
 Озираясь, говорить:

14.

— Птицеловъ ты беспощадный!
 Иль тебѣ меня не жалъ?
 Отпусти меня на волю,
 Лодку къ берегу причаль! —

15.

Онъ же, въ берегъ упираясь
 И осокою шурша,
 Повторяетъ только:—Сдайся,
 Сдайся, дѣвица-душа!

16.

Я люблю тебя, царевна,
 Я хочу тебя добыть,
 Вольной волей, иль неволей,
 Ты должна меня любить. —

17.

Онъ весло свое бросаетъ,
 Гусли звонкія берётъ —
 Дивнымъ пѣніемъ дрожащій
 Огласился очереть...

18.

Звуки льются, звуки таютъ:
 То не вѣтеръ ли во ржи?
 Не крылами ль задѣваютъ
 Мѣдный колоколь стрижи?

19.

Иль въ тѣни журчатъ дубравной
 Однозвучные ключи?
 Иль ковшей тò звонъ задравный?
 Иль мечи бьютъ о мечи?

20.

Пламя ль блещетъ? Дождь ли льется?
 Буря ль встала, пыль крутя?
 Конь ли по полю несется?
 Мать ли пѣствуетъ дитя?

21.

Или тò воспоминанье,
 Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
 Или счастья обѣщанье?
 Или смерти тò привѣтъ?

22.

Пѣсню кто уразумѣтъ?
 Кто пойметъ ея слова?
 Но отъ звуковъ сердце млѣтъ,
 И кружится голова.

23.

Ихъ услыша, присмирѣли
 Пташекъ рѣзвыя четы,
 На тростникъ стрекозы сѣли,
 Преклонилися цвѣты:

24.

Погремокъ, пестрець, и шильникъ,
 И болотная заря,
 Къ лодкѣ съ берега нагнулись
 Слушать пѣснь богатыря.

25.

Такъ съ царевной по теченью
 Онъ уносится межъ травъ,
 И она внимаетъ пѣнью,
 Руку бѣлую поднявъ.

26.

Что внезапно въ ней свершилось?
 Тоскованье улеглось?
 Сокровенное ль открылось?
 Невозможное ль сбылось?

27.

Словно давнія печали
 Разошлись какъ туманъ,
 Словно всѣ преграды пали —
 Или были лишь обманъ!

28.

Взоромъ любящимъ невольно
 Въ ликъ его она впилась,
 Ей и радостно, и больно,
 Слезы капаютъ изъ глазъ;

29.

Любить онъ, иль лицемѣрить —
Для нея то все равно;
Этимъ звукамъ сердце вѣрить
И дрожить, побѣждено.

30.

И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку
Обняла рѣчная тишь,
И куда ни обернешься —
Только небо да камышъ...

БОРИВОЙ.

ПОМОРСКОЕ СКАЗАНИЕ.

1.

Къ дѣлу церкви сердцемъ рьяный,
Папа шлетъ въ Роскильду слово
И походъ на Бодричаны
Проповѣдуетъ крестовый:

2.

— «Встаньте! Васъ тѣснятъ не въ мѣру
«Тѣ язычники лихіе,
«Подымайте стягъ за вѣру,
«Отпускаю вамъ грѣхи я!

3.

«Генрихъ-Левъ на бой великій
«Ужъ поднялся, мною званный;
«Онъ идетъ отъ Брунзовика
«Грянуть съ тылу въ Бодричаны.

4.

«Всѣ, кто въ этомъ дѣлѣ сгинетъ,
«Кто падетъ подъ знакомъ крестнымъ,
«Прежде чѣмъ ихъ кровь остынетъ,
«Будетъ въ царствіи небесномъ!»

5.

И лишь зовъ проникнулъ въ Дони,
Первый всталъ епископъ Эрикъ;
Съ нимъ монахи, вадѣвши брони,
Собираются на берегъ.

6.

Далѣ Свенъ пришелъ, сынъ Нилса,
Въ шишакѣ своемъ крылатомъ,
Съ нимъ же вмѣстѣ ополчился
Викингъ Кнутъ, сверкая златомъ;

7.

Оба царственного рода,
За престоль тягались оба,
Но для славнаго похода
Прервана межъ ними злоба;

8.

И какъ птицъ приморскихъ стая,
Много панцырнаго люду,
И грохоча, и блистая,
Къ нимъ примкнулось отовсюду.

9.

Всѣ струги, построясь рядомъ,
Покидаютъ вмѣстѣ берегъ.
И, окинувъ силу взглядомъ,
Говоритъ епископъ Эрикъ:

10.

— Съ нами Богъ! Склонилъ къ намъ папа
Преподобнаго Егорья,
Разгромимъ теперь съ нахрапа
Все славянское поморье! —

11.

Свенъ же молвить:—Въ бранномъ спорѣ
 Не боюся никого я,
 Лишь бы только въ синемъ морѣ
 Намъ не встрѣтитъ Боривоя! —

12.

Но, смѣясь, съ кормы высокой
 Молвить Кнуть:—Намъ нѣтъ препоны,
 Боривой теперь далѣко
 Бьется съ нѣмцемъ у Арконы! —

13.

И въ веселіи всѣ трое,
 Съ ними грозная дружина,
 Всѣ плывутъ, въ могучемъ строѣ,
 Къ башнямъ города Волына.

14.

Вдругъ поднявшись надъ кормою.
 Говоритъ имъ Свенъ, сынъ Нилса:
 — Мнѣ сдалось: надъ той скалою
 Словно лѣсъ зашевелился! —

15.

Кнуть, взглядѣвши, отвѣчаетъ:
 — Нѣтъ, не лѣсъ то шевелится,
 Щѣголь множество киваетъ,
 О косицу бьетъ косица! —

16.

Всталъ епископъ торопливо,
 Съ удивленіемъ во взорѣ:
 — Чтѣ мнѣ чудится за диво?
 Кони ржутъ на синемъ морѣ! —

17.

Но епископу, въ смятенѣ,
Отвѣчаетъ блѣдный инокъ:
— То не ржанье, то гудѣнье
Боривоевыхъ волынокъ! —

18.

И внезапно, гдѣ играютъ
Всплѣски бѣлые прибоя,
Изъ-за мыса выбѣгаютъ
Волнорѣзы Боривоя.

19.

Расписными парусами
Море синее покрыто,
Развилось по вѣтру знамя
Изъ божницы Свѣтовита;

20.

Блещутъ весла, блещутъ брони,
Топоры звенять стальные,
И, какъ бѣшеные кони,
Ржутъ волынки боевыя.

21.

И начальнымъ правя дубомъ,
Самъ въ чешуйчатой рубахѣ,
Боривой киваетъ чубомъ:
— Добрый день, отцы-монахи!

22.

Я вернулся изъ Арконы,
Гдѣ поля отъ крови рдѣютъ,
Но нѣмецкія знамѣна
Подъ стѣнами ужъ не вѣютъ!

23.

Въ клочья ту порвавши лопать,
Заплатили долгъ мы нѣмцамъ,
И пришли теперь отхлопать
Васъ по бритымъ по гуменцамъ! —

24.

И подъ всѣми парусами .
Онъ ударилъ имъ на встрѣчу,
Сшиблись вдругъ ладьи съ ладьями
И пошла межъ ними сѣча.

25.

То взлетая надъ волнами,
То спускаяся въ пучины,
Бокъ-о-бокъ сцѣпясь баграми,
Съ крикомъ рѣжутся дружины;

26.

Брызжутъ искры, кровь струится,
Трескъ и вопль въ бою сомкнутомъ,
До заката битва длится —
Не сдаются Свень со Кнутомъ.

27.

Но напрасны ихъ усилья:
Отъ ударовъ тяжелой стали
Позолоченныя крылья
Съ шлема Свена ужъ упали;

28.

Пронзена въ жестокомъ спорѣ
Кнута крѣпкая кольчуга,
И бросается онъ въ море
Съ опрокинутого струга.

29.

А епископъ Эрикъ, въ схваткѣ
 Надъ собой погибель чуя,
 Перепрыгнулъ безъ оглядки
 Изъ своей ладьи въ чужую.

30.

Голосить:—Не пожалѣю
 На икону ничего я,
 Лишь въ Роскильду поскорѣе
 Мнѣ бѣ уйти отъ Боривоя! —

31.

И гребцы во страхѣ тоже,
 Силу рукъ своихъ удвоя,
 Голосятъ:—Спаси насъ, Боже,
 Защити отъ Боривоя! —

32.

— Утекай, клобучье племя! —
 Боривой кричить въ догоню.
 — Вамъ вздохнуть не давши время,
 Скоро самъ я буду въ Дони!

33.

Бѣ вамъ, средь моря иль средь суши,
 Проложу себѣ дорогу,
 И заранѣ ваши души
 Обрекаю Чернобогу! —

34.

Худо Донямъ вышло, худо,
 Въ этой битвѣ знаменитой;
 Въ этотъ день морскія чуда
 Нажрались ихъ труповъ сыто,

35.

И ладей въ своемъ просторѣ
Опрокинутыхъ не мало
Почервонѣвшее море
Вверхъ полозьями качало.

36.

Генрикъ-Левъ, идущій смѣло
На Волынъ къ потѣхѣ ратной,
Услыхавъ про это дѣло,
Въ Брунзовикъ пошелъ обратно.

37.

И отъ Бодричей до Ретры,
Отъ Осны до Дубовика,
Всюду вѣсть разносятъ вѣтры
О побѣдѣ той великой;

38.

Шумомъ полнъ Волынъ веселымъ,
Вкругъ Перуновой божницы
Хороводнымъ ходятъ коломъ
Дѣвъ поморскихъ вереницы;

39.

А въ Роскильдскомъ соборѣ
Собираются монахи,
Восклицаютъ:—Горе, горе!
И молебны служатъ въ страхѣ;

40.

И епископъ съ клирной силой,
На колѣняхъ въ церкви стоя,
Молить:—Боже, насъ помилуй,
Защити отъ Боривоя!

ГАКОНЪ СЛѢПОЙ.

1.

— Въ десницѣ жива еще прежняя мочь
И крѣпки по прежнему плечи,
Но очи одѣла мнѣ вѣчная ночь —
Кто хочетъ мнѣ, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите жъ скорѣй за поводья коня,
Помчите меня
Въ кипѣніе сѣчи!

2.

И отроки съ двухъ его взяли сторонъ,
И, полный безумнаго гнѣва,
Слѣпой между ними помчался Гаконъ
И врѣзался въ сѣчу, и, ей опьянѣвъ,
Онъ рубить средь гула и рева,
И валить ряды, какъ въ лѣсу буреломъ,
Крестить топоромъ
И вправо, и влѣво.

3.

Но гуще и гуще все свалка кипить,
 Враги не жалѣютъ урона,
 Отрѣзанъ Гаконъ и отъ русскихъ отбитъ;
 И, видя то, князь Ярославъ говоритъ:
 — Нужна свояку оборона!
 Вишь, вражья его какъ осыпала рать!
     Пора выручать
     Слѣплого Гакона!

4.

И съ новой напѣръ на враговъ онъ толпой.
 Просѣкъ черезъ свалку дорогу,
 Но вотъ на него налетаетъ слѣпой,
 Топоръ свой подъявши.—Да стой же ты, стой,
 Никакъ опалѣлъ онъ, ей-Богу!
 Вѣдь былъ ты безъ насъ бы изсѣченъ и стертъ,
     Что-жь рубишь ты, чортъ,
     Свою же подмогу?

5.

Но тотъ расходился, не внемлетъ словамъ,
 Ударъ за ударомъ онъ садить,
 Молотить по русскимъ щитамъ и бронямъ,
 Дробить и сѣчь шишаки пополамъ,
 Никто съ разъяреннымъ не сладить.
 Насилу опомнился старый боець,
     Утихъ, наконецъ,
     И бороду гладить.

6.

Дружина вздохнула, враговъ разогнавъ;
 Побито, посѣчено вволю;
 Лежатъ перемѣшаны правъ и неправъ,

И смотреть съ печалію князь Ярославъ
На злую товарищей долю,
И ѣдетъ онъ шагомъ, снявъ острый шлемъ,
Съ Гакономъ вдвоемъ,
По бранному полю...

* * *

1.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что ты изволишь въ котлѣ варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

2.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупы достать?
— За-моремъ, матушка, за-моремъ,
За-моремъ, сударыня, за-моремъ!

3.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?
— Сорная, матушка, сорная!
Сорная, сударыня, сорная!

4.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?

— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

5.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

6.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ сдола?
— Сдола, матушка, сдола,
Сдола, сударыня, сдола!

7.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А кто жъ будетъ ея расхлѣбывать?
— Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки!

ЗМѢЙ ТУГАРИНЪ.

БЫЛИНА.

1.

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близъ стольнаго Кіева-града,
Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

2.

И молвить Владиміръ:—Что жъ нѣту пѣвцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!
И вотъ незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

3

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
— Ай, рожа, ай, страшная рожа!

4.

И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
 — Владычество смѣлымъ награда!
 Ты, княже, могучъ и казною богатъ,
 И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ —
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

5.

— Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ,
 Настанетъ тяжелое время,
 Обнимутъ твой Кіевъ и пламя, и дымъ,
 И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
 Держать золочёное стремя!

6.

И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
 Въ очахъ загорѣлась досада,
 Но вдругъ засмѣялся, и хохотъ кругомъ
 Въ рядахъ прокатился, какъ пд-небу громъ —
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

7.

Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
 Смѣется, потупясь, княгиня,
 Смѣются бояре, смѣются князья,
 Удалый Поповичъ, и старый Илья,
 И смѣлый Никитичъ Добрыня.

8.

Пѣвецъ продолжаетъ:—Смѣшна моя вѣсть
 И вашему уху обидна?
 Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снести!
 Безцѣнное русскимъ сокровище честь,
 Ихъ клятва: Да будетъ мнѣ стыдно!

9.

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
 Обиды смываетъ съ нихъ поле —
 Но дни, погодите, иные придуть,
 И честь, государи, замѣнить вамъ кнутъ,
 А вѣче—каганская воля!

10.

— Стой, молвить Илья, твой хоть голосъ и чистъ,
 Да пѣсня твоя непригожа!
 Былъ воръ-Соловей, какъ и ты, голосистъ,
 Да я пятерней приглушилъ его свистъ —
 Съ тобой не случилось бы то же!

11.

Пѣвецъ продолжаетъ:—И время придѣтъ:
 Уступить нашъ ханъ христіанамъ,
 И снова подыметъ русскій народъ,
 И землю единый изъ васъ соберѣтъ,
 Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.

12.

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своѣмъ,
 Подобенъ кумиру средь храма,
 И будетъ онъ спины вамъ бить батожьѣмъ,
 А вы ему стукать да стукать челомъ —
 Ой, срама, ой, горькаго срама!

13.

— Стой, молвить Поповичъ, хоть дюжій твой ростъ,
 Но слушай, поганая рожа:
 Зашла разъ корова къ отцу на погость,
 Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ —
 Тебѣ не было бы того же!

14.

Но тотъ продолжаетъ, ослабивши пасть:
 — Обычай вы нашъ переймете,
 На честь вы поруху научитесь класть,
 И вотъ, наготовавшись татарщины въ власть,
 Вы Русью ее назовёте!

15.

И съ честной поспорите вы стариной,
 И предкамъ великимъ на соромъ,
 Не слушая голоса крови родной,
 Вы скажете: станемъ къ Варягамъ спиной,
 Лицомъ повернёмся къ Обдорамъ!

16.

— Стой! молвить, поднявшись, Добрыня: не смѣй
 Пророчить такого намъ горя!
 Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей:
 Ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй,
 Приплывшій отъ Чёрнаго моря!

17.

На крыльяхъ бумажныхъ, ночью порой,
 Ты часто вокругъ Кіева-града
 Леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой
 Попотчую я каленюю стрѣлой —
 О, ладо, ой, ладушко-ладо!

18.

И началъ Добрыня натягивать лукъ,
 И вотъ, на потѣху народу,
 Струны богатырской слышавши звукъ,
 Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ
 И съ шипомъ бросается въ воду.

19.

— Тьфу, гадина! молвилъ Владиміръ, и носъ
 Зажаль отъ несноснаго смрада.
 Чего ужъ онъ въ скаредной пѣсни не несъ —
 Но благо удраль отъ Добрынюшки песь —
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

20.

А змѣй, по Днѣпру разстилаясь, плывётъ,
 И смѣхомъ преслѣдуя гада,
 По немъ улюлюкаетъ русскій народъ:
 — Чай пѣсни теперъ уже намъ не споётъ —
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

21.

Смѣется Владиміръ:—Вишь выдумаль намъ
 Какимъ угрожать онъ позоромъ!
 Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
 Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
 Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!

22.

Нѣтъ, шутишь! Живеть наша русская Русь,
 Татарской намъ Руси не надо!
 Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь:
 За честь нашей родины я не боюсь —
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

23.

А еслибъ надъ нею бѣда и стряслась,
 Потомки бѣду перемогутъ!
 Бываетъ, примолвилъ свѣтъ-солнышко князь,
 Неволя заставить пройти черезъ грязь,
 Купаться въ ней—свиньи лишь могутъ!

24.

Подайте жъ мнѣ чару большую мою,
 Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
 Добытую съ ханомъ ховарскимъ въ бою —
 За русскій обычай до дна ее пью,
 За древнее русское вѣче!

25.

За вольный, за честный славянскій народъ,
 За колоколь пью Новаграда,
 И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
 Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ —
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

26.

Я пью за Варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
 Кѣмъ русская сила подъята,
 Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ Грекъ приутихъ,
 За синее море, которое ихъ,
 Шумя, принесло отъ заката!

27.

И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
 Какъ плескъ лебединаго стада,
 Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
 Народъ отвѣчаетъ:—За князя мы пьемъ —
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

28.

— Да править по-русски онъ русскій народъ,
 А хана намъ даромъ не надо!
 И если настанетъ година невзгодъ,
 Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройде́тъ —
 Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

29.

Пируетъ Владиміръ, со свѣтлымъ лицомъ,
Въ груди богатырской отрада;
Онъ вѣритъ: побѣдно мы горе пройдемъ,
И весело слышать ему надъ Днѣпромъ:
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

30.

Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодъ, и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой ладушко-ладо!

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

1.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;

2.

Ѣдетъ боромъ, только слышно,
Какъ бряцаетъ бронь;
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.

3.

И ворчитъ Илья сердито:
Ну, Владиміръ, что-жь?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживѣшь!

4.

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Быль бы хлѣба кусъ!

5.

Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою —
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6.

Безъ меня другихъ довольно,
Сядуть—полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ.

7.

Всѣ твои богатыри-то,
Значить, молодѣжь —
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживѣшь!

8.

Тѣмъ-то я ихъ болѣ стѣю,
Что забылъ ужъ бабъ;
А какъ тресну булавою,
Такъ еще не слабъ!

9.

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.

10.

Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ;

11.

Душно въ Кіевѣ что въ скринѣ —
Только киснетъ кровь;
Государынь-пустынь
Поклонюся вновь!

12.

Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!

13.

И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять.
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;

14.

Снова вѣтъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой, и земляникой
Пахнетъ тѣмный боръ.

КАНУТЬ.

1.

Двѣ вѣсти ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатомъ поминѣ,
Шлеть свать его Магнусъ. Изъ Русской земли
Другая пришла отъ княгини.

2.

Съ пѣвцомъ своимъ Магнусъ словесную вѣсть
Безъ грамоты шлеть харатейной;
Онъ просить Канута, въ услугу и въ честь,
Пріѣхать на съѣздъ на семейный.

3.

Княгиня жъ ко грамотѣ тайной печать
Подъ многимъ привѣсила страхомъ;
И вслухъ ея строки Кануть прочитать
Велить двумъ досужимъ монахамъ.

4.

Читають монахи: «Супругъ мой и князь!
«Привидѣлось мнѣ сновидѣнье:
«Поѣхаль въ Роскильду, въ багрець нарядясь,
«На Магнуса ты приглашенье;

5.

«Багрець твой сталь кровью въ его терему;
 «Супругъ мой, молю тебя слезно,
 «Не вѣрь его дружбѣ, не ѣзди къ нему,
 «Любимый, желанный, болѣзненный!»

6.

Монахи съ испугу рѣчей не найдуть:
 — Святые угодники съ нами! —
 Взглянулъ на ихъ блѣдныя лица Кануть,
 Пожалъ, усмѣхаясь, плечами.

7.

— Я Магнуса знаю, правдивъ онъ и прямъ,
 Дружилъ съ нимъ по нынѣшній день я;
 Ужель ему вѣры теперь я не дамъ
 Княгинина ради видѣнья? —

8.

И берегомъ въ путь выѣзжаетъ морскимъ
 Кануть, безъ щита и безъ брони;
 Три отрока ѣдутъ поодаль за нимъ,
 Ихъ весело топаютъ кони.

9.

Пѣвецъ, что посланъ его пригласить,
 Съ нимъ ѣдетъ по берегу рядомъ;
 Тяжелую тайну клялся онъ хранить,
 Съ опущеннымъ ѣдетъ онъ взглядомъ.

10.

Дыханіемъ теплымъ у моря весна
 Чуть гривы коней ихъ шевелить,
 На мокрый песокъ набѣгаетъ волна
 И пѣну имъ подъ-ноги стелеть.

11.

Но вотъ догоняетъ ихъ отрокъ одинъ,
 Съ Канутомъ, снявъ шлыкъ, поровнялся:
 — Ужь намъ не вернуться ли, князь-господинъ?
 Твой конь на ходу расковался! —

12.

— Пускай расковался! смѣется Кануть,
 Мягка намъ сегодня дорога,
 Въ Роскильдѣ коня кузнецы подкуютъ,
 У свата, я чаю, ихъ много! —

13.

Къ болоту тропа, загибаясь, ведётъ;
 Надъ нимъ, куда око ни глянетъ,
 Вечерній туманъ свои нити прядётъ
 И сизыя полосы тянетъ.

14.

Отъ отроковъ вновь отдѣлился одинъ,
 Равняетъ коня съ господиномъ:
 — За этимъ туманищемъ, князь-господинъ,
 Не видно твоей головы намъ! —

15.

— Пускай вамъ не видно моей головы —
 Я, благо, живу безъ изъяна! —
 Опять меня цѣлымъ увидите вы,
 Какъ выѣдемъ мы изъ тумана!

16.

Възъзаютъ они во трепещущій боръ,
 Весь полный весенняго крика;
 Гремить соловьиный въ шиповникѣ хоръ,
 Звѣздится въ травѣ земляника.

17.

Черёмухи вѣтви душистыя гнутъ,
 Всѣ дикія яблони въ цвѣтѣ;
 Ихъ запахъ вдыхаючи, мыслить Кануть:
 — Жить любо на божіемъ свѣтѣ!

18.

Украдкой пѣвецъ на него посмотрѣлъ,
 И жалость его охватила:
 Такъ весель Кануть, такъ довѣрчивъ и смѣлъ,
 Кипить въ немъ такъ молодо сила!

19.

Ужели сегодня во гробъ ему лечь,
 Погибнуть въ подводѣ жестокомъ?
 И хочется князя ему остеречь,
 Спасти околичнымъ намѣкомъ.

20.

Былину старинную онъ затынулъ,
 Въ зеленомъ, пустынномъ просторѣ
 Съ припѣвомъ дубравный сливается гулъ:
 «Ой, море, ой, синее море!

21.

«Къ царевичу славному тѣща и тесть
 «Коварной исполнены злости,
 «Измѣной хотятъ они зятя извести,
 «Зовутъ его ласково въ гости.

22.

«Но морю, что, міръ обтекая, шумить,
 «Извѣстно о ихъ заговорѣ:
 «— Не ѣзди, царевичъ!— оно говорить —
 «Ой, море, ой, синее море!

23.

«На вѣрную смерть ты пускаешься въ путь,
 «Твой тесть погубить тебя хочетъ;
 «Тотъ мечъ, что онъ завтра вонзить тебѣ въ грудь
 «Сегодня ужъ онъ его точить!

24.

«Страшенію моря царевичъ не внялъ,
 «Не внялъ на великое горе,
 «Спускаетъ ладью онъ на пѣнистый валъ —
 «Ой, море, ой, синее море!

25.

«Плывётъ онъ на вѣрную гибель свою,
 «Бѣды надъ собою не чаеть,
 «И скорбно его расписную ладью
 «И нѣхотя море качаетъ»...

26.

Пѣвецъ, въ ожиданіи, пѣсню прервалъ,
 Украдкой глядитъ на Канута —
 Безпечно тотъ ѣдетъ себѣ вперевалъ,
 Рветъ вѣтви съ черёмухи гнутой;

27.

Значеніе пѣсни ему невдомѣкъ,
 Онъ весель, какъ былъ и съ почину;
 И видя, какъ онъ отъ догадки далѣкъ,
 Пѣвецъ продолжаетъ былинну:

28.

«Въ ладѣ не вернулся царевичъ домой;
 «Наслѣдную вотчину вскорѣ
 «Сватья раздѣлили его межъ собой —
 «Ой, море, ой, синее море!

29.

«У берега холмъ погребальный стоитъ,
 «Нигѣмъ не почтенъ, не стороженъ;
 «Въ холмѣ томъ убитый царевичъ лежитъ,
 «Въ ладью расписную положенъ;

30.

«Лежить съ погруженнымъ онъ въ сердцѣ мечомъ
 «Не въ бармахъ, не въ царскомъ уборѣ,
 «И тризну свершаетъ лишь море по немъ —
 «Ой, море, ой, синее море!»

31.

Вновь очи пѣвецъ на Канута поднялъ:
 Тотъ свѣжими клена листьями
 Гремучую сбрую коня разубралъ,
 Утыкаль очёлокъ цвѣтами;

32.

Глядитъ онъ на мошекъ толкущійся рой
 Въ лучахъ золотого захода,
 И мыслить, воздушной ихъ тѣпась игрой:
 — Намъ ясная завтра погода!

33.

Былины значенье ему невдогадъ,
 Онъ ѣдетъ съ весельемъ во взорѣ,
 И самъ напѣваетъ, товарищу въ ладъ:
 «Ой, море, ой, синее море!»

34.

Его не спасти! Ему смерть суждена,
 Влечетъ его темная сила!
 Дыханьемъ своимъ молодая весна,
 Знать, разумъ его опьянила!

35.

Пѣвецъ замолчалъ. Что свершится, о томъ
Яснѣй намекнуть онъ не смѣетъ —
Поютъ соловьи, заливаясь, кругомъ,
Шиповникъ пахучій алѣетъ.

36.

Не чуешь погибели близкой Кануть,
Онъ ѣдетъ къ бѣдѣ неминучей —
Кругомъ соловьи, заливаясь, поютъ,
Шиповникъ алѣетъ пахучій...

* * *

1.

Порой веселой мая,
По лугу вертограда,
Среди цвѣтовъ гуляя,
Самъ-другъ идутъ два Лада.

2.

Онъ—въ мурмолкѣ червленой,
Каменьемъ корзно шито,
Тесьмою золоченой
Вкрестъ гдлени обвиты.

3.

Она же—молодая,
Вся въ ткани серебристой,
Звенять на ней, сверкая,
Граненныя мониста,

4.

Блестить вѣнецъ наборный,
А хвостъ ея понявы,
Шурша фатой узорной,
Мететь за нею травы.

5.

Ей весело, невѣстѣ.

— О, милый! молвить другу:

Не лѣпо ли намъ вмѣстѣ

Въ цвѣтахъ идти по лугу?

6.

И взоръ ея онъ встрѣтилъ,

И станъ ей обнялъ гибкой,

— О, милая! отвѣтилъ

Со страстною улыбкой:

7.

Здѣсь рай съ тобою сущій!

Во-истину все лѣпо!

Но этотъ садъ цвѣтущій

Засѣять скоро рѣпой!

8.

— Какъ быть такой невзгодѣ!

Воскликнула невѣста:

Ужели въ огородѣ

Для рѣпы нѣту мѣста?

9.

А онъ:—Моя ты Лада!

Есть мѣсто рѣпѣ, точно,

Но садъ испортить надо

Затѣмъ, что онъ цвѣточный!

10.

Она жъ къ нему:—Что-жъ будетъ

Съ кустами медвѣжины,

Гдѣ каждымъ утромъ будить

Насъ рокоть соловьиный?

11.

— Кусты тѣ вырвать надо
 Со всѣми ихъ корнями.
 Индеекъ здѣсь, о, Лада,
 Хотятъ кормить червями!

12.

Поднявъ свои рѣсницы,
 Спросила тутъ невѣста:
 — Ужель для этой птицы
 Въ курятникѣ нѣтъ мѣста?

13.

— Какъ мѣсту-то не быти!
 Но соловьевъ, о, Лада,
 Скорѣе истребити
 За бесполезность надо!

14.

— А роцца, гдѣ въ тѣни мы
 Скрываемся отъ жара,
 Ея, надѣюсь, мимо
 Пройдетъ такая кара?

15.

— Ее порубятъ, Лада,
 На зданіе такое,
 Гдѣ бь жирныя говяда
 Кормились на жаркое;

16.

Иль даже выйдетъ проще,
 О, жизнь моя, о, Лада,
 И будетъ въ этой роцѣ
 Свиной пастися стадо!

17.

— О, другъ ты мой единый!
Спросила тутъ невѣста:
Ужель для той скотины
Иного нѣту мѣста?

18.

— Есть много мѣста, Лада,
Но нашъ пріютъ тѣнистый
Затѣмъ изгадить надо,
Что въ немъ свѣжо и чисто.

19.

— Но кто же люди эти,
Воскликнула невѣста,
Хотящіе, какъ дѣти,
Чужое гадить мѣсто?

20.

— Чужимъ они, о, Лада,
Не многое считаютъ;
Когда чего имъ надо,
То тащатъ и хватаютъ.

21.

— Иль то матерьялисты,
Невѣста вновь спросила,
У коихъ трубочисты
Суть выше Рафаила?

22.

— Имъ имена суть многи,
Мой ангелъ серебрястый,
Они жъ и демагоги,
Они жъ и анархисты.

23.

Толпы ихъ всё грызутся,
Лишь свой откроютъ форумъ,
И порознь всё клянутся
    In verba вожакорумъ.

24.

Въ одномъ согласны всё лишь:
Коль у другихъ имѣнье
Отымешь да раздѣлишь,
    Начнется вожделѣнье.

25.

Весь міръ желаютъ сгладить
И тѣмъ ввести равенство,
Что все хотятъ загадить
Для общаго блаженства.

26.

— Повѣдай, шутокъ кромѣ,
Спросила тутъ невѣста:
Имъ въ сумасшедшемъ домѣ
    Ужели нѣту мѣста?

27.

— О, свѣтъ ты мой желанный,
Душа моя ты, Лада,
Ужъ очень имъ пространнѣй
    Построить домъ бы надо!

28.

Вопросъ: какимъ манеромъ
Такой имъ домъ построить?
Дозволить инженерамъ —
    Премного будетъ стоять;

29.

А земству предоставить
 На ихъ же иждивеньи —
 То значило бѣ оставить
 Постройку безъ движенья!

30.

— О, другъ, что-жь дѣлать надо,
 Чтобъ не погибнуть краю?
 — Такое средство, Лада,
 Мнѣ кажется, я знаю:

31.

Чтобъ русская держава
 Спаслась отъ ихъ затѣи,
 Повѣсить Станислава
 Всѣмъ вожакамъ на шеи!

32.

Тогда пойдетъ все гладко
 И станеть все на мѣсто.
 — Но это средство гадко!
 Воскликнула невѣста.

33.

— Ничуть не гадко, Лада,
 Напротивъ, превосходно:
 Народу безъ наклада,
 Казнѣ жъ весьма доходно.

34.

— Но это средство скверно!
 Сказала дѣва въ гнѣвѣ.
 — Но это средство вѣрно!
 Женихъ отвѣтилъ дѣвѣ.

35.

— Какъ ты безнравственъ, право!
 Въ сердцахъ сказала дѣва:
 Ступай себѣ направо,
 А я пойду налѣво!

36.

И оба, вдѣвши длани,
 Разстались разсержены,
 Она въ сребристой ткани,
 Онъ въ мурмолкѣ червленной.

37.

— Къ чему жъ твоя баллада?
 Иная спросить дѣва.
 — О, жизнь моя, о, Лада,
 Ей-ей, не для пригѣва!

38.

Нѣтъ, полнъ иного чувства,
 Я вѣрю реалистамъ:
 Искусство для искусства
 Равняю съ птичьимъ свистомъ;

39.

Я, новому ученью
 Отдавшись безъ раздѣла,
 Хочу, чтобъ въ пѣснопѣньи
 Всегда сквозило дѣло.

40.

Служите жъ дѣлу, струны!
 Уймите праздный ропоть!
 Россійская коммуна,
 Прійми мой первый опытъ!

ПОТОКЪ-БОГАТЫРЬ.

1.

Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй,
Отъ веселыхъ пировъ и обѣдовъ,
И отъ русскихъ отъ косъ, и отъ черныхъ кудрей,
И отъ тѣхъ ли отъ ласковыхъ дѣдовъ,
Что съ потѣхой охотно мѣшали дѣла,
Отъ ихъ времени пѣсня теперь повела,
Отъ того ль старорусскаго краю,
А чѣмъ кончится пѣсня—не знаю.

2.

У Владиміра-Солнышка праздникъ идѣтъ,
Пированье идетъ, ликованье,
Съ молодицами гридни ведутъ хороводъ,
Гуслей звонъ и кимваловъ бряцанье;
Молодицы что свѣтлыя звѣзды горятъ,
И подъ топотъ подошвъ, и подъ пѣсенный ладъ,
Изгибаясь, ходятъ красиво,
Молодцы выступаютъ на диво.

3.

Но Потокъ-богатырь всѣхъ другихъ превзошелъ:
Взглянетъ—искрами словно обмечеть;
Повернется направо—что сизый орелъ,
Повернется налѣво—что кречеть:

Подвигается мѣрно и взадъ, и впередъ:
 То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
 То вдругъ станеть, трягнувши кудрями,
 Пожимаетъ на мѣстѣ плечами.

4.

И дивится Владиміръ на стройную статью,
 И дивится на свѣтлое око:
 — Никому, говорить, на Руси не плясать
 Супротивъ молодого Потока!
 Но ужъ поздно—встаетъ со княгинею князь,
 На-три стороны въ поясъ гостямъ поклонясь,
 Всѣмъ желаетъ довольнымъ остаться —
 Это значить: пора разставаться.

5.

И съ поклонами гости уходятъ домой,
 И Владиміръ княгиню уводитъ,
 Лишь одинъ остается Потокъ молодой,
 Подбочася, по прежнему ходить:
 То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
 Не замѣтилъ онъ, какъ отошелъ хороводъ,
 Не слыхалъ онъ Владиміра ласку,
 Продолжаетъ по-прежнему пляску.

6.

Вотъ ужъ мѣсяцъ изъ-за-лѣсу кажетъ рога,
 И туманомъ подернулись балки,
 Вотъ и въ ступѣ поѣхала баба-яга,
 И въ Днѣпрѣ заплескались русалки;
 Въ Заднѣпровьи послышался лѣшаго вой,
 По конюшнямъ дозоромъ пошелъ домовой,
 На трубѣ вѣдьма пѣлогомъ машеть.
 А Потокъ себѣ пляшетъ да пляшетъ.

7.

Сквозь царьградскія окна въ хоромную сѣнь
 Смотрятъ свѣтлыя звѣзды, дивяся,
 Какъ по бѣлымъ стѣнамъ богатырская тѣнь
 Ходить взадъ и впередъ, подбочася.
 Передъ самой зарей утомился Потокъ,
 Подъ собой уже рѣввыхъ не чувствуетъ ногъ,
 На мостницы какъ снопь упадаетъ,
 На полтысячи лѣтъ засыпаетъ.

8.

Много сновъ ему снится въ полтысячи лѣтъ:
 Видитъ славныя схватки и сѣчи,
 Красныхъ дѣвицъ внимаетъ радушный привѣтъ
 И съ боярами судить на вѣчѣ;
 Или видитъ Владиміра вѣжливый дворъ,
 За ковшами веселый ведетъ разговоръ,
 Иль на ловлѣ со княземъ гуторить,
 Иль въ совѣтѣ настойчиво спорить.

9.

Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ,
 Предъ собой видитъ теремъ дубовый,
 Подъ узорнымъ окномъ, въ закутномъ цвѣтникѣ,
 Распускается розанъ махровый.
 Полюбился Потокъ красивый цвѣтокъ,
 И понюхать его норовится Потокъ,
 Какъ въ окнѣ показалась царевна,
 На Потока накинулась гнѣвно:

10.

— Шеромыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
 Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
 Поросёнокъ, телёнокъ, свинья, ээіопъ,
 Чортовъ сынъ, неумытое рыло!

Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
 Что иного словца мнѣ сказать не велить,
 Я тебя, прощелыгу, нахала,
 И не такъ бы еще обругала!

11.

Испугался Потокъ, не на шутку струхнулъ:
 — Поскорѣй унести бы мнѣ ноги!
 Вдругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ,
 Гонить палками встрѣчныхъ съ дороги;
 Ъдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
 А кругомъ съ топорами идутъ палачи,
 Его милость собираются тѣшить:
 Тамъ кого-то рубить или вѣшать.

12.

И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
 — Что за ханъ на Руси своевольтъ?
 Но вдругъ слышитъ слова:—Тѣ земной ѣдетъ богъ
 Тѣ отецъ нашъ казнить насъ извольтъ!
 И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
 Воеводы, бояре, монахи, попы,
 Мужики, старики и старухи —
 Всѣ предъ нимъ повалились на брюхи.

13.

Удивляется притчѣ Потокъ молодой:
 — Если князь онъ, иль царь напоследокъ,
 Что жъ метутъ они землю предъ нимъ бородой?
 Мы честили князей, но не этакъ!
 Да и полно, ужъ вправду ли я на Руси?
 Отъ земного насъ бога Господь упаси!
 Намъ Писаніемъ велѣно строго
 Признавать лишь небеснаго Бога!

14.

И пытается у встрѣчнаго онъ молодца:
 — Гдѣ здѣсь, дядя, собирается вѣче?
 Но на томъ отъ испугу не видно лица:
 — Чуръ меня, говоритъ, человѣче!
 И пустился бѣжать отъ Потока бѣгомъ,
 У того жъ голова заходила кругомъ,
 Онъ на землю какъ снопъ упадаетъ,
 Лѣтъ на триста еще засыпааетъ.

15.

Пробудился Потокъ на другой на рѣкѣ,
 На какой—не припомнить преданье;
 Погулявъ себѣ взадъ и впередъ въ холодкѣ,
 Входитъ онъ во просторное зданье;
 Видить: судьи сидятъ, и торжественно тутъ
 Надъ преступникомъ гласный свершается судъ:
 Несомнѣнны и тяжки улики,
 Преступленья жъ довольно велики:

16.

Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
 Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
 Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ —
 Ожидаютъ присяжныхъ рѣшенья.
 И присяжные входятъ съ довольнымъ лицомъ:
 — Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ!
 Тутъ платками имъ слѣва и справа
 Машутъ барыни съ криками: браво!

17.

И промолвилъ Потокъ:—Со присяжными судъ
 Былъ обыченъ и нашему міру;
 Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
 Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!

А сосѣди, косясь на него, говорятъ:
 — Вишь какой затесался сюда ретроградъ!
 Отсталой онъ, то видно по платью,
 Притѣснять хочеть мѣньшую братью!

18.

Но Потокъ изъ ихъ словъ ничего не пойметъ
 И въ другое онъ зданіе входитъ;
 Тамъ какой-то аптекаръ, не то патріотъ,
 Предъ толпою ученье проводитъ:
 Что, молъ, нѣту души, а одна только плотъ,
 И что если и впрямь существуетъ Господъ,
 То онъ только есть видъ кислорода,
 Вся же суть въ безначальи народа.

19.

И увидя Потока, къ нему свысока
 Патріотъ обратился сурово:
 — Говори, уважаешь ли ты мужика?
 Но Потокъ вопрошаетъ:—Какого?
 — Мужика вообще, что смиреньемъ великъ!
 Но Потокъ говоритъ:—Есть мужикъ и мужикъ;
 Если онъ не прощеть урожаю,
 Я тогда мужика уважаю.

20.

— Феодаль! закричалъ на него патріотъ:
 Знай, что только въ народѣ спасенье!
 Но Потокъ говоритъ:—Я вѣдь тоже народъ,
 Такъ за что жъ для меня исключенье?
 Но къ нему патріотъ:—Ты народъ, да не тотъ!
 Править Русью призванъ только черный народъ;
 То по старой системѣ всякъ равенъ,
 А по нашей—лишь онъ полноправенъ!

21.

Тутъ всѣ подняли крикъ, словно дернулъ ихъ бѣсъ,
 Угрожаютъ Потокъ бѣдою;
 Слышно: *почва, гуманность, коммуна, прогрессъ,*
 И что *кто-то заиденъ средою.*
 Межъ собой вперерывъ, на подобье галчать,
 Всѣ объ общемъ какомъ-то о дѣлѣ кричать,
 И Потока съ язвительнымъ тономъ
 Называютъ остзейскимъ барономъ.

22.

И подумалъ Потокъ:—Ужъ, Господь борони,
 Не проснулся ли слишкомъ я рано?
 Вѣдь вчера еще, лежа на брюхѣ, они
 Обожали московскаго хана;
 А сегодня велятъ мужика обожать.
 Мнѣ сдается: такая потребность лежать
 То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ
 На вчерашнемъ основана духѣ.

23.

Въ третій входитъ онъ домъ—и объялъ его страхъ:
 Видитъ, въ длинной палатѣ вонючей,
 Всѣ острижены вкругъ, въ сюртукахъ и въ очкахъ,
 Собралися красавицы кучей.
 Про какія-то женскія споря права,
 Совершаютъ онѣ, засуча рукава,
 Пресловутое общее дѣло:
 Потрошать чье-то мертвое тѣло.

24.

Ужаснулся Потокъ, отъ красавицъ бѣжить,
 А онѣ восклицаютъ ехидно:
 — Ахъ, какой онъ *пошлякъ!* ахъ, какъ онъ *неразвитъ!*
Современности вовсе не видно!

Но Потокъ говорить, очутясь на дворѣ:
 — То жь бывало у насъ и на Лысой Горѣ,
 Только вѣдьмы, хоть голы и босы,
 Но по крайности есть у нихъ косы!

25.

И чтò видѣть и слышать ему довелось:
 И тотъ судъ, и о Богѣ ученье,
 И въ сѣяньи мужикъ, и дѣвицы безъ косъ —
 Все приводитъ его къ заключенью:
 — Много разныхъ бываетъ на свѣтѣ чудесъ;
 Я не знаю, чтò значить какой-то прогрессъ,
 Но до здраваго русскаго вѣча
 Вамъ еще, государи, далече!

26.

И такъ сдѣлалось гадко и тошно ему,
 Что онъ на земь какъ снопъ упадаетъ,
 И подъ слово «прогрессъ», какъ въ чаду и дыму,
 Лѣтъ на двѣсти еще засыпаетъ.
 Пробужденья его мы теперь подождемъ,
 Чтò, проснувшись, увидить, о томъ и споемъ,
 А покудова онъ не проспится,
 Наудачу намъ пѣть не годится.

27.

Но я слышу вопросъ: Для чего жь онъ плясалъ
 Да еще среди темной палаты?
 И къ чему вообще тутъ Владиміра балъ?
 Призываемся—кругомъ виноваты!
 Но вѣдь еслибъ Потоку сперва не плясать,
 То наврядъ ему такъ захотѣлось бы спать,
 А морали когда еще надо,
 То мораль: не плясать до упада.

28.

Впрочемъ, если внимательно все разберемъ.
 Доля правды есть въ новомъ ученьи;
 Напримѣръ, слово «почва» мнѣ нравится въ немъ,
 Я отъ «почвы» совсѣмъ въ восхищеньи.
 Нѣтъ сомнѣнья, что поретъ аптекарей рой
 Вообще чепуху—но бываютъ порой
 И въ навозѣ жемчужныя зѣрна:
 «Почва» жъ гадить намъ—это безспорно.

29.

Не довольно, во-первыхъ, она горяча;
 Во-вторыхъ, не довольно кремниста;
 Поискать бы другой, чтобъ уже горе съ плеча!..
 — Стой! я слышу: нечисто, нечисто!
 Изъ былиннаго тона ты выпалъ давно! —
 Ну, воротимся къ тону, для насъ все равно,
 Понутру намъ полетъ соколиный —
 Ахъ, ты гой-еси, наша былина!

30.

Ахъ, ты гой-еси Кіевъ, родимый нашъ градъ,
 Что лежитъ на пути ко Царьграду!
 Зачинали мы пѣсню на старый на ладъ,
 Такъ ужъ кончимъ по старому ладу!
 Ахъ, ты гой-еси, Кіевъ родимый нашъ градъ!
 Во тебѣ ли Потокъ пробудиться не радъ!
 Али, почвы ужъ новыя ради,
 Пробудиться ему во Царьградѣ

ПѢСНЯ

О ГАРАЛЬДѢ И ЯРОСЛАВНѢ.

1.

Гаральдъ въ боевое садится сѣдло,
Покинулъ онъ Кіевъ державный,
Вдыхаетъ дорогою онъ тяжело:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

2.

Надеждъ навсегда миновала пора,
Твой слышалъ, княжна, приговоръ я,
Узнають же вѣсь моего топора
Отъ края до края поморья!

3.

И Русь оставляетъ Гаральдъ за собой,
Плыветъ онъ размыкивать горе
Туда, гдѣ арабы съ норманнами бой
Ведутъ на землѣ и на морѣ.

4.

Въ Мессинѣ онъ имъ показалъ свой напоръ,
Онъ рубить ихъ въ битвѣ неравной
И громко взываетъ, подъемля топоръ:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

5.

Даётъ себя знать онъ и грекамъ въ бою,
И Генуи выходцамъ вольнымъ,
Онъ на морѣ бѣтса, ладья о ладью,
Но мысль его въ Кіевѣ стольномъ.

6.

Летаетъ онъ по морю сизымъ орломъ,
Онъ чайкою въ буряхъ пируетъ.
Трепчатъ корабли подъ его топоромъ —
По Кіеву сердце тоскуетъ.

7.

Веселая то для дружины пора,
Гаральдовой славѣ нѣтъ равной —
Но въ мысли—спокойныя воды Днѣпра,
Но въ сердцѣ—княжна Ярославна.

8.

Нѣтъ, видно, ему не забыть ужъ о ней,
Не вымучить счастья иного —
И круто онъ бѣгъ повернулъ кораблей,
И къ сѣверу гонить ихъ снова.

9.

Онъ на берегъ вышелъ, онъ сѣлъ на коня
Онъ въ зелени ѣдетъ дубравной —
— Полюбишь ли, дѣвица, нынѣ меня
Звѣзда ты моя, Ярославна?

10.

И въ Кіевъ онъ стольный вѣзжаетъ, крестясь
Тамъ, гостя радушно встрѣчая,
Выходитъ изъ терема ласковый князь,
А съ нимъ и княжна молодая.

11.

— Здорово, Гаральдъ! Расскажи, изъ какой
 На Русь воротился ты дали?
 Замѣшкался долго въ землѣ ты чужой,
 Давно мы тебя не видали!

12.

— Я, княже, уѣхалъ, любви не стяжавъ,
 Уѣхалъ безвѣстный и бѣдный,
 Но нынѣ къ тебѣ, государь Ярославъ,
 Вернулся я въ славѣ побѣдной!

13.

Я городъ Мессину въ разоръ разорилъ,
 Разграбилъ поморье Царьграда,
 Ладьи жемчугомъ по края нагрузилъ,
 А тканей—и мѣрить не надо!

14.

Ко древнимъ Аеинамъ, какъ воронъ, молва
 Неслась предъ ладьями моими,
 На мраморной лапѣ пирейскаго льва
 Мечомъ я насѣкъ мое имя!

15.

Прибрежья, гдѣ черный мой стягъ прошумѣлъ,
 Сицилія, Понтъ и Элада,
 Во вѣкъ не забудутъ Гаральдовыхъ дѣлъ,
 Набѣговъ Гаральда Гардрада!

16.

Какъ вихорь обмель я крайны морей,
 Нигдѣ моей славѣ нѣтъ равной —
 Согласна ли нынѣ назваться моей,
 Звѣзда ты моя, Ярославна?

17.

Въ Норвегіи праздникъ веселый идетъ:
 Весною, при плескѣ народа,
 Въ ту пору, какъ алый шиповникъ цвѣтетъ,
 Вернулся Гаральдъ изъ похода.

18.

Цвѣтами его корабли обвиты,
 Отъ сѣчь отдыхаютъ варяги,
 Червлёные берегъ покрыли щиты
 И съ черными вранами стяги.

19.

Въ ладьяхъ отовсюду къ шатрамъ парчевымъ
 Причалили вѣщіе скальды,
 И славятъ на арфахъ, одинъ за другимъ,
 Возвратъ удалого Гаральда.

20.

А самъ онъ, у моря, съ веселымъ лицомъ,
 Въ хламидѣ и въ свѣтлой коронѣ,
 Норвежскимъ избранный отъ всѣхъ королемъ,
 Сидитъ на возвышенномъ тронѣ.

21.

Отборныхъ и гридней, и отроковъ рой
 Властителю служить уставно;
 Въ царьградскомъ нарядѣ, въ коронѣ златой,
 Съ нимъ рядомъ сидитъ Ярославна.

22.

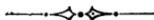
И къ ней обращаясь, Гаральдъ говоритъ,
 Съ любовью въ сіяющемъ взорѣ:
 — Все, что предъ тобою цвѣтетъ и блеститъ,
 И берегъ, и синее море,

23.

Цвѣтами убранные тѣ корабли,
И грозныя замковъ твердыни,
И людныя веси Норвежской земли,
И все, чѣмъ владѣю я нынѣ,

24.

И слава, добытая въ долгой борьбѣ,
И самый вѣнецъ мой державный,
И все, чѣмъ я бранной обязанъ судьбѣ —
Все то я добылъ лишь на вѣно тебѣ,
Звѣзда ты моя, Ярославна!

ПѢСНЯ

О ПОХОДѢ ВЛАДИМИРА НА КОРСУНЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

— Добро! сказалъ князь, когда выслушалъ онъ
Улики царьградскаго мниха,
Тобою, отецъ, я теперь убѣжденъ;
Виновенъ, что мужемъ былъ столькихъ я жёнъ,
Что жилъ и безпутно, и лихо,

2.

Что богомъ мнѣ былъ то Перунъ, то Велесъ,
Что силою взялъ я Рогнѣду;
Досель надо мною, зная, тѣшился бѣсъ,
Но мракъ ты разсѣялъ--и я въ Херсонесъ
Креститься, въ раскаянны, ѣду.

3.

Царьградскій философъ и мнихъ тому радъ,
Что хочетъ Владиміръ креститься:
— Смотри жъ, говорить, для небесныхъ наградъ
Чтобъ въ райскій, по смерти, войти вертоградъ,
Ты долженъ душою смириться.

4.

— Смирюсь, говорить ему князь, я готовъ —
 Но только смирюсь безъ урону!
 Спустить въ Черторой десять сотенъ струговъ;
 Коль выкупъ добуду съ корсунскихъ купцовъ,
 Я города пальцемъ не трону!

5.

Готовы струги, паруса подняты,
 Плывутъ къ Херсонесу варяги;
 Поморье, гдѣ южные рдѣютъ цвѣты,
 Червлѣные вскорѣ покрыли щиты
 И съ русскими вранами стяги.

6.

И князь повѣщаетъ корсунцамъ:—Я здѣсь!
 Сдавайтесь, прошу васъ смиренно,
 Не то, не взыщите, собью вашу спѣсь
 И городъ по камнямъ размыкаю весь —
 Креститься хочу непремѣнно!

7.

Увидѣли греки въ заливѣ суда,
 У стѣнъ ужъ дружина толпится,
 Пошли толковать и туда, и сюда:
 — Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда:
 Пріѣхалъ Владиміръ креститься!

8.

И преній-то съ нами не станеть держать,
 Въ риторикѣ онъ ни бельмеса;
 А просто обложить насъ русская рать
 И будетъ, пожалуй, три года стоять
 Да грабить края Херсонеса!

9.

И въ мудрости тотчасъ рѣшаетъ сенатъ,
 Чтобъ русскимъ отверзлись ворота;
 Владиміръ приему радушному радъ,
 Вступаетъ съ дружиной въ испуганный градъ
 И молвить сенату:—Ну, то-то!

10.

И плеть въ Византію пословъ ко двору:
 — «Цари Константинъ да Василиій!
 «Смиренно я сватаю вашу сестру,
 «Не то васъ обоихъ дружиной припру,
 «Такъ вступимъ въ родство безъ насилій!»

11.

И вотъ, императоры держать совѣтъ,
 Толкуютъ въ палатѣ престольной;
 Имъ плохо пришлось, имъ выбора нѣтъ,
 Владиміру шлютъ поскорѣ отвѣтъ:
 — «Мы очень тобою довольны;

12.

«Крестися и къ намъ пріѣзжай въ добрый часъ,
 «Тебя повѣнчаемъ мы съ Анной!»
 Но онъ къ императорамъ:—«Вотъ тебѣ разъ!
 «Вы шутите, что-ли? Такая отъ васъ
 «Мнѣ исповѣдь кажется странна;

13.

«Къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ стать?
 «Чего не видалъ я въ Царьградѣ?
 «Царевну намѣренъ я здѣсь ожидать,
 «Не то приведу я вамъ цѣлую рать,
 «Коль видѣть меня вы такъ рады!»

14.

Что дѣлать съ Владиміромъ? Вынь да положи!
 Креститься хочу да жениться!
 Не лѣзть же царямъ, въ самомъ дѣлѣ, на ножъ!
 Пожали плечами и молвятъ:—Ну, что-жъ!
 Приходится ѣхать, сестрица!

15.

Корабль для нея снаряжаютъ скорѣй,
 Узорныя ладья вѣтрила,
 Со причтомъ на палубѣ ждетъ архирей,
 Сверкаетъ на солнцѣ парча стихарей,
 Звенятъ и дыматся кадила.

16.

Въ печали великой по сходнѣ крутой
 Царевна взошла молодая,
 Прислужницы дѣву накрыли фатой,
 И волны загѣнилъ корабль золотой,
 Босфора лазурь разсѣкая.

17.

Увидѣлъ Владиміръ вдали паруса,
 И хмурыя брови раздвинулъ;
 Почуялась сердцу невѣсты краса,
 Онъ гребнемъ свои расчесалъ волоса,
 И корзно княжое накиннулъ.

18.

На пристань онъ сходить царевну встрѣчать,
 И ликъ его свѣтелъ и веселъ.
 За нимъ вся корсунская слѣдуетъ знать,
 И руку спѣшитъ онъ царевнѣ подать,
 И въ поясъ покловъ ей отвѣсилъ.

19.

И шествуютъ рядомъ другъ съ другомъ они,
 Въ одеждахъ блестящихъ и длинныхъ;
 Каменья оплечій горятъ какъ огни,
 Идутъ подъ навѣсомъ шелковымъ, въ тѣни,
 Къ собору, вдоль улицъ старинныхъ.

20.

И молвить тамъ, голову князь преклоня:
 — Клянуся я въ вашемъ синклитѣ
 Дружить Византіи отъ этого дня,
 Крестите жъ, отцы-іереи, меня,
 Да, чуръ, по уставу крестите!

21.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
 Свершился обрядъ обвѣнчанья,
 Идетъ со княгиней Владиміръ назадъ,
 Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ,
 Кругомъ ихъ толпы ликованье.

22.

Сидятъ за честнѣмъ они рядомъ столомъ,
 И вотъ, когда звонъ отзвонили,
 Владиміръ взялъ чашу съ хіосскимъ виномъ:
 — Хочу, чтобъ меня поминали добромъ
 Шурыя Константинъ да Василій!

23.

— То правда ль, слышалъ, замкнули Босфоръ
 Дружины какого-то Токи?
 — Во истину правда!—отвѣтствуетъ дворъ.
 — Но кто жъ этотъ Тока?—Мятежникъ и воръ
 — Отдѣлать его на всѣ боки!

24.

Отдѣлали русскіе Току какъ разъ;
Цари Константинъ и Василій
По цѣлой имперіи пишутъ приказъ:
«Владиміръ-де насъ отъ погибели спасъ,
«Его чтобъ всѣ люди честили!»

25.

И князь говорить:—Я построю вамъ храмъ
На память, что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунъ возвращаю я вамъ,
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ
Зане я душою смирился!

26.

Застольный гремитъ, заливаясь, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселиемъ блещетъ Владиміра взоръ,
И строить готовится новый соборъ
Крещеная съ княземъ дружина.

27.

Привозится яшма водой и гужомъ,
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро Господень возносится домъ,
И ярко на полѣ горять золотомъ
Иконы муссійскаго дѣла.

28.

И взапуски князя синклить и сенать,
И сколько тамъ грековъ ни сталося,
Всю зиму пирами чествятъ да чествятъ,
Но молвить Владиміръ:—Пора мнѣ назадъ,
По Кіевѣ мнѣ востосковалось!

29.

— Вы, отроки-друзи, спускайте ладьи,
 Трубите дружинѣ къ отбою,
 Кленовыя весла берите свои;
 Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи
 И въ рощахъ запахло весною!

30.

Весна, мнѣ невѣдомыхъ полная сила,
 И въ сердцѣ моемъ зеленѣеть;
 Чтò нудю я и насильемъ добылъ,
 Чѣмъ самъ овладѣть я оружіемъ мнилъ,
 То мною всеильно владѣть!

31.

Спускайте жъ ладьи, бо и ночью, и днемъ,
 Я гласу немолчному внемлю:
 Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ.
 Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
 Торжественно въ Русскую землю!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

По лону Днѣпровскихъ сіяющихъ водъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ, и цвѣтеть, и поеть,
Владиміръ съ дружиной обратно плыветь
Ко стольному Кіеву-граду.

2.

Все звонкое птаство летаетъ кругомъ,
Ликующи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ.

3.

Забыла княгиня и слезы, и страхъ;
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣтъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая,

4.

Какъ роци на встрѣчу несутся ладьямъ,
Какъ берегъ проносится мимо,
И, ликъ наклоня къ зеркальнымъ водамъ,
Глядитъ, какъ ея отражается тамъ
Изъ камней цвѣтныхъ діадима.

5.

Великое слово корсунцамъ храня,
Князь нѣ взялъ съ нихъ денегъ повинныхъ,
Но городъ поднесъ ему, въ честь того дня,
Изъ бронзы коринтской четыре коня
И статуй немало старинныхъ.

6.

И кони, и бѣлыя статуи тутъ,
Надъ поѣздомъ выся громаду,
Стоймя на ладьяхъ, неподвижны, плывутъ,
И волны Днѣпра ихъ, дивуясь, несутъ
Ко стольному Кіеву-граду.

7.

Плыветъ и священства, и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владиміра рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ Днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.

8.

Когда жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ зачинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.

9.

Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалькѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.

10.

Владиміръ съ княжого сѣдалища всталъ,
 Прервалось весельщиковъ пѣнье,
 И мигъ тишины и молчанья насталь,
 И князю, въ сознаниі новыхъ началъ,
 Открылося новое зрѣнье:

11.

Какъ сонъ, вся минувшая жизнь пронеслась,
 Почуялась правда Господня;
 И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
 И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
 Свой городъ увидѣлъ сегодня.

12.

Народъ издалѣка ихъ поѣздъ узнавъ,
 Столпился на берегъ, и много,
 Скитавшихся робко безъ крова и правъ,
 Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ,
 И славять Спасителя Бога.

13.

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
 — Вамъ, други, доселѣ со мною
 Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
 Но время настало,—и мы съ этихъ поръ
 Сильны еще силой иною!

14.

Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
 То ясно вы нынѣ познайте:
 Дни правды дороже воинственныхъ дней!
 Гребите же, други, гребите сильнѣй,
 На весла дружнѣй налегайте!

15.

Вешигѣла подѣ половомъ, пѣнясь, вода,
Отхлынувъ, о берегъ забила,
Стянулася быстро ладей череда,
Переднія въ пристань вбѣжали суда,
И съ шумомъ упали вѣтрила.

16.

И на-берегъ вышелъ, душой возрождёнъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ —
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

РУГЕВИТЬ.

1.

Надъ древними подъемяся дубами,
Онъ островъ нашъ отъ недруговъ стерегъ;
Въ войну и миръ равно честимый нами,
Онъ зорко вокругъ глядѣлъ семью главами,
Нашъ Ругевить, непобѣдимый богъ.

2.

Курился дымъ ему отъ благовоній,
Его алтарь былъ зеленюю обвить,
И много разъ, на кучахъ вражьихъ броней,
У ногъ своихъ закланныхъ видѣлъ Доней
Нашъ грозный богъ, нашъ славный Ругевить.

3.

Въ годину бурь, крушенья избѣгая,
Шли корабли подъ сѣнь его меча;
Онъ для своихъ защита былъ святая,
И ласточекъ довѣрчивая стая
Въ его брадахъ гнѣздилась, щебеча.

4.

И мнили мы: жрецы твердятъ не даромъ,
 Что если врагъ попреть его порогъ,
 Онъ оживетъ, и вспыхнетъ взоръ пожаромъ,
 И семь мечей подыметъ въ гнѣвѣ яромъ
 Нашъ Ругевить, нашъ оскорбленный богъ.

5.

Такъ мнили мы; но роковая сила
 Ужъ обрекла насъ участи иной.
 Мы помнимъ день: заря едва всходила,
 Нежданныя къ намъ близились вѣтрила,
 Могуцій врагъ на Ругу шель войной.

6.

То русскаго шель правнукъ Мономаха,
 Владиміръ шель въ главѣ своихъ дружинъ,
 На Ругичанъ онъ первый шель безъ страха,
 Король Владиміръ, правнукъ Мономаха,
 Варяговъ князь и Доней властелинъ.

7.

Мы помнимъ бой, гдѣ мы не устояли,
 Гдѣ Яроміръ Владиміромъ разбить;
 Мы помнимъ день, гдѣ наши боги пали,
 И затрепцалъ подь звономъ вражьей стали,
 И рухнулся на землю Ругевить.

8.

Четырнадцать воловъ, привычныхъ къ плугу,
 Дубовый вѣсъ стащить едва могли;
 Рога склонивъ, дымяся отъ натугу,
 Подь свистъ бичей, они его по лугу
 При громкихъ крикахъ Доней волокли.

9.

И на него взошедъ, съ крестомъ въ десницѣ,
 Держась за свой, вонзенный въ бога мечъ,
 Епископъ Свенъ, какъ вождь на колесницѣ,
 Такъ отъ воротъ разрушенной божницы
 До волнъ морскихъ себя заставилъ влечь.

10.

И къ берегу, рыдая, всѣ бѣжали,
 Мужи и старцы, женщины съ дѣтьми;
 Былъ вой кругомъ. Въ неслыханной печали:
 «Встань, Ругевить!» мы вслѣдъ ему кричали:
 «Воспрянь, нашъ богъ, и Донею разгрома!»

11.

Но онъ не всталъ. Гдѣ, объ утесъ громадный
 Дробясь, кипить и пѣнится прибой,
 Онъ съ крутизны низвергнуть безпощадно;
 Всплеснувъ, валы его схватили жадно
 И увесли, крутя передъ собой.

12.

Такъ поплылъ прочь отъ нашего онъ края
 И отомстить врагамъ своимъ не могъ.
 Дивились мы, другъ друга вопрошая:
 «Гдѣ жъ мощь его? Гдѣ власть его святая?
 «Нашъ Ругевить ужели былъ не богъ?»

13.

И пробудясь отъ перваго испугу,
 Мы не нашли былой къ нему любви,
 И разошлись въ раздуміи по лугу,
 Сказавъ: «Плыви, въ бѣдѣ не спасшій Ругу,
 Дубовый богъ! Плыви себѣ, плыви!»

САДКО.

1.

Сидить у царя водяного Садкó
И съ думою смотритъ печальной,
Какъ моря пучина надъ нимъ высоко
Синѣеть сквозь теремъ хрустальный;

2.

Тамъ ходять, какъ тѣни, надъ нимъ корабли,
Товарищи тамъ его ищуть,
Тамъ берегъ остался цвѣтущей земли,
Тамъ птицы порхаютъ и свищуть;

3.

А здѣсь на него любопытно глядить
Бѣлуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бѣжить
Снетковъ серебристая стая.

4.

Куда онъ ни взглянетъ—все синяя гладь,
Все воду лишь видитъ да воду,
И пѣсни усталъ онъ на гусляхъ играть
Царю водяному въ угоду.

5.

А царь, улыбаясь, ему говорить:
 — Садко, мое милое чадо,
 Повѣдай, зачѣмъ такъ печалень твой видѣ?
 Скажи мнѣ, чего тебѣ надо?

6.

Кутья ли съ шафраномъ моя не вкусна?
 Блины съ инбиремъ не жирны ли?
 Аль въ чемъ непривѣтна царица-жена?
 Аль дочери чѣмъ досадили?

7.

Смотри, какъ алмазы здѣсь ярко горять!
 Какъ много здѣсь яхонтовъ алыхъ!
 Сокровищъ ты столько нашель бы наврядъ
 Въ хвалёныхъ софійскихъ подвалахъ!

8.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
 Морское пресвѣтлое чудо!
 Я много доволенъ твоею женой
 И мнѣ отъ царевенъ не худо;

9.

Вкусны и кутья, и блины съ инбиремъ,
 Одно, государь, мнѣ обидно:
 Куда ни посмотришь, все мокро кругомъ,
 Сухого мѣстечка не видно.

10.

Чтò пользы мнѣ въ томъ, что сокровищъ полны
 Подводныя эти хоромы!
 Увидѣть бы мнѣ хотя бь зеленъ сосны,
 Прилечь хоть на ворохъ соломы!

11.

Богатствомъ своимъ ты меня не держи;
Всѣ роскоши эти и нѣги
Я бѣ отдалъ за крикъ перепелки во ржи,
За скрипъ новгородской телѣги!

12.

Давно такъ не видно мнѣ божьяго дня,
Мнѣ запаху здѣсь—только тина;
Хоть дегтемъ повѣяло бѣ разъ на меня,
Хоть дымомъ курного овина!

13.

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на землѣ расцвѣтаетъ,
И самъ ужъ не знаю, что станеть со мной:
За сердце вотъ такъ и хватаетъ!

14.

Теперь у насъ пляски въ лѣсу молодомъ,
Забыты и стужа, и слякоть —
Когда я подумаю только о томъ,
Отъ грусти мнѣ хочется плакать!

15.

Теперь, чай, и птица, и всякая звѣрь,
У насъ на землѣ веселится;
Сквозь листь прошлогоднѣй пробившись теперь,
Синѣетъ въ лѣсу медуница!

16.

Во свѣжемъ, въ зеленомъ, въ лѣсу молодомъ
Березой душистою пахнетъ —
И сердце во мнѣ, лишь помыслию о томъ,
Съ тоски изнываетъ и чахнетъ!

17.

— Садкѣ, мое чадо, городишь ты вздоръ,
 Земля нестерпима отъ зною;
 Я въ этомъ сошлюся на цѣлый мой дворъ —
 Всегда онъ согласенъ со мною.

18.

Мой теремъ есть моря великаго путь,
 Твой жеребій, стало быть, свѣтелъ;
 А ты непонятливъ, несвѣдущъ и глупъ,
 Я это давно ужъ замѣтилъ.

19.

Ты въ думѣ пригоденъ моей засѣдать,
 Твою возвеличу я долю,
 И санъ водяного совѣтника дать
 Тебѣ непременно изволю!

20.

— Ты, гой-еси, царь-государъ водяной,
 Премного тебѣ я обязанъ,
 Но почести я недостойнъ морской,
 Ужъ очень къ землѣ я привязанъ.

21.

Бывало, не все тамъ норвилось мнѣ,
 Не по-сердцу было иное;
 Съ тѣхъ поръ же, какъ я очутился на днѣ,
 Мнѣ все стало мило земное;

22.

Припомнился пѣсь мнѣ, и грязенъ, и хилъ,
 Въ репьяхъ и въ сору извалялся;
 На пиръ я въ ту пору, на званый, спѣшилъ,
 А онъ мнѣ подъ ноги попался;

23.

Брюзгливо взглянувъ, я его отогналъ,
 Ногой оттолкнулъ его гордо —
 Вотъ этого пса я бѣ теперь цѣловалъ
 И въ темя, и въ очи, и въ морду;

24.

— Садкѣ, мое чадо, на кую ты стать
 О псѣ вспоминаешь сегодня?
 Зачѣмъ тебѣ грязнаго пса цѣловать?
 На то мои дочки пригоднѣй.

25.

Во истину, чѣмъ бы ты имъ не женихъ?
 Я вижу, хоть въ усъ и не дую,
 Пошла за тебя бы любая изъ нихъ —
 Бери жъ себѣ въ жѣны любую!

26.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
 Морское пресвѣтлое чудо!
 Боюся, отъ брака съ такою женой
 Не вышло бѣ душѣ моей худо!

27.

Не спору, онѣ у тебя хороши,
 И цвѣтъ ихъ очей изумрудный;
 Но только колючи онѣ какъ ерши,
 Намъ было бѣ сожителство трудно.

28.

Я тѣмъ не порочу твоихъ дочерей,
 Но я бы не тѣ, что люблюю,
 А всѣхъ ихъ сейчасъ промѣнялъ бы, ей-ей,
 На первую дѣвку рябую!

29.

— Садкó, мое чадо, ужъ очень ты грубъ,
 Не нравится рѣчь мнѣ такая;
 Когда бы твою не цѣнилъ я игру бѣ,
 Ногой тебѣ далъ бы пинка я.

30.

Но печени какъ-то сегодня свѣжо,
 Веселье въ утробѣ я чую;
 О свадьбѣ твоей потолкуемъ ужо,
 Теперь же сыграй плясовую!

31.

Ударилъ Садкó по струнамъ трепака,
 Самъ къ чорту плеть царскую ласку,
 А царь, ухмыляясь, упёрся въ бока,
 Готовится, дрыгая, въ пляску.

32.

Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ усомъ,
 Щетинистой бровью киваетъ;
 Но вотъ запыхтѣлъ и надулся какъ сомъ,
 Все болѣ его разбираетъ.

33.

Похаживать началъ, плечьми шевели,
 Подпрыгивать мимо царицы,
 Да вдругъ какъ пойдетъ выводить вензеля,
 Такъ всё затряслись половицы.

34.

— Ну, мыслить Садкó, я тебя заморю!
 Съ досады быстрѣй онъ играетъ,
 Но какъ ни частить, водяному царю
 Все болѣе силъ прибываетъ.

35.

Пустился на-выверть пятами мѣсить,
Закидывать ногу за ногу —
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣть индо страшно, ей-Богу!

36.

Бояре въ испугѣ ползуть окарачь,
Царица присѣла ажъ на-поль,
Пищать-инь царевны, а царь себѣ вскачь
Знай чешеть ногами обѣ-поль.

37.

То, выпята грудь, на придворныхъ онъ преть,
То, скорчившись, пятится бокомъ,
Ломаеть колѣнца и взадъ, и впередъ,
Валяетъ загрѣбомъ и скокомъ.

38.

И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все круче —
Темнѣе становится все въ терему,
Надъ моремъ собираются тучи...

39.

Но шибче играетъ Садкò, осерча,
Сжавъ зубы и брови нахмуря,
Онъ злится, онъ дергаетъ струны сплеча —
Вверху подымается буря...

40.

Вотъ дальними грянулъ раскатами громъ,
Сверкнуло въ пучинномъ просторѣ,
И огненнымъ свѣтомъ зардѣла кругомъ
Глубокая прѣ-зелень моря.

41.

Вотъ крики слышались тамъ высоко:
 То гибнуть пловцы съ кораблями...
 Отчаяннѣй бьетъ пятернями Садко,
 Царь бѣшенѣй мѣситъ ногами!

42.

Въ присядку понесъ его чортъ ходуномъ,
 Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ,
 Гремить плясовая, колеблется домъ,
 И море реветъ и бушуетъ...

43.

И вотъ пузыри отъ подстѣвня пошли,
 Садко уже видитъ сквозь стѣны:
 Разбитые къ-дну летятъ корабли,
 Крутятся средь ила и пѣны;

44.

Онъ видитъ: морякъ не одинъ потонулъ,
 Въ немъ сердце исполнилось жали,
 Онъ сильною хваткой за струны рвануль —
 И, лопнувъ, онѣ завизжали.

45.

Споткнувшись на мѣстѣ, сталъ царь водяной,
 Ногою подъятой болтая:
 — Никакъ подшутилъ ты, Садко, надо мной?
 Противна мнѣ шутка такая!

46.

Не въ пору, невѣжа, ты струны порвалъ,
 Какъ разъ когда я расплясался!
 Такого колѣна никто не видалъ,
 Какое я дать собирался!

47.

Зачѣмъ здоровѣе ты струнѣ не припасѣ?
 Какъ буду теперѣ безъ музыки?
 Аль ты, неумытый, плясать въ сухоплясѣ
 Велишь мнѣ, царю и владыкѣ?

48.

И плѣсомъ чешуйнымъ въ потылицу царѣ
 Хватилъ его, ярости полный,
 И вотъ завертѣлся Садкó какъ кубарѣ,
 И вверхъ понесли его волны...

49.

Сидитъ въ Новѣградѣ Садкó невредимъ,
 Съ нимъ вящѣ всѣ уличане;
 На скатерти бранной шипитъ передъ нимъ
 Вино въ венецѣйскомъ стаканѣ.

50.

Степенный посадникъ и тысяцкѣй тутъ,
 И старыхъ посадниковъ двое,
 И съ ними кончанскіе старосты пьютъ
 Здоровье Садкѣ круговое.

51.

— Повѣдай, Садкó, уходилъ ты куда?
 На чудскую Емь, аль на Балты?
 Гдѣ бросилъ свои расшивныя суда?
 И бѣзъ вѣсти гдѣ пропадалъ ты?

52.

Поетъ и на гусяхъ играетъ Садкó,
 Поетъ про царя водяного:
 Какъ было тамъ жить у него нелегко,
 И какъ ужъ онъ пляшетъ здорово;

58.

Поеть про походъ, безъ утайки, про свой,
Какая чему была чѣредь —
Качають въ сомнѣнїи всѣ головой,
Не могутъ разсказу повѣрить.

СВАТОВСТВО.

1.

По вешнему по складу
Мы пѣсню завели,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

2.

Повѣдай, пѣсня наша,
На весь на русскій край,
Что мѣсяцевъ всѣхъ краше
Веселый мѣсяць май!

3.

Въ лѣсахъ, въ поляхъ отрада,
Всѣ вербы распцвѣли,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

4.

Затѣмъ такъ бодръ и весель
Владимірь, старый князь,
На подлокотни кресель
Сидить облокотясь.

5.

И съ нимъ, блестя нарядомъ,
Въ красѣ сѣдыхъ кудрей,
Сидитъ княгиня рядомъ
За пряжей за своей.

6.

Кружась, жужжить и пляшетъ
Ея веретено,
Черемухою пашетъ
Въ открытое окно.

7.

И тутъ же молодыя,
Потупившія взглядъ,
Двѣ дочери княжія
За пальцами сидятъ.

8.

Сидятъ онѣ такъ тихо,
И взоры въ ткань ушли,
Въ груди жъ поется лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

9.

И вовсе имъ не шьется,
Хоть иглы изломай!
Такъ сильно сердце бьется
Въ веселый мѣсяцъ май!!

10.

Когда жъ беретъ изъ мочки
Княгиня волокно,
Украдкой обѣ дочки
Косятся на окно.

11.

Но вотъ, забывъ о пражѣ,
Княгиня молвить вдругъ:
— Смотри, два гостя, княже,
Подѣхали самъ-другъ;

12.

Съ коней спрыгнули смѣло
У самаго крыльца —
Узнать я не успѣла
Ни платья, ни лица.

13.

А князь смѣется:—Знаю!
Пусть входятъ молодцы:
Не дальняго, чай, краю
Залетные птенцы!

14.

И вотъ, ихъ входитъ двое,
Въ лохмотьяхъ и тряпьяхъ,
Съ пеньковой бородою,
Въ пеньковыхъ волосахъ.

15.

Вошедши, на икону
Крестятся въ красный кутъ,
А послѣ по поклону
Хозяевамъ кладуть.

16.

Князь просить ихъ садиться,
Онъ хитрость ихъ проникъ,
Заранѣ веселится
Обману ихъ старикъ.

17.

Но онъ обычай знаетъ,
И рѣчь заводитъ самъ:
— Отколѣ, вопрошаетъ,
Пожаловали къ намъ?

18.

— Мы, княже-господине?
Мы съ моря рыбаки;
Сейчасъ завязли въ тинѣ
Среди Днѣпра-рѣки;

19.

Двухъ рыбокъ златопѣрыхъ
Хотѣли мы поймать,
Да спрятались въ кокорахъ,
Пришлось подождать.

20.

Но князь на это:—Братья,
Не правда, ей-же-ей!
Не мокры ваши платья,
И съ вами нѣтъ сѣтей!

21.

Днѣпра жъ свѣтлы стремнины,
Чиста его вода,
Не видано въ немъ тины
Отъ вѣку никогда!

22.

На это гости:—Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажемъ глаже:
Мы брынскіе стрѣлки!

23.

Стрѣляемъ звѣрь да птицы
По дебрямъ по лѣснымъ,
А нонѣ двѣ куницы
Пушистыя слѣдимъ;

24.

Трущобой шли да дромомъ,
Досель удачи нѣтъ,
Но насъ къ твоимъ хоромамъ,
Двойной приводитъ слѣдъ!

25.

А князь на это:—Что вы!
Трущобой вы не шли,
Лохмотья ваши новы
И даже не въ пыли!

26.

Куницъ же бьютъ зимою,
А нонѣ мѣсяцъ май,
За звѣрю за иною
Пришли ко мнѣ вы, чай!

27.

— Ну, княже, молвятъ гости.
Тебя не обмануть!
Такъ скажемъ ужъ по-прости,
Кто мы такіе суть:

28.

Мы бѣдные калики,
Мы старцы-гусяры,
Но пѣть не горемыки,
Гдѣ только есть пиры;

29.

Мы скрозь отъ Новаграда
Сюда съ припѣвомъ шли:
— Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

30.

И если бы двѣ свадьбы
Затѣялъ ты сыграть,
Мы стали распѣвать бы
Да струны разбирать!

31.

— Вотъ это, князь отвѣтилъ,
Другой выходитъ стихъ:
Но гуслей не замѣтилъ
При васъ я никакихъ!

32.

А что съ припѣвомъ шли вы
Сквозь цѣлый русскій край,
Оно теперъ не диво,
Въ веселый мѣсяцъ май!

33.

Теперъ въ вѣтвяхъ березы
Поютъ и соловьи,
Въ лугахъ поютъ стрекозы,
Въ поляхъ поютъ ручьи,

34.

И много, въ небѣ рѣя,
Поетъ пернатыхъ стай —
Всѣхъ мѣсяцевъ звончѣе
Веселый мѣсяцъ май!

35.

Но строй гусярный, други,
Наврядъ ли вамъ знакомъ:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечомъ!

36.

Въ мѣшкѣ не спрятать пила!
Васъ выдалъ рѣчи звукъ:
Пленковичъ ты, Чурило,
А ты Степанычъ, Дюкъ!

37.

Тутъ съ нихъ лохмотья спали,
И, свѣтлы какъ заря,
Два славные предстали
Предъ нимъ богатыря;

38.

Ихъ бороды упали,
Смѣются ихъ уста —
Подобная едва ли
Встрѣчалась красота!

39.

Ихъ кровь, отъ силъ избытка,
Играетъ горячо,
Корсунская накидка
Надѣта на плечо,

40.

Коты изъ аксамита
Съ каменіемъ цвѣтнымъ,
А бѣрца вкрестъ обвиты
Оборомъ золотнымъ;

41.

Орлинымъ мечуть окомъ
Не взоры, но лучи;
На поясѣ широкомъ
Крыжатые мечи.

42.

Съ притворнымъ со смущеньемъ
Глядятъ на нихъ княжны,
Какъ будто превращеньемъ
И впрямь удивлены;

43.

И взоры тотчасъ тихо
Склонили до земли,
А сердце скачетъ лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

44.

Княгиня жъ молвить:—Знала
Я это напередъ,
Не даромъ куковала
Кукушка у ворота,

45.

И снилось мнѣ съ полночи,
Что, голову поднявъ
И въ лѣсъ уставя очи,
Нашъ лаётъ волкодавъ!

46.

Но, видъ принявъ суровый,
Пришельцамъ молвить князь:
— Отвѣтствуйте, почтò вы
Вернулись не спросясь?

47.

Указанъ былъ отселѣ
Вамъ путь на девять лѣтъ —
Какимъ же дѣломъ смѣли
Забуть вы мой запретъ?

48.

— Не будь, о, княже, гнѣвнень,
Твой дворъ чтобъ видѣть вновь,
Армянскихъ двухъ царевнень
Отвергли мы любовь;

49.

Зане твоихъ издавна
Мы любимъ дочерей —
Отдай же ихъ, державный,
За насъ, богатырей!

50.

Но видъ храня суровый,
А самъ въ душѣ смѣясь,
— Мнѣ эта вѣсть не нова,
Отвѣтилъ старый князь;

51.

Отъ русской я державы
Велѣлъ вамъ быть вдали,
А вы ко мнѣ лукаво
На промыселъ пришли!

52.

Но рыбъ чтобъ вы не смѣли
Ловить въ моемъ Днѣпру,
Всѣ глуби я и мели
Оцѣпами запру!

53.

Чтобъ впредь вы не дерзали
Слѣдить моихъ куницъ,
Ограду я изъ стали
Поставлю кругъ границъ!

54.

Ни неведомъ вамъ болѣ,
Ни сѣтью не ловить —
Но будетъ въ вашей волѣ
Добромъ ихъ приманить:

55.

Коль быть хотятъ за вами,
Никто имъ не мѣшай!
Пускай рѣшаютъ сами
Въ веселый мѣсяцъ май!

56.

Услыша слово это,
Съ Чурилой славный Дюкъ
Отъ дочекъ ждутъ отвѣта,
Сердцеъ ихъ слышенъ стукъ...

57.

Что дочки имъ сказали,
Кто можетъ, отгадай —
Мы словъ ихъ не слышали
Въ веселый мѣсяцъ май.

58

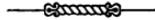
Мы словъ ихъ не слышали,
Намъ свистъ мѣшаль дроздовъ,
Намъ иволги мѣшали
И рокоть соловьевъ;

59.

И звонко такъ въ болотѣ
Кричали журавли,
Что мы, при всей охотѣ,
Разслышать не могли!

60.

Такая намъ досада!
Разслышать не могли
Ой, ладо, диди-ладо!
Ой, ладо, лель-люли!

СЛѢПОЙ.

1.

Князь выѣхалъ рано, средь гридней своихъ,
Въ сырѣ-борѣ полеванья извѣдать;
Гонялъ онъ и вепрей, и туровъ гнѣдыхъ,
Но время dospѣло, звонъ рога утихъ,
Пора отдыхать и обѣдать.

2.

Въ логу они свѣжемъ, подъ дубомъ, сидятъ
И брашна примаются рушать;
И князь говоритъ:—Мнѣ отраднo звучать
Ковши и братины, но пѣсню бы радъ
Я въ зелени этой послушать.

3.

И отрокъ озвался:—За рѣчкою тамъ
Убогій мнѣ пѣсенникъ вѣдомъ;
Онъ слѣпъ, но гораздъ ударять по струнамъ.
И князь говоритъ:—Отыщи его намъ,
Пусть тѣшитъ онъ насъ за обѣдомъ.

4.

Ловцы отдохнули, братины допивъ,
 Сидѣть имъ безъ дѣла не любо,
 Поѣхали далѣ, про пѣсню забывъ,
 Гуслляръ, между тѣмъ, на княжой на призывъ
 Бредеть ко знакомому дубу.

5.

Онъ шукаетъ посохомъ корни деревъ,
 Плетется одинъ чрезъ дубраву,
 Но въ сердцѣ звучитъ вдохновенный напѣвъ,
 И думъ благодатныхъ ужъ зрѣеть посѣвъ,
 Слагается пѣсня на славу.

6.

Пришелъ онъ на мѣсто: лишь дятель стучить,
 Лишь въ листьяхъ стрекочетъ сорока;
 Но въ сторону ту, гдѣ, не видя, онъ мнить,
 Что съ гриднями князь въ ожиданьи сидитъ,
 Старикъ поклонился глубоко.

7.

— Хвала тебѣ, княже, за ласку твою,
 Бояре и гридни, хвала вамъ!
 Начать пѣснопѣнье готовъ я стою —
 О чемъ же я, старый и бѣдный, спою
 Предъ сонмищемъ симъ величавымъ?

8.

Что въ вѣщемъ сказалося сердцѣ моемъ,
 То выразить рѣчью возьмусь ли?
 Пождалъ—и, не слыша ни слова кругомъ,
 Садится на кочку, поросшую мхомъ,
 Персты возлагаетъ на гусли.

9.

И струнъ переливы въ лѣсу потекли,
 И пѣсня въ глуши зазвучала...
 Всѣ міра явленья, вблизи и вдали:
 И синее море, и роскошь земли,
 И цвѣтныхъ каменій начала,

10.

Что въ нѣдрахъ подземія блескъ свой таятъ,
 И чудища въ морѣ глубокомъ,
 И въ тѣмномъ бору заколдованный кладъ,
 И витязей бой, и сверканіе латъ —
 Все видитъ духовнымъ онъ окомъ.

11.

И подвиги славить минувшихъ онъ дней,
 И все, что достойно, вѣнчаетъ:
 И доблесть народовъ, и правду князей —
 И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
 На малыхъ людей призываетъ.

12.

Привѣтъ полоненному плеть онъ рабу,
 Укоръ градоимцамъ суровымъ,
 Насилье жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
 Къ позорному онъ пригвождаетъ столбу
 Грозящимъ, пророческимъ словомъ.

13.

Обильно растетъ его мысли зерно,
 Какъ въ полѣ ячмень золотистый;
 Проснулось, что въ сердцѣ дремало давно,
 Что было отъ лѣтъ и отъ скорбей темно,
 Воскресло, прекрасно и чисто.

14.

И ликъ озарёнъ его тѣмъ же огнемъ,
 Какъ въ годы борьбы и надежды,
 Явилася власть на челѣ поднятомъ,
 И кажутся царской хламидой на немъ
 Лохмотья раздранной одежды.

15.

Не пѣлось ему еще такъ никогда,
 Въ такомъ распцвѣтаньи богатомъ
 Еще не сплеталася думъ череда —
 Но вотъ ужъ вечерняя въ небѣ звѣзда
 Зажглася надъ алымъ закатомъ.

16.

Къ исходу торжественный клонится ладъ,
 И къ небу незрящіе взоры
 Воззвалъ онъ и, духомъ могучимъ объять,
 Онъ пѣснь завершилъ — подъ перстами звучать
 Послѣдніе струнъ переборы.

17.

Но мертвою онъ тишиной окружонъ;
 Безмолвье пустыннаго лога
 Порой прерываетъ лишь горлицы стонъ,
 Да слышны сквозь гуслей смолкающій звонъ
 Призывы далекаго рога.

18.

На диво ему, что собранье молчить,
 Поникъ головою онъ думной,
 И вотъ закачались вѣтви ракить,
 И тихо дубрава ему говорить:
 — Ты, гой-еси, дѣдъ неразумный!

19.

Сидишь одинокъ ты, обманутый дѣдъ,
На мѣстѣ ты пѣль опустѣломъ;
Допиты братины, оклченъ обѣдъ,
Подъ дубомъ души человѣческой нѣтъ,
Развѣхались гости за дѣломъ.

20.

Они средь моей, средь зеленой красы
Порскаютъ, свой ловъ продолжая;
Ты слышишь, какъ, въ слѣдъ утыкая носы,
По звѣрю вдали заливаются псы,
Какъ трубить охота княжая!

21.

Ко сбору ты, старый, придти опоздалъ,
Ждать некогда было боярамъ;
Ты пѣсней награду себѣ не стяжалъ,
Ничьихъ за нее не услышишь похвалъ,
Трудился, убогій, ты даромъ!

22.

— Ты, гой-еси, гой ты, дубравушка-мать,
Сдается, ты правду сказала!
Я пѣль одинокъ, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было бѣ грѣшно и не стать,
Наградъ мое сердце не ждало.

23.

Во истину, еслибъ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни бѣ не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
Чтѣ душу мою охватило!

24.

Пусть по-слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
 Пусть ловлею князь доволенъ!
 Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
 А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
 Зане онъ надъ нею не воленъ.

25.

Она какъ рѣка въ половодье сильна,
 Какъ рѣсная ночь благотворна,
 Тепла какъ душистая въ маѣ весна,
 Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
 Какъ лютая смерть необорна.

26.

Охваченный ею не можетъ молчать,
 Онъ рабъ ему чуждаго духа,
 Возгласъ ему въ грудь вдохновенья печать,
 Неволей иль волей—онъ долженъ вѣщать
 Что слышитъ подвластное ухо.

27.

Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
 Потокомъ онъ въ степи стремится,
 И бьетъ, и кипитъ его, пѣнясь, вода,
 Придутъ ли къ нему пастухи и стада
 Струями его освѣжиться!

28.

Я мнилъ: эти гусли для князя звучать,
 Но пѣсня, по мѣрѣ какъ пѣлась,
 Невидимо свой расширяла охватъ,
 И вольный лился безъ различія ладъ
 Для всѣхъ, кому слушать хотѣлось.

29.

И кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому!
Землѣ-государынѣ слава!
Ручью, что ко слову журчалъ моему,
Вамъ, звѣздамъ, мерцавшимъ сквозь синюю тьму,
Тебѣ, мать-сырая-дубрава!

30.

И тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ:
Дай Богъ полевать имъ не даромъ!
Дай князю безъ горя прожить много лѣтъ,
Простому народу безъ нужды и бѣдъ,
Безъ скорби великимъ боярамъ!

ТРИ ПОБОИЩА.

1.

Ярились подъ Кіевомъ волны Днѣпра,
За тучами тучи летѣли,
Гроза бушевала всю ночь до утра,
Княгиня вскочила съ постели.

2.

Вскочила княгиня въ испугѣ отъ сна,
Волось не заплетши, улылась,
Пришла къ Ивяславу, отъ страха блѣдна:
— Мнѣ, княже, недоброе снилось!

3.

Мнѣ снилось: отъ берега Норской земли,
Гдѣ плещутъ варяжскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны;

4.

То свать нашъ Гаральдъ собирается плыть —
Храни его Богъ отъ напасти —
Мнѣ видѣлось: вороновъ черная нить
Усѣлася съ крикомъ на снасти.

5.

И бабища будто на камнѣ сидитъ,
 Считаетъ суда и смѣется:
 — Плывите, плывите, она говоритъ,
 Домой ни одно не вернется!

6.

Гаральда-варяга въ Британіи ждётъ
 Саксонецъ Гаральдъ, его тѣзка;
 Червонаго меду онъ вамъ поднесетъ,
 И спать васъ уложить онъ жёстко!

7.

И далѣ мнѣ снилось: у берега тамъ,
 У норской у пристани главной,
 Сидитъ, волоса раскидавъ по плечамъ,
 Золовка, сидитъ Ярославна;

8.

Глядитъ, какъ уходятъ въ туманъ паруса
 Съ Гаральдовой силою ратной,
 И плачетъ, и рветъ на себѣ волоса,
 И кличетъ Гаральда обратно...

9.

Проснулася я—и доселѣ вдали
 Все карканье вороновъ внемлю;
 Прошу тебя, княже, скорѣ пошли
 Провѣдать въ ту Норскую землю!

10.

И только княгиня домолвила рѣчь,
 Невѣстка ихъ, Гида, вбѣжала;
 Жемчужная бармица падаетъ съ плечъ,
 Забыла надѣтъ покрывало.

11.

— Князь-батюшка, деверь, испугана я,
 Когда бы бѣды не случилось!
 Княгиня-невѣстуха, лебедь моя,
 Мнѣ ночесъ недоброе снилось!

12.

Мнѣ снилось: отъ берега Франкской земли,
 Гдѣ плещуть норманскія волны,
 На саксовъ готовятся плыть корабли,
 Нормандіи рыцарей полны.

13.

То князь ихъ Вильгельмъ собирается плыть,
 Я будто слова его внемлю:
 Онъ хочетъ отца моего погубить,
 Присвоить себѣ его землю!

14.

И бабища злая бодритъ его рать,
 И молвить:—Я вороновъ стаю
 Прикликаю, саксовъ заутра клевать.
 И вѣтру я вамъ намахаю!

15.

И пологомъ стала махать на суда,
 На каждомъ вѣтрило надулось,
 И двинулась всѣхъ кораблей череда —
 И такъ я въ испугѣ проснулась...

16.

И только лишь Гида домолвила рѣчь,
 Бѣжитъ, запыхаяся, гридинъ:
 — Бери, государь, поскорѣе свой мечъ,
 Намъ ворогъ подъ Кіевомъ виденъ!

17.

На вышкѣ я тамъ, за рѣкою, стоялъ,
 Стоялъ на слуху я, на стражѣ;
 Я многія тысячи ихъ насчиталъ:
 То половцы близятся, княже!

18.

На бой Изяславъ созываетъ сыновъ,
 Онъ братьевъ скликаетъ на сѣчу,
 Онъ трубитъ къ дружинѣ, ему не до сновъ —
 Онъ половцамъ ѣдетъ на встрѣчу...

19.

По синему морю клубится туманъ,
 Всю даль облака застилаютъ,
 Изъ разныхъ слетаются вѣроны странъ,
 Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

20.

— Откуда летишь ты?—Повѣдай-ка намъ!
 — Лечу я отъ города Йорка,
 На битву обоихъ Гаральдовъ я тамъ
 Смотрѣлъ изъ-поднебесья зорко.

21.

Быль цѣлою выше варягъ головой,
 Чернѣла какъ туча кольчуга,
 Свистѣлъ его въ саксахъ топоръ боевой,
 Какъ въ листьяхъ осенняя вьюга;

22.

Копнами валилъ онъ тѣла на тѣла,
 Кровь до-моря съ поля струилась,
 Пока, провизжавъ, не примчалась стрѣла
 И въ горло ему не вонзилась.

23.

Упалъ онъ, почуя предсмертную тьму,
 Упалъ онъ какъ пьяный на брашно;
 Хотѣлъ я спуститься на темя ему,
 Но очи глядѣли такъ страшно!

24.

И долго надъ мѣстомъ кружился я тѣмъ,
 И поздней дождался я ночи,
 И сѣлъ я варягу Гаральду на племъ,
 И выклевалъ грозныя очи!

25.

По синему морю клубится туманъ,
 Слетается вороновъ болѣ:
 — Откуда летишь ты?—Я, кровію пьянъ,
 Лечу отъ Хастингскаго поля;

26.

Не стало у саксовъ вчера короля,
 Лежить межъ своихъ онъ, убитый,
 Пируетъ норманъ, его землю дѣля,
 И мы пировали тамъ сыто.

27.

Побѣдно отъ Йорка шла сакская рать,
 Теперь они смирны и тихи,
 И трупъ ихъ Гаральда не могутъ сыскать
 Межъ труповъ бродящіе мнихи;

28.

Но смѣтилъ я мѣсто, гдѣ на земь онъ палъ,
 И битва когда отшумѣла,
 И мѣсяцъ какъ щитъ надъ побоищемъ всталъ,
 Я сѣлъ на Гаральдово тѣло.

29.

Недвижныя были черты хороши,
 Нахмурены гордыя брови;
 Любуясь на нихъ, я до жадной души
 Напился Гаральдовой крови!

30.

По синему морю клубится туманъ,
 Всю даль облака застилаютъ,
 Изъ разныхъ слетаются вѣроны странъ,
 Другъ друга, кружась, вопрошаютъ:

31.

— Откуда летишь ты?—Изъ Русской земли!
 Я былъ на пиру въ Заднѣпровьи,
 Тамъ всѣ Изяслава полки полегли,
 Все поле упитано кровью.

32.

Съ разсвѣтомъ на половцовъ князь Изяславъ
 Тамъ выѣхалъ, грозень и злобень;
 Свой мечъ двоеручный высоко поднявъ,
 Святому Георгью подобень.

33.

Но къ ночи, руками за гриву держась,
 Конемъ увлекаемый съ бою,
 Ужъ по полю мчался израненный князь,
 Съ закинутой навзничь главою.

34.

И, каркая, долго летѣлъ я надъ нимъ,
 И ждалъ, чтобъ онъ на-земь свалился;
 Но былъ онъ, должно быть, судьбою хранимъ,
 Иль Богу, скача, помолился;

35.

Упалъ лишь надъ самымъ Днѣпромъ онъ съ
Въ ладью рыбаки его взяли,
А я полетѣлъ, неудачу кляня,
Туда, гдѣ другіе лежали!

36.

Поютъ во Софійскомъ соборѣ попы,
По князѣ идетъ панихида;
Рыдаетъ княгиня средь плача толпы,
Рыдаетъ Гаральдовна Гида,

37.

И съ ними другого Гаральда вдова
Рыдаетъ, стена, Ярославна,
Рыдаетъ:—О, горе! зачѣмъ я жива,
Коль сгнулъ Гаральдъ мой державный!

38.

И Гида рыдаетъ:—О, горе! убить
Отецъ мой, норманомъ сражѣнный!
Въ плѣну его веси, и взяты на щитъ
Саксонскія дѣвы и жѣны!

39.

Княгиня рыдаетъ:—О, князь Изяславъ,
Въ неравномъ посѣченъ ты спорѣ!
Побѣды обычной въ бою не стяжавъ,
Погибъ ты, о горе! о горе!

40.

Печерскіе иноки, выстроясь въ рядъ,
Протяжно поютъ: аллилуя!
А братья княжіе другъ друга корятъ,
И жадные вѣроны съ кровель глядятъ,
Усобицу близкую чуютъ.

УШКУЙНИКЪ.

Одолѣла сила-удаль меня, мѡлодца,
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и въ сердцѣ тая удаль-то не вмѣстится,
А и сердце-то отъ удали разбѡрвется!

Пойду къ батюшкѣ на удаль горько плакаться!
Пойду къ матушкѣ на силу въ ноги кланяться:
Отпустите свое дѣтище дрочѣное,
Новгородскимъ-то порядкамъ неучѣное!

Отпустите поиграти игры дѣтскія;
Тѣ ль обозы бить низовые купецкіе,
Багрить на морѣ кораблики урманскіе,
Да на Волгѣ жечь остроги басурманскіе!..

ПѢСНИ, ОЧЕРКИ.

I *).

Какъ селянинъ, когда грозятъ
Войны тяжелые удары,
Въ дремучій лѣсъ несетъ свой кладъ
Отъ нападенья и пожара,

И тамъ во мрачной тишинѣ
Глубоко въ землю зарываетъ,
И на чешуйчатой соснѣ
Свой знакъ съ заклатьемъ зарубаетъ,

Такъ ты, пѣвецъ, въ лихіе дни,
Во дни гоненья рокового,
Подъ темной рѣчью хорони
Свое пророческое слово.

---

*) Слѣдующія пять стихотвореній написаны по всему вѣроятію ранѣе 1866 г., но не были напечатаны при жизни автора и появились только въ 1877, 1881 и 1882 гг. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Вѣстникѣ Европы“.

II.

Во дни минувшіе, бывало,
Когда являлася весна,
Когда природа воскресала
Отъ продолжительнаго сна,
Когда ручьи текли обильно
И распускалися цвѣты,
Младое сердце билось сильно,
Кипѣли весело мечты,—
Съ какою радостію чистой
Я вновь встрѣчалъ въ бору сыромъ
Кувшинчикъ синій и пушистый
Съ его мохнатымъ стебелькомъ;
Какими чувствами родными
Меня манилъ, какъ старый другъ,
Звѣздами полный золотыми
Еще никѣмъ не смятый лугъ!
Потомъ пришла пора иная,
И съ каждой новою весной,
Былое счастье вспоминая,
Грустнѣй я дѣлался; порой,
Когда темнѣли неба своды,
Едва шептались тростники,

Звучнѣй ручья катились воды,
Жужжали поздніе жуки,
Казалось мнѣ, что мнѣ не даромъ
Грустить весною суждено,
Что неожиданнымъ ударомъ
Блаженство кончиться должно.

. . . . .
. . . . .

III.

Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой
 Меня тревожитъ тотъ же дивный сонъ:
 Въ туманной мглѣ стоитъ дворець высокій
 И длинный рядъ дорическихъ колонъ;
 Средь дикихъ горъ отъ нихъ ложатся тѣни,
 Къ рѣкѣ ведутъ широкія ступени;

И солнце тамъ привѣтливо не блещетъ,
 Порой сквозь тучи выглянетъ луна,
 О влажный брегъ порой лѣниво плещетъ,
 Катясь мимо, сонная волна;
 И истукановъ рой на плоской крышѣ
 Стоитъ во тьмѣ одинъ другого выше.

Туда, туда невѣдомая сила
 Вдоль по рѣкѣ влечетъ мою ладью,
 Къ высокимъ окнамъ взоръ мой пригвоздила,
 Желаньемъ грудь наполнила мою...

. . . . .
 . . . . .

Я жду тебя. Я жду, чтобъ ты склонила
 На темный доль свой животворный взглядъ;
 Тогда взойдетъ огнистое свѣтило,

Въ алмазныхъ искрахъ струи заблестятъ,
Проснется замокъ, позлатятся горы,
И загремятъ невидимые хоры.

Я жду; но тщетно грудь моя трепещеть...
Лишь сквозь туманъ виднѣется луна;
О влажный берегъ лишь лѣниво плещеть,
Катясь мимо, сонная волна,
И истукановъ рой на плоской крышѣ
Стоять во тьмѣ одинъ другого выше.

IV.

ВЪ АЛББОМЪ.

Стрѣлокъ, на той полянѣ,
Кто поздно такъ бѣжить,
Что тамъ въ ночномъ туманѣ
Клубится и кипитъ?
Что значить это пѣнье,
И струнъ въ эфирѣ звонъ,
И хохоть, и смятенье,
И блескъ со всѣхъ сторонъ?

Друзья, то вереница
Волшебницъ и сильфидъ,
Предъ ними ихъ царица
Воздушная бѣжить,
Бѣжить глухой дорожкой,
Мелькаетъ вдоль рѣки,
Подъ маленькою ножкой
Не гнутся стебельки.

Ей нѣтъ красавицъ равныхъ,
Ея чудесенъ видъ,
И много бардовъ славныхъ
Любовью къ ней горить.

Но бойся, путникъ смѣлый,
Въ ея попасться сѣть,
Иль кончикъ ножки бѣлой
Нечаянно узрѣть!

Когда луна золотая
Глядитъ въ зеркало водъ,
Въ лучахъ ея играя,
Какъ сонъ она плыветъ;
Наступитъ ли денница,
Она спѣшитъ ужъ прочь,
Пушокъ ей колесница,
Ея отчизна—ночь.

Лишь въ сумеркахъ застанетъ
Въ лѣсу она стрѣлка,
Зоветъ его и манитъ
Къ себѣ издалека;
Скользитъ надъ влагой зыбкой
Среди глухихъ болотъ
И странника съ улыбкой
Надъ пропастію ждетъ.

Сильфидъ она всѣхъ краше,
Волшебницъ всѣхъ милѣй,
Сѣдые барды наши
Горятъ любовью къ ней.
Но бойся, путникъ смѣлый,
Въ ея попасться сѣть,
Иль кончикъ ножки бѣлой
Нечаянно узрѣть!

V.

ГАРАЛЬДЪ СВЕНГОЛЬМЪ.

His voice it was dup like the voice of the see.

Его голосъ звучалъ какъ морская волна,
Мраченъ взоръ былъ грозящихъ очей,
И была его длань какъ погибель сильна,
Сердце зыблемой трости слабѣй.

Не въ кровавомъ бою онъ врагами убитъ,
Не грозою поверженъ онъ въ прахъ, —
Подъ могильнымъ холмомъ онъ безъ раны лежитъ,
Самъ себѣ разрушитель и врагъ.

Струны мощныя арфы пѣвецъ напрягалъ,
Струны жизни порвалися въ немъ,
И начатую пѣсню Гаральдъ не скончалъ,
И лежитъ подъ могильнымъ холмомъ.

И сосна тамъ раскинула силу вѣтвей,
Словно обликъ его хороша,
И тоскуеть на ней по ночамъ соловей,
Словно пѣсню кончаетъ душа.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

1.

Други, вы слышите ль крикъ оглушительный:
«Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати ли
«Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
«Много ли васъ остается, мечтатели?
«Сдайтесь натиску новаго времени!
«Міръ отрезвился, прошли увлеченія —
«Гдѣ жъ устоять вамъ, отжившему племени,
«Противъ теченія?»

2.

Други, не вѣрьте! Все та же единая
Сила насъ манить къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите, во имя прекраснаго,
Противъ теченія!

3.

Вспомните: въ дни Византіи разслабленной,
 Въ приступахъ ярыхъ на божьи обители,
 Дерзко ругаясь святыньѣ награбленной,
 Такъ же кричали иконъ истребители:
 «Кто воспротивится нашему множеству?
 «Міръ обновили мы силой мышленія —
 «Гдѣ жъ побѣжденному спорить художеству
 «Противъ теченія!»

4.

Въ оныя жъ дни, послѣ казни Спасителя,
 Въ дни, какъ апостолы шли, вдохновенные,
 Шли проповѣдывать слово Учителя,
 Книжники такъ говорили, надменные:
 «Распятъ мятежникъ! Нѣтъ проку въ осмѣянномъ,
 «Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученіи!
 «Имъ ли, убогимъ, идти, галилеянамъ,
 «Противъ теченія?»

5.

Други, гребите! Напрасно хулители
 Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею:
 На-берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
 Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
 Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
 Вѣрою въ наше святое значеніе
 Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
 Противъ теченія!

МАДОННА РАФАЭЛЯ.

Склоняся къ юному Христу,
Его Марія осѣнила,
Любовь небесная затмила
Ея земную красоту.

А Онъ, въ прозрѣніи глубокомъ,
Уже вступаая съ міромъ въ бой,
Глядитъ впередъ—и яснымъ окомъ
Голгоуе видитъ предъ собой.

КОЛОДНИКИ.

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметають дорожную пыль.

Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагають впередъ тяжело;
Угрюмыя сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идутъ съ ними длинныя тѣни,
Двѣ клячи телѣгу везутъ,
Лѣниво сгибаая колѣни,
Конвойные съ ними идутъ.

— Что, братцы, затынемте пѣсню,
Забудемъ лихую бѣду!
Ужь, видно, такая невзгода
Написана намъ на роду!

И вотъ, повели, затынули,
Поютъ, заливаясь, они

Про Волги широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни;

Поютъ про свободныя степи,
Про дикую волю поютъ,
День меркнетъ все болѣ,—а цѣпи
Дорогу метуть да метуть...

* * *

Ты почто, злая кручинушка,
Не въ конецъ извела меня, бѣдную,
Разорвала лишь душу на-двое?
Не сойтися утру съ вечеромъ,
Не ужиться двумъ добрымъ молодцамъ;
Изъ-за меня они ссорятся,
А и оба меня корятъ, бранятъ;
Ужъ какъ станетъ меня братъ корить:
— Ты почто пошла за боярина?
Напросилась въ родню неровную,
Отщепенница, переметчица
Отъ своей родни отступница?
— Государь ты мой, милый братецъ мой,
Я въ родню къ нимъ не напрашивалась,
И ты самъ меня уговаривалъ,
Снаряжалъ меня, выдавалъ меня!
Ужъ какъ станетъ меня мужъ корить:
— Изъ какого ты роду-племени?
Еще много ли за тобой приданаго?
Еще чѣмъ меня опоила ты,
Приговорница, приворотница,
Меня съ нашими разлучница?
— Государь ты мой, господинъ ты мой

Я тебя не приворачивала,
И ты взял меня вольной волею,
А приданого за мной не много есть,
И всего-то сердце покорное,
Голова тебѣ, сударь, поклонная!
Перекинулся хмѣль черезъ рѣченьку,
Съ одного дуба на другой на дубъ,
И качается межъ обоими,
Надъ быстрой водой зеленѣючи,
Злой кручинушки не знаючи,
Оба дерева обнимаючи.

Слушая повѣсть твою, полюбилъ я тебя, моя радость!
Жизнью твоею я жилъ, и слезами твоими я плакалъ;
Мысленно вмѣстѣ съ тобой пристрадалъ я минувшіе годы,
Все перечувствовалъ вмѣстѣ съ тобой, и печаль, и надежды;
Многое больно мнѣ было, во многомъ тебя упрекнулъ я;
Но позабыть не хочу ни ошибокъ твоихъ, ни страданій;
Дороги мнѣ твои слезы, и дорого каждое слово!
Бѣдное вижу въ тебѣ я дитя, безъ отца, безъ опоры;
Рано познала ты горе, обманъ и людское злословье,
Рано подъ тяжестью бѣдъ твои преломилися силы!
Бѣдное ты деревцо, поникшее долу головкой!
Ты прислонися ко мнѣ, деревцо, къ зеленому вязу:
Ты прислонися ко мнѣ, я стою надежно и прочно!

Въ монастырѣ пустынномъ, близъ Кордовы
Картина есть. Старательной рукой
Изобразилъ художникъ въ ней суровый,
Какъ предъ кумиромъ мученикъ святой
Лежить въ цѣпяхъ, и палачи съ живого
Сдирають кожу... Видь картины той,
Исполненный жестокаго искусства,
Сжмаетъ грудь и возмущаетъ чувство.

Но въ дни тоски, мнѣ все являясь снова,
Упорно въ мысль вторгается она,
И мука та казнимаго святого
Сегодня мнѣ понятна и родна:
Съ моей души совлечены покровы,
Живая ткань ея обнажена,
И каждое къ ней жизни прикосанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

* * *

Темнота и туманъ застилають мнѣ путь,
Ночь на землю все гуще ложится,
Но я вѣрю, я знаю, живетъ гдѣ-нибудь,
Гдѣ-нибудь да живетъ царь-дѣвица!

Какъ достичь до нея—не ищи, не гадай,
Тутъ разсчитать никакой не поможетъ.
Не догадка, не умъ, не безумье въ тотъ край,
Но удача принестъ тебя можетъ!

Я не ждалъ, не гадалъ, въ темнотѣ поскакалъ
Въ ту страну, куда нѣту дороги;
Я коня разнуздалъ, на удачу погналъ,
И въ бока ему втиснулъ остроги...

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не париль зной,
И зелень роцъ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пѣла звонко,
И въ завиткахъ еще въ бору
Былъ папоротникъ тонкій;

То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было,
Когда съ улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды —
О, жизнь! о, лѣсъ! о, солнца свѣтъ!
О, юность! о, надежды!

И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый, —
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было!

То было въ утро нашихъ лѣтъ —
О, счастье! о, слезы!
О, лѣсъ! о, жизнь! о, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!

* * *

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
Въ полуденныхъ лучахъ слѣды недавней стужи
Дымятся. Теплый вѣтръ повѣялъ намъ въ лицо
И морщить на поляхъ синѣющія лужи.

Еще трещитъ каминъ, отливами огня
Минувшій тѣсный міръ зимы напоминая,
Но жаворонокъ тамъ, надъ озимью звеня,
Сѣгодня возвѣстилъ, что жизнь пришла иная.

И въ воздухѣ звучать слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и довѣрье,
И громко вторять имъ бѣгущіе ручьи,
Колебя тростника желтѣющія перья.

Пускай же, какъ они по глинѣ и песку
Растаявшихъ снѣговъ, журча, уносятъ воды,
Безслѣдно унесетъ души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!...

НА ТЯГЪ.

Сквозить на заревѣ темнѣющихъ небесъ
И мелкимъ предо мной рисуется узоромъ
Въ весенніе листы едва одѣтый лѣсъ,
На лугъ болотистый спускаясь косогоромъ.
И глушь, и тишина. Лишь сонные дрозды
Какъ нѣхотя свое доканчиваютъ пѣнье;
Отъ луга всходитъ парь... Мерцающей звѣзды
У ногъ моихъ въ водѣ явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодній листъ
Зашелестилъ въ дубахъ. Внезапно легкій свистъ
Послышался; за нимъ, отчетисто и внятно,
Стрѣлку знакомый хрипъ раздался тоекратно,
И вальдшнепъ протянулъ—внѣ выстрѣла. Другой
Летитъ изъ-за лѣсу, но длинною дугой
Опушку обогнулъ и скрылся. Слухъ и зрѣнье
Мои напряжены, и вотъ черезъ мгновенье,
Свистя, еще одинъ, въ послѣднемъ свѣтѣ дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаивъ, нагнувшись подъ осиною,
Я выждалъ вѣрный мигъ—впередъ на поль-аршина
Я вскинулъ—огнь блеснулъ, по лѣсу грянулъ громъ —
И вальдшнепъ падаетъ на землю колесомъ.

Удара тяжкаго далекіе раскаты,
Слабѣя, замерли. Спокойствіемъ объятый,
Вновь дремлетъ юный лѣсъ, и облакомъ сѣдымъ
Въ недвижномъ воздухѣ виситъ ружейный дымъ.
Вотъ донеслась еще изъ дальняго болота
Весеннихъ журавлей ликующая нота —
И стихло все опять, и въ глубинѣ вѣтвей
Жемчужной дробію защелкалъ соловей.
Но отчего же вдругъ, мучительно и странно,
Минувшимъ на меня повѣяло неожиданно,
И въ этихъ сумеркахъ, и въ этой тишинѣ
Упрекомъ горестнымъ оно предстало мнѣ?
Былыя радости! Забытыя печали!
Зачѣмъ въ мсей душѣ вы снова прозвучали,
И снова предо мной, средь явственнаго сна,
Мелькнула дней моихъ погибшая весна?!

I.

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье,
 Какъ дымкой солнечный перенимая свѣтъ,
 То блѣднымъ золотомъ, то мягкой синей тѣнью
 Окрашиваетъ даль. Намъ тихій свой привѣтъ
 Шлетъ осень мирная. Ни рѣзкихъ очертаній,
 Ни яркихъ красокъ нѣтъ. Землей пережита
 Пора роскошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній;
 Стремленья улеглись; иная красота
 Смѣнила прежнюю; ликующаго лѣта
 Лучами сильными ужъ болѣ не согрѣта,
 Природа вся полна послѣдней теплоты;
 Еще вдоль влажныхъ межъ красуются цвѣты,
 А на пустыхъ поляхъ засохшія былины
 Опутываетъ сѣть дрожащей паутины;
 Кружася медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
 На землю желтый листь спадаетъ за листомъ;
 Невольно я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
 И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:
 — Всему насталь покой; прійми жъ его и ты,
 Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты!

Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, оставленныя всѣми,
По совѣсти ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна иль скудна?

II.

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
 Ручей межъ травъ катился, молчаливъ;
 Былъ тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ.
 Былъ легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ;
 Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
 Природу всю широко осѣнивъ,
 Царилъ покой; но подъ безмолвной тѣнью
 Могучихъ силъ мнѣ чуялось движенье.

Не шелестя надъ головой моей,
 Въ прозрачный мракъ деревья улетали;
 Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
 Какъ легкій дымъ, терялся въ горной дали;
 Лѣсной чебѣрь и полевой шалфей,
 Блестя росой, въ травѣ благоухали.
 И думалъ я, въ померкшіи глядя сводъ:
 Куда меня такъ манить и влечеть?

Проникнуть весь блаженствомъ былъ я новымъ,
 Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ:
 Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
 Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ —

То свершено однимъ, казалось, словомъ,
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крыль,
Перехожу, подъять природой всею,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею!

Но трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ,
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто жъ мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?
Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья,
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я,
И ожилъ вновь въ сознаньи бытія...

Тутъ пронеслось какъ въ листьяхъ дуновенье,
И какъ отвѣтъ слышалось мнѣ:
Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полуснѣ!
То творчества съ покоемъ соглашенье,
То мысли пылъ въ душевной тишинѣ...
Лови же мигъ, пока къ нему ты чутокъ —
Межъ сномъ и бдѣньемъ кратокъ промежутокъ!

ПЕРЕВОДЫ.

ГЁТЕ.

I.

БОГЪ И БАЯДЕРА.

Магадевъ, земли владыка,
Къ намъ въ шестой нисходитъ разъ,
Чтобъ отъ мала до велика
Самому извѣдать насъ;
Хочетъ въ странствованьи трудномъ
Скорбь и радость испытать,
Чтобъ судьбою правосуднымъ
Насъ карать и награждать.
Онъ, путникомъ городъ обшедши усталымъ,
Могучихъ проникнувъ, прислушавшись къ малымъ,
Выходитъ въ предмѣстье свой путь продолжать.

Вотъ стоитъ подъ воротами,
Въ шолкъ и кольца убрана,
Съ насурмлѣнными бровями,
Дѣва падшая одна.
— Здравствуй, дѣва!—Гость, не въ мѣру
Честь въ привѣтѣ мѣй твоемъ!

— Кто же ты?—Я баядера,
 И любви ты видишь домъ!
 Гремучіе бубны привычной рукою,
 Кружась, потрясаетъ она надъ собою,
 И, станъ изгибая, обходить кругомъ.

И, ласкаясь, увлекаетъ
 Незнакомца на порогъ.
 — Лишь войди, и засіяетъ
 Эта хата какъ чертогъ;
 Ноги я твои омою,
 Дамъ приютъ отъ солнца стрѣль,
 Освѣжу и успокою,
 Ты усталъ и изомлѣлъ.

И мнимымъ страданьямъ она помогаетъ,
 Безсмертный съ улыбкою все примѣчаетъ,
 Онъ чистую душу въ упавшей прозрѣлъ.

Какъ съ рабынею сурово
 Обращается онъ съ ней,
 Но она, откинувъ ковы,
 Все покорнѣй и нѣжнѣй,
 И невольно, въ жаждѣ вящей
 Унизительныхъ услугъ,
 Чуетъ страсти настоящей
 Возрастающій недугъ.

Но вѣдатель глубей и высей вселенной
 Пытуя, проводить ее постепенно
 Черезъ нѣгу, и страхъ, и терзанія мукъ.

Онъ касается устами
 Расписныхъ ея ланить,
 И неожиданными слезами
 Ликъ наемницы облить;
 Пала ницъ въ сердечной боли,

И не надо ей даровъ,
 И для пляски нѣту воли,
 И для рѣчи нѣту словъ.
 Но солнце заходить, и мракъ наступаетъ,
 Убранное ложе чету принимаетъ,
 И ночь опустила надъ ними покровъ.

На зарѣ, въ волненьи странномъ
 Пробудившись ото сна,
 Гостя мертвымъ, бездыханнымъ
 Видить съ ужасомъ она.
 Плачь напрасный! Крикъ бесплодный!
 Совершился рока судъ,
 И брамины трупъ холодный
 Къ ямѣ огненной несутъ.
 И слышитъ она погребальное пѣнье,
 И рвется, и дѣлится толпу въ изступленьи...
 — Кто ты? Чего хочешь, безумная, тутъ?

Съ воплемъ ринулась на землю
 Предъ возлюбленнымъ своимъ:
 — Я супруга прахъ объемлю,
 Я хочу погибнуть съ нимъ!
 Красота ли неземная
 Станетъ пепломъ и золой?
 Онъ былъ мой въ лобзаньяхъ рая,
 Онъ и въ смерти будетъ мой!
 Но стихъ раздается священнаго хора:
 — Несемъ мы къ могилѣ, несемъ безъ разбора,
 И старость, и юность съ ея красотой!

— Ты жъ ученю Брамь вѣруй:
 Мужемъ нѣ былъ онъ твоимъ,
 Ты зовешься баядерой,
 И не связана ты съ нимъ!

Только жёнамъ овдовѣлымъ
 Честь сожженья суждена,
 Только тѣнь идетъ за тѣломъ,
 А за мужемъ лишь жена!
 Раздайтесь, трубы! кимвалы, гремите!
 Вы въ пламени юношу, боги, примите,
 Примите къ себѣ отъ послѣдняго сна!

Такъ, ея страданья множа,
 Хоръ безжалостно поетъ,
 И на лютой смерти ложе,
 Въ ярый огонь, она падеть;
 Но изъ пламеннаго зѣва
 Богъ поднялся, невредимъ,
 И въ его объятяхъ дѣва
 Къ небесамъ влетаетъ съ нимъ.
 Раскаянне грѣшныхъ любимо богами,
 Заблудшихъ дѣтей огневыми руками
 Благіе возносятся къ чертогамъ своимъ.

II.

КОРИНѠСКАЯ НЕВѠСТА.

Изъ АѠинъ въ КоринѠвъ многоколонный
Юный гость приходитъ, незнакомъ;
Тамъ когда-то житель благосклонный
ХлѠбъ и соль водилъ съ его отцомъ;
И дѠтей они,
Въ ихъ молодые дни,
Нарекли невѠстой съ женихомъ.

Но какой для добраго пріема
Отъ него потребуютъ цѠны?
Онъ—дитя языческаго дома,
А они—недавно крещены!
ГдѠ за вѠру споръ,
Тамъ, какъ вѠтромъ соръ,
И любовь, и дружба сметены.

Вся семья давно ужъ отдыхаетъ,
Только мать одна еще не спитъ,
Благодушно гостя принимаетъ
И покой отвести ему спѠшитъ;
Лучшее вино
Ею внесено,
ХлѠбомъ столъ и яствами покрыть.

И простясь, ночникъ ему зажженный
 Ставить мать, но ото всѣхъ тревогъ
 Ужъ усталый онъ и полусонный,
 Безъ ѣды, не раздѣваясь, легъ,
     Какъ сквозь двери тьму
     Двигается къ нему
 Станный гость безшумно на порогъ.

Входить дѣва медленно и скромно,
 Вся покрыта бѣлой пеленой:
 Вкругъ косы ея, густой и темной,
 Блещетъ вѣнчикъ черно-золотой.
     Юношу узрѣвъ,
     Стала, оробѣвъ,
 Съ приподнятой блѣдною рукой.

— Видно, въ домѣ я уже чужая,
 Такъ она со вздохомъ говорить,
 Что вошла, о гостѣ семъ не зная,
 И теперь меня объемлетъ стыдъ;
     Спи жъ спокойнымъ сномъ
     На одрѣ своемъ,
 Я уйду опять въ мой темный скитъ.

— Дѣва, стой! воскликнулъ онъ: со мною
 Подожди до утренней поры!
 Вотъ, смотри, Церерой золотою,
 Вакхомъ вотъ посланные дары;
     А съ тобой придетъ
     Молодой Эротъ,
 Имъ же свѣтлы игры и пиры!

— Отступи, о, юноша! я болѣ
 Непричастна радости земной;
 Шагъ свершонъ родительскою волей:

На одрѣ болѣзни роковой
 Поклялася мать
 Небесамъ отдать
 Жизнь мою, и юность, и покой!

И боговъ веселыхъ рой родимый
 Новой вѣры сила изгнала,
 И теперь царить одинъ Незримый,
 Одному Распятому хвала!
 Агнцы болѣ тутъ
 Жертвой не падутъ,
 Но людскія жертвы безъ числа!

И ея онъ взвѣшиваетъ рѣчи:
 — Неужель теперь, въ тиши ночной,
 Съ женихомъ не чаявшая встрѣчи,
 Тѣ стоитъ невѣста предо мной?
 О, отдайся жъ мнѣ,
 Будь моей вполнѣ;
 Насъ вѣнчали клятвою двойной!

— Мнѣ не быть твоею, отрокъ милый,
 Ты мечты напрасной не делѣй.
 Скоро буду взята я могилой;
 Ты жъ сестрѣ назначенъ ужъ моей;
 Но въ блаженномъ снѣ
 Думай обо мнѣ,
 Обо мнѣ, когда ты будешь съ ней!

Нѣтъ, да свѣтитъ пламя сей лампы
 Намъ Гимена факеломъ святымъ,
 И тебя для жизни, для отрады,
 Уведу къ пенатамъ я моимъ!
 Вѣрь мнѣ, другъ, о, вѣрь!
 Мы вдвоемъ теперь
 Брачный пиръ нежданно совершимъ!

И они мѣняются дарами:
 Цѣпь она спѣшитъ влатую снять, —
 Чашу онъ съ узорными краями
 Въ знакъ союза хочетъ ей отдать;
     Но она къ нему:
     — Чаши не приму,
 Лишь волосъ твоихъ возьму я прядь!

Полночь бьетъ—и взоръ доселѣ хладный
 Заблисталь, лицо оживлено,
 И уста безцвѣтныя пьютъ жадно
 Съ темной кровью схожее вино;
     Хлѣба жъ со стола
     Вовсе не взяла,
 Словно ей вкушать запрещено.

И фіаль она ему подносить,
 Вмѣстѣ съ ней онъ токъ багровый пьетъ,
 Но ея объятій какъ ни просить,
 Все она противится—и вотъ,
     Тяжко огорченъ,
     Паль на ложе онъ,
 И въ безсильной страсти слезы льетъ.

И она къ нему, ласкаясь, сѣла:
 — Жалко мучить мнѣ тебя, но, ахъ,
 Моего когда коснешься тѣла,
 Неземной тебя охватитъ страхъ:
     Я какъ снѣгъ блѣдна,
     Я какъ ледъ хладна,
 Не согрѣюсь я въ твоихъ рукахъ!

Но, кипящій жизненною силой,
 Онъ ее въ объятія заключилъ:
 — Ты хотя бы вышла изъ могилы,

Я бѣ согрѣлъ тебя и оживилъ!
 О, какимъ вдвоемъ
 Мы горимъ огнемъ,
 Какъ тебя мой проникаетъ пылъ!

Все тѣснѣй сближаетъ ихъ желанье —
 Ужъ она, припавъ къ нему на грудь,
 Пьетъ его горячее дыханье
 И ужъ устъ не можетъ разомкнуть;
 Юноши любовь
 Ей согрѣла кровь,
 Но не бьется сердце въ ней ничуть.

Между тѣмъ, дозоромъ позднимъ, мимо
 За дверьми еще проходить мать,
 Слышитъ шумъ внутри необъяснимый
 И его старается понять:
 То любви недугъ,
 Поцѣлуевъ звукъ,
 И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаивъ дыханье,
 Ждетъ она—сомнѣній болѣ нѣтъ —
 Вздохи, слезы, страсти лепетанье
 И восторга бѣшеннаго бредъ:
 — Скоро день—но вновь
 Насъ сведетъ любовь!
 — Завтра вновь! съ лобзаньемъ былъ отвѣтъ.

Долѣ мать сдержать не можетъ гнѣва,
 Ключъ она свой тайный достаетъ:
 — Развѣ есть такая въ домѣ дѣва,
 Чтѣ себя пришельцамъ отдаетъ?
 Такъ возмущена,
 Входитъ въ дверь она —
 И дитя родное узнаетъ.

И воспрянувъ, юноша съ испугу,
 Хочетъ скрыть завѣсою окна,
 Покрываломъ хочетъ скрыть подругу;
 Но, отбросивъ складки полотна,
     Съ ложа, вся пряма,
     Словно не сама,
 Медленно подѣмлется она.

— Мать, о, мать! нарочно ты ужели
 Отравить мою приходишь ночь?
 Съ этой теплой ты меня постели
 Въ мракъ и холодъ снова гонишь прочь!
     И съ тебя ужель
     Мало и досель,
 Что свою ты схоронила дочь?

Но меня изъ тѣсноты могильной
 Нѣкій рокъ къ живущимъ шлетъ назадъ,
 Вашихъ клировъ пѣніе безсильно,
 И попы напрасно мнѣ кадятъ:
     Молодую страсть
     Никакая власть,
 Ни земля, ни гробъ не охладятъ!

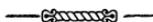
Этотъ отрокъ именемъ Венеры
 Былъ обѣщанъ мнѣ отъ юныхъ лѣтъ,
 Ты вотще во имя новой вѣры
 Изрекла неслыханный обѣтъ!
     Чтобъ его принять,
     Въ небесахъ, о, мать,
 Въ небесахъ такого бога нѣтъ!

Знай, что смерти роковая сила
 Не могла сковать мою любовь,
 Я нашла того, кого любила,

И его я высосала кровь!
И покончивъ съ нимъ,
Я пойду къ другимъ, —
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужденъ ты чахнуть и завять;
Цѣпь мою тебѣ передала я,
Но волосъ твоихъ беру я прядь.
Ты ихъ видишь цвѣтъ?
Завтра будешь сѣдъ,
Русымъ тамъ лишь явишься опять!

Мать, услышь послѣднее моленье,
Прикажи костеръ воздвигнуть намъ,
Свободи меня изъ заточенья,
Миръ въ огнѣ дай любящимъ сердцамъ!
Такъ изъ дыма тьмы
Въ пламѣ, въ искрахъ мы
Къ нашимъ древнимъ полетимъ богамъ!

1866—1875 гг.

ГЕЙНЕ *).

Nun ist es Zeit.

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ!
Пора мнѣ вернуться къ разсудку!
Довольно съ тобой, какъ искусный актеръ,
Я драму разыгрывалъ въ шутку

Расписаны были кулисы пестро,
Я такъ декламировалъ страстно,
И мантіи блескъ, и на шляпѣ перо,
И чувства—все было прекрасно.

Но вотъ хоть ужъ сбросилъ я это тряпцѣ,
Хоть нѣтъ театральнаго хламу,
Доселѣ болить еще сердце мое
Какъ будто играю я драму!

И чтó я поддѣльною болью считалъ,
То боль оказалась живая —
О, Боже! я, раненый на-смерть, игралъ,
Гладиатора смерть представляя!

---

*) Это стихотвореніе сообщено И. А. Гончаровымъ, съ просьбою помѣстить его, по принадлежности, въ собраніе сочиненій графа А. К. Толстого, гдѣ, по вѣрности перевода и изяществу стиха, оно должно занять не послѣднее мѣсто. Оно было переведено, по просьбѣ г. Гончарова, для 5-й части романа „Обрывъ“, гдѣ и напечатано.

ЭДВАРДЪ.

НАРОДНАЯ ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА.

1.

— Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагрилъ,
Эдвардъ, Эдвардъ?
Чьей кровію мечъ ты свой такъ обагрилъ?
Зачѣмъ ты глядишь такъ сурово?
— То сокола я, разсердяся, убилъ,
Мать моя, мать,
То сокола я, разсердяся, убилъ,
И негдѣ добыть мнѣ другого!

2.

— У сокола кровь такъ красна не бѣжить,
Эдвардъ, Эдвардъ,
У сокола кровь такъ красна не бѣжить,
Твой мечъ окровавленъ краснѣе!
— Мой конь краснобурый былъ мною убитъ,
Мать моя, мать,
Мой конь краснобурый былъ мною убитъ,
Тоскую по добромъ конѣ я!

3.

— Конь старъ у тебя, эта кровь не его,
 Эдвардъ, Эдвардъ,
 Конь старъ у тебя, эта кровь не его —
 Не то въ твоёмъ сумрачномъ взорѣ!
 — Отца я сейчасъ закололъ моего,
 Мать моя, мать,
 Отца я сейчасъ закололъ моего,
 И лютое жжётъ меня горе!

4.

— А грѣхъ чѣмъ тяжелый искупишь ты свой,
 Эдвардъ, Эдвардъ?
 А грѣхъ чѣмъ тяжелый искупишь ты свой?
 Чѣмъ сымешь ты съ совѣсти ношу?
 — Я сяду въ ладью непогодой морской,
 Мать моя, мать,
 Я сяду въ ладью непогодой морской,
 И вѣтру всѣ парусы брошу!

5.

— А съ башней что будетъ и съ домомъ твоимъ,
 Эдвардъ, Эдвардъ?
 А съ башней что будетъ и съ домомъ твоимъ,
 Ладья когда въ море отчалить?
 — Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ,
 Мать моя, мать,
 Пусть вѣтеръ и буря гуляютъ по нимъ
 Доколѣ ихъ въ прахъ не повалятъ!

6.

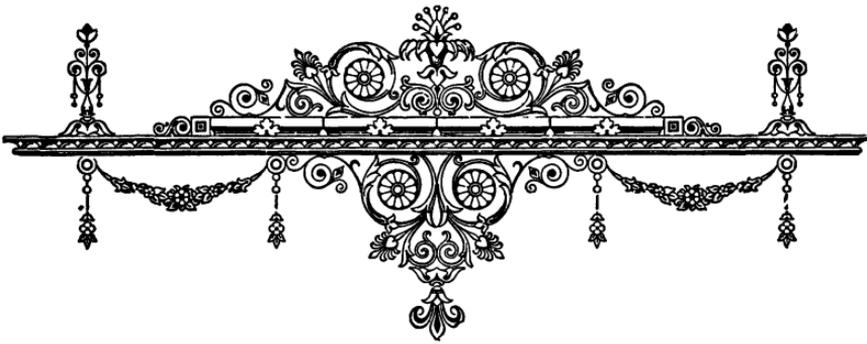
— Что жъ будетъ съ твоими съ дѣтьми и женой,
 Эдвардъ, Эдвардъ?
 Что жъ будетъ съ твоими съ дѣтьми и женой,

Въ ихъ горькой, безпомощной долѣ?
— Пусть по-миру ходятъ за хлѣбомъ съ сумой,
Мать моя, мать,
Пусть по-миру ходятъ за хлѣбомъ съ сумой,
Я съ ними не свижуся болѣ!

7.

— А матери что ты оставишь своей,
Эдвардъ, Эдвардъ?
А матери что ты оставишь своей,
Тебя что у груди качала?
— Проклятье тебѣ до скончанія дней,
Мать моя, мать,
Проклятье тебѣ до скончанія дней,
Тебѣ, что мнѣ грѣхъ нашептала!

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

СТРАН.

ПОЭМЫ, ПОВѢСТИ, ДРАМЫ:

Посадникъ.—Неоконченная драма	3
Портретъ.—Повѣсть въ стихахъ	122
Драконъ.—Итальянскій рассказъ XII-го вѣка	148

ВЫЛИНЫ, БАЛЛАДЫ, ПРИТЧИ:

Алеша Поповичъ	176
Боривой	182
Гаконъ слѣпой	189
Государь ты нашъ, батюшка	192
Змѣй Тугаринъ	194
Илья Муромецъ	201
Кануть	204
Порой веселой мая	211
Потокъ-богатырь	218
Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославнѣ	227
Пѣсня о походѣ Владимира на Корсунь	232
Ругевить	243
Садко	246
Сваговство	256
Слѣпой	267
Три побойща	274
Ушкуйникъ	281

ПЪСНИ, ОЧЕРКИ:

СТР.

Какъ селянинъ, когда грозятъ	282
Во дни минувшіе бывало.	283
Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой	285
Въ альбомъ	287
Гаральдъ Свенгольмъ	289
Противъ теченія	290
Мадонна Рафаэля	292
Колодники	293
Ты почто, злая кручинушка	295
Слушая повѣсть твою, полюбилъ я тебя, моя радость.	297
Въ монастырѣ пустыннои, близъ Кордовы.	298
Темнота и туманъ застилаютъ мнѣ путь.	299
То было раннею весной	300
Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо	302
На тягѣ	303
Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье	305
Земля цвѣла	307

ПЕРЕВОДЫ:

Изъ Гете.	
Богъ и Баядера	309
Коринская невѣста	313
Изъ Гейне.	
Довольно	320
Шотландская баллада Эдвардъ	321

